

ISSN 2076-8915 (Print)
ISSN 2409-9007 (Online)

Научный журнал

**ПРОБЛЕМЫ
РАЗВИТИЯ
ТЕРРИТОРИИ**

**№ 4 (102)
2019**

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

*Издается с 1997 года
Выпуск 4(102)*

Вологда • 2019

Решением Минобрнауки России журнал «Проблемы развития территории» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по всем научным специальностям в рамках отрасли науки 22.00.00 «Социологические науки» и по четырем научным специальностям в рамках отрасли науки 08.00.00 «Экономические науки»: 08.00.01 «Экономическая теория», 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности)», 08.00.10 «Финансы, денежное обращение и кредит», 08.00.13 «Математические и инструментальные методы экономики»

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: OCLC WorldCat, EBSCO, ROAR, BASE, OpenAIRE, RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, ВИНТИ РАН, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий широкий круг вопросов социально-экономического развития территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям научной общественности и практикам работникам возможности знакомиться с результатами научных исследований в области научного обеспечения экономики территорий, принимать участие в обсуждении этих проблем. В числе основных тем – проблемы развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социально-экономическое развитие территорий, вопросы формирования доходов региональных бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, актуальные вопросы развития АПК.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ускова Т.В., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аритон Д., доктор наук, проф. (Университет Данубиуса Галати, Румынское агентство по обеспечению качества в высшем образовании, Бухарест, Румыния)

Базуева Е.В., д. э. н., профессор (Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия)

Бахтизин А.Р., член-корреспондент РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Буккиарелли Э., доктор наук (Университет «Габриэле д'Аннунцио», Пескара, Италия)

Воронов В.В., д. с. н., проф. (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., д. э. н., доцент (ООО «Русинтехком», Вологда, Россия)

Дюран С., кандидат наук, доцент (Университет Париж 13 (Университет Париж-Север), Вильтанез, Франция)

Загребельный А.В., ответственный секретарь, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Котилайнен Ю., доктор наук, проф. (Университет Восточной Финляндии, Йюэнсуу, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь)

Латов Ю.В., д. с. н., доцент (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лыкова Л.Н., д. э. н., профессор (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Скуфьяна Т.П., д. э. н., профессор (Кольский научный центр Российской академии наук, Апатиты, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия)

Давыденко В.А., д. с. н., проф. (Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия)

Доброхлеб В.Г., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, Москва, Россия)

Жгулев Е.В., д. э. н., доцент (Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Жихаревич Б.С., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Каргаполова Е.В., д. с. н., профессор (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Ковач Т., к. э. н., доцент (Школа бизнеса Будапешта, Колледж международного менеджмента и бизнеса, Будапешт, Венгрия)

Когай Е.А., д. филос. н., проф. (Курский государственный университет, Курск, Россия)

Лаженцев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Мазилев Е.А., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Малков Н.Г., к. т. н., доцент (Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина, Вологда, с. Молочное, Россия)

Попов Е.В., член-корреспондент РАН (Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия)

Сакал П., доктор философии, проф. (Словацкий технический университет, Трнава, Словакия)

Селин М.В., д. э. н., проф. (Законодательное Собрание Вологодской области, Вологда, Россия)

Суворов А.В., д. э. н., проф. (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия)

Теребова С.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Цветков В.А., член-корреспондент РАН (Институт проблем рынка РАН, Москва, Россия)

Шабунова А.А., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

Леонидова Г.В., Головчин М.А.

Национальный проект «Образование» и возможность его влияния на развитие человеческого капитала 7

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Мониторинг экономики: основные тенденции. Май 2019 года 26

Мониторинг социальных настроений..... 36

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

Ворошилов Н.В.

Подходы к оценке развитости агломераций на территории России 40

Иванов В.А.

Особенности и направления развития села и экономики сельской территории северного региона 55

Кожевников С.А., Лебедева М.А.

Проблемы перехода к зеленой экономике в регионе (на материалах Европейского Севера России).....72

Шишелов М.А.

Оценка производства и потребления древесного биотоплива в Республике Коми 89

Кириллова С.А., Герасимова Л.А.

Формирование туристского бренда территории (на примере Мелеузовского района) 105

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

Доброхлеб В.Г., Сигарева Е.П.

Демографический потенциал Вологодской области..... 118

Уханова Ю.В., Параничева И.В.

Предпосылки и вовлеченность сельского социума в практики гражданского участия 132

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Байнев В.Ф., Рунков Ю.Ю.

Технико-технологический прогресс как ключевой фактор развития регионов в XXI веке 148

АКТУАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ: ЦИФРЫ И ФАКТЫ

Морев М.В., Дементьева И.Н., Леонидова Е.Э.

Основные тенденции социального самочувствия населения Вологодской области в июне 2019 года	163
---	-----

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

КОНФЕРЕНЦИИ, ЗАСЕДАНИЯ, СЕМИНАРЫ

С заседаний ученого совета	170
----------------------------------	-----

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ФГБУН ВОЛНЦ РАН	171
-------------------------------------	-----

Правила для авторов	173
---------------------------	-----

Информация о подписке	176
-----------------------------	-----

CONTENT

FROM THE EDITORIAL BOARD

Leonidova G.V., Golovchin M.A.

National Project “Education” and its Possible Impact
on the Development of Human Capital.....7

MONITORING OF CHANGES: MAIN TRENDS

Economic Monitoring: Main Trends. May 2019.....26

Public Sentiment Monitoring 36

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF TERRITORIES, BRANCHES, AND PRODUCTION COMPLEXES

Voroshilov N.V.

Approaches to Assessing the Development of Agglomerations in Russia.....40

Ivanov V.A.

Features and Areas of Village and Rural Economy
Development in the Northern Region.....55

Kozhevnikov S.A., Lebedeva M.A.

Problems of Transition to Green Economy in the Region
(Based on Materials of the European North of Russia).....72

Shishelov M.A.

Evaluation of Production and Consumption
of Wood Biofuel in the Komi Republic 89

Kirillova S.A., Gerasimova L.A.

Forming the Tourist Brand of a Territory (Example of Meleuzovsky District) 105

LIFE QUALITY AND HUMAN POTENTIAL OF TERRITORIES

Dobrokhleb V.G., Sigareva E.P.

The Demographic Capacity of the Vologda Oblast 118

Ukhanova Yu.V., Paranicheva I.V.

Prerequisites and Involvement of the Rural Population
in the Practice of Civic Participation 132

FOREIGN EXPERIENCE OF REGIONAL ECONOMIC DEVELOPMENT

Bainev V.F., Runkov Yu.Yu.

Technical and Technological Progress as a Key Factor
in Regional Development in the 21st Century 148

CURRENT NEWS: FIGURES AND FACTS

Morev M.V., Dement'eva I.N., Leonidova E.E.

Main trends in the social well-being of the Vologda Oblast population in June 2019 163

CHRONICLES OF SCIENCE LIFE

CONFERENCES, MEETINGS, SEMINARS

From the Academic Council Sessions 170

NEW VOLRC RAS PUBLICATIONS 171

Guidelines for the authors 173

Subscription Information 176

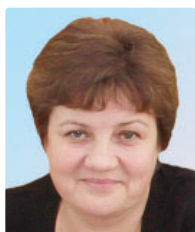
ОТ РЕДАКЦИИ

DOI: 10.15838/ptd.2019.4.102.1

УДК 338.24.021.8 | ББК 65.050

© Леонидова Г.В., Головчин М.А.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «ОБРАЗОВАНИЕ» И ВОЗМОЖНОСТЬ ЕГО ВЛИЯНИЯ НА РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

ЛЕОНИДОВА ГАЛИНА ВАЛЕНТИНОВНА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

E-mail: galinaleonidova@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0361-2099; ResearcherID: I-7139-2016

ГОЛОВЧИН МАКСИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Вологодский научный центр Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

E-mail: mag82@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7813-5170; ResearcherID: N-1706-2015

В октябре 2018 года Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам был утвержден паспорт национального проекта «Образование». Проект направлен на повышение качества человеческого капитала страны. Основными направлениями реализации этой цели определены как новые ориентиры образовательной политики (это прежде всего касается повышения конкурентоспособности российского образования), так и ранее уже входившие в ряд реформаторских проектов (приоритетный национальный проект «Образование», национальная образовательная инициатива «Наша новая школа») задачи (качество учительских кадров, интернетизация и цифровизация школ). Статья посвящена анализу национального проекта «Образование» с точки зрения возможности его влияния на развитие человеческого капитала. Для этого были обобщены взгляды на роль образования в экономике государства, выделены этапы проектного управления в образовательной политике России, опре-

Для цитирования Леонидова Г.В., Головчин М.А. Национальный проект «Образование» и возможность его влияния на развитие человеческого капитала // Проблемы развития территории. 2019. № 4 (102). С. 7–25. DOI: 10.15838/ptd.2019.4.102.1

For citation: Leonidova G.V., Golovchin M.A. National project “Education” and its possible impact on the development of human capital. *Problems of Territory’s Development*, 2019, no. 4 (102), pp. 7–25. DOI: 10.15838/ptd.2019.4.102.1

делены группы вопросов, составляющие основную повестку документа (конкурентоспособность национальной системы образования, развитие многосторонней личности на основе традиций и современных веяний), а также механизмы достижения целевых показателей. На основании паспорта нацпроекта, официальной статистики и данных социологических опросов сделан вывод о достоинствах национального проекта «Образование», его месте в развитии человеческого капитала России. Выявлен и обозначен ряд позиций проекта, нечетко сформулированных либо имеющих расхождения с целевыми показателями существующих стратегических документов образовательной политики, а также показано отсутствие «прозрачности» в формулировках некоторых целевых показателей. Материалы статьи могут быть использованы как в управлении образовательной деятельностью, так и в дальнейшей проработке нацпроекта «Образование». Также представленная статья будет интересна не только работникам образования, но и широкой общественности.

Национальный проект, образование, человеческий капитал, школа, учитель, образовательная политика, проектный подход, образовательный рейтинг.

Введение

В системе современных мирохозяйственных связей идет концентрация усилий в сфере формирования и эффективной реализации человеческого капитала – одного из ключевых факторов, определяющих положение стран на мировой арене. Учитывая важность этого вопроса, различные международные структуры проводят расчеты по оценке этого показателя и составляют рейтинги, позволяющие сравнить позиции стран и мобилизовать в дальнейшем усилия общества в направлении его развития.

Сегодня оценка человеческого капитала на межстрановом уровне проводится аналитической группой Всемирного экономического форума (ВЭФ) в сотрудничестве с Гарвардским университетом (Harvard University) и международной консалтинговой компанией Mercer Human Resource Consulting; экспертами Всемирного банка (World Bank); экспертами Программы развития ООН.

Позиции России в публикуемых рейтингах достаточно высокие. Так, в глобальном рейтинге человеческого капитала Всемирного экономического форума страна заняла в 2017 году 16-е место из 130 стран, опередив при этом Японию, Южную Корею, Израиль, Францию и Великобританию. Индекс человеческого капитала России, по оценке ВЭФ, показывает восходящую динамику – в 2013 году она находилась на 51 месте, в 2015 – на 26.

В оценках Всемирного банка Россия находится на 34 месте среди 157 государств

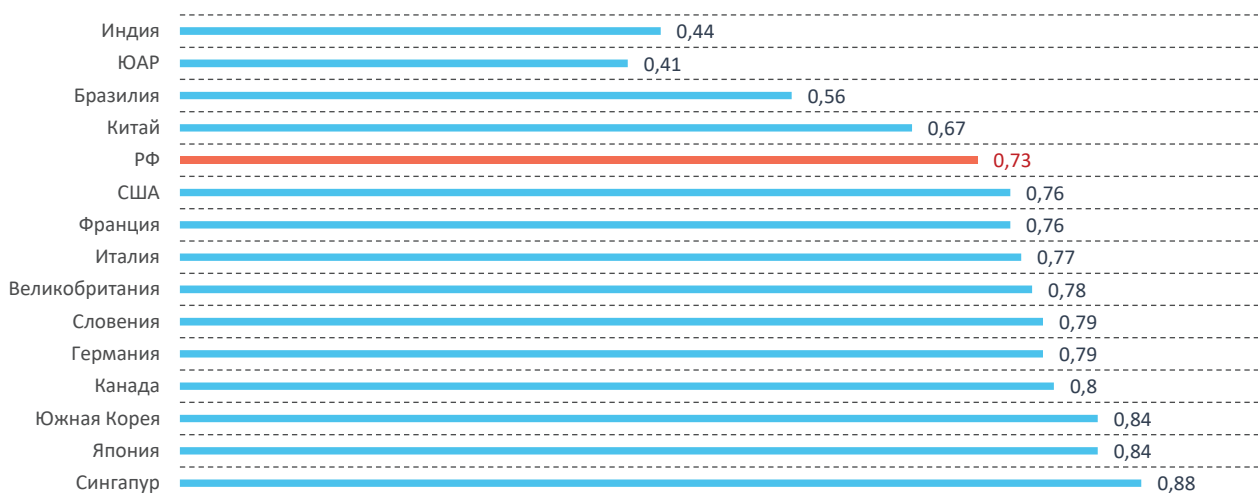
(рис. 1). По данным экспертов, «это немного выше, чем средний уровень ... для группы стран с сопоставимыми доходами»¹.

По данным расчета индекса человеческого развития Программы развития ООН, Россия занимает в 2017 году 49 место из 189 стран и входит в группу лидеров. Индекс также имеет положительный тренд (в 2014 году – 51 место). Однако несмотря на то что страна входит теперь в группу с очень высоким уровнем человеческого развития, отставание от стран первой пятерки, например, Норвегии (0,953 ед., РФ – 0,816 ед.), составляет около 15%².

Однако проблемы накопления человеческого капитала в значительной мере касаются не столько России в целом, сколько ее отдельных регионов. Так, в столичных городах индекс человеческого развития весьма высок (Москва – 0,952 ед., Санкт-Петербург – 0,935 ед. в 2016 году; табл. 1). Они удерживают лидирующие позиции за счет высоких показателей ВРП на душу населения. В провинции – иная обстановка. Низкие позиции сохраняет за собой на протяжении длительного периода Республика Тыва (0,786 ед.). В этой же группе регионов с низкими значениями индексов ИЧР находятся респу-

¹ Проект развития человеческого капитала. Всемирный банк, 2018. URL: <http://www.vsemirnyjbank.org/ru/publication/human-capital> (дата обращения 24.06.2019).

² Human Development Reports. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update.pdf (accessed 24.06.2019).

Рис. 1. Индекс человеческого капитала в отдельных странах*, по версии Всемирного банка (2018 год)

* Страны сгруппированы по уровню доходов по классификации Всемирного банка. Уровень доходов определяется как подушевой валовой национальный продукт. Источник: Российское образование в контексте индекса человеческого капитала // Бюллетень о сфере образования. 2018. № 18. 32 с.

Таблица 1. Индекс человеческого развития в регионах России

Регионы	2000 год	2016 год*
Первые пять регионов	1. г. Москва (0,864)	1. г. Москва (0,952)
	2. Тюменская область (0,840)	2. г. Санкт-Петербург (0,935)
	3. Республика Татарстан (0,804)	3. Тюменская область (0,908)
	4. г. Санкт-Петербург (0,780)	4. Ханты-Мансийский АО – Югра (0,908)
	5. Белгородская область (0,772)	5. Республика Татарстан (0,905)
***		
Последние пять регионов	75. Чукотский АО (0,709)	81. Республика Крым (0,817)
	76. Ивановская область (0,700)	82. Карачаево-Черкесская Респ. (0,817)
	77. Читинская область (0,698)	83. Еврейская автономная обл. (0,801)
	78. Еврейская АО (0,697)	84. Чеченская Республика (0,800)
	79. Республика Тыва (0,633)	85. Республика Тыва (0,786)
РФ	0,763	0,881

* Последние доступные данные за 2016 год в докладе за 2018 год. Источники: Человек и инновации: докл. о человеческом развитии в Российской Федерации / под ред. С.Н. Бобылева, Л.М. Григорьева. М.: Аналитический центр при Правительстве РФ, 2018. С. 161–162.

блики Крым, Карачаево-Черкессия, Чечня и Еврейская автономная область. Все это свидетельствует об актуальности использования инструментов выравнивания ситуации в регионах, их поддержки, в том числе за счет адресных финансовых вливаний. Важность скорейшего решения подобного вопроса нашла отражение в серии национальных проектов, утвержденных Прези-

диумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам в 2018 году.

Современные экономики стремятся выйти на новое качество экономического роста. С учетом мировых тенденций Российская Федерация также ставит себе эту задачу. В этом ключе разработаны Национальные проекты до 2024 года по 12 направлениям

стратегического развития, установленным Указом Президента России от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Нацпроекты объединены в 3 блока: «Человеческий капитал», «Комфортная среда для жизни», «Экономический рост» – с общим объемом финансирования в 25,7 трлн рублей.

В блок «Человеческий капитал» включены проекты «Образование», «Здравоохранение», «Культура» и «Демография». Поскольку человеческий капитал – это прежде всего «знания, навыки, умения и другие качества, воплощенные в людях, способствующие обеспечению личного, социального и экономического благополучия»³, ключевую роль в новой повестке дня играет образование. Место России в глобальном миропорядке в ближайшей перспективе будет определяться тем, что происходит сегодня в наших детских садах, школах, колледжах и университетах, в сфере непрерывного образования.

Утверждение национального проекта «Образование» (далее – нацпроект) предвзялось широкой общественной дискуссией – в Государственной Думе РФ, на III Всероссийской конференции «Путь к успеху: стратегии поддержки одаренных детей и молодежи» в образовательном центре «Сириус», в рамках X Гайдаровского форума, а также в регионах. Часть экспертов назвала данный документ новой возможностью для развития национальной системы образования. По словам директора Центра экономики непрерывного образования РАНХиГС Т.Л. Клячко, он «задает вектор развития системы образования»⁴. Другая часть экспертов считает нацпроект недостаточным для решения всех вопросов образовательной отрасли, заявляя, что его «нельзя назвать щедрой статьей расходов» (В. Колташов)⁵.

В данной статье будут проанализированы задачи и основные индикаторы Национального проекта «Образование» в части возможности влияния на развитие человеческого капитала страны.

Вклад образования в человеческий капитал

Образование является важнейшим звеном в интеллектуализации человеческого капитала. Оно обеспечивает воспроизводство вневременного созидającego богатства – человеческой индивидуальности, создавая условия для долгосрочного устойчивого инновационного развития всех сфер общества. Оно «обогащает культуру, способствует взаимопониманию на глобальном уровне, укрепляет основы общества и уважения к законности, является залогом развития человеческого капитала и основной движущей силой экономического роста»⁶.

В 70-е годы XX века Ф. Махлуп выдвинул идею о том, что образование является самой значимой отраслью современной экономики, и обосновал его многосторонность, которая проявляется в тесном взаимодействии с производством, наукой, рынком труда, информацией, ее хранением и распространением [1]. П.Ф. Друкер подчеркивает, что сегодня знание используется для производства знания, т. е. для систематических нововведений и новаторства. Эту роль знания он определяет как революцию в сфере управления [2].

Значимость образования для накопления человеческого капитала активно рассматривается и в современной отечественной литературе. В.Л. Иноземцев делает вывод о том, что информация и знания как совершенно новая субстанция в настоящее время становятся главным производственным ресурсом, требующим новых способов организации

³ Российское образование в контексте индекса человеческого капитала // Бюллетень о сфере образования. 2018. № 18. 32 с.

⁴ Нацпроекты не покроют всех расходов на образование. URL: https://vogazeta.ru/articles/2019/1/25/economics/5941-natsproekty_ne_pokroyut_vseh_rashodov_na_obrazovanie (дата обращения 24.06.2019).

⁵ Национальные проекты: дешевые, дорогие, недостающие. URL: <http://konkir.ru/articles/ekonomika/nacionalnye-proekty-deshyovye-dorogie-nedostayushchie> (дата обращения 24.06.2019).

⁶ Образование для инновационных обществ. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3717> (дата обращения 28.05.2019).

людей при работе с ними, иных общественных отношений, иных свойств личности, производящей и потребляющей продукцию этого сектора хозяйства [3]. Определяя особенности российского пути в этом отношении, Г.С. Попова отмечает, что образование является средством, позволяющим достичь определенных успехов в жизни, получить возможности, недостижимые для человека без аттестата и диплома [4, с. 234–241].

Роль социальных институтов, в частности образования, в воспроизводстве человеческого капитала изучается в современных исследованиях с позиций оценки его вклада в экономическое развитие [5]. Э. Денисон разработал классификацию факторов экономического роста, включающую 23 фактора, из которых 4 относятся к труду, 4 – к капиталу, один – к земле, остальные 14 характеризуют вклад научно-технического прогресса [6]. По мнению ученого, экономический рост в современных условиях определяется не столько количеством затраченных факторов производства, сколько повышением их качества, и прежде всего рабочей силы. Проанализировав источники экономического роста в США за 1929–1982 гг., он выявил, что рост производительности труда в первую очередь за счет именно инноваций и образования как наиболее значимых факторов обеспечивает положительную динамику реального продукта и дохода (табл. 2).

Таблица 2. Вклад различных факторов в экономический рост, %

Фактор	Вклад фактора
Увеличение трудозатрат	32
Повышение производительности труда, в том числе:	68
Инновации	28
Капитал	19
Образование и профподготовка	14
Экономия, обусловленная масштабами производства	9
Улучшение распределения ресурсов	7
Источник: Denison E.F. Trends in American Economic Growth, 1929–1982. Washington: The Brookline Institution, 1985. P. 30.	

Доказано, что человеческий капитал составляет более 60% общего объема богатства стран [7]. Преобладание вклада этого фактора особенно заметно в странах с высоким уровнем дохода. В некоторых странах, таких как Германия, Япония и Швейцария, на его долю приходится более 80% общего объема капитала. Согласно исследованиям, «доллар, вложенный в интеллект человека, часто приносит больший прирост национального дохода, чем доллар, вложенный в железные дороги, плотины, машины и другие капитальные блага» [8]. Авторы книг «IQ и богатство наций» и «IQ и глобальное неравенство» Р. Линн и Т. Ванханен пришли к выводу, что национальный показатель интеллекта напрямую коррелирует с валовым национальным продуктом страны (ВНП) [9; 10]. Это еще раз подчеркивает важность знаний, интеллекта в развитии стран. Согласно исследованиям российских ученых, производительность труда работника с высшим образованием в среднем в три раза выше, чем у работников, не имеющих высшего образования [11, с. 87–91].

Современные подходы к роли образования в экономике делают акцент на его непрерывности, которая ложится в основу «образованного труда» [12, с. 4]. Доступ к образованию, в том числе профессиональному, на протяжении всей жизни позволяет сохранять и наращивать человеческий капитал в любом возрасте.

Другим акцентом становятся цифровые компетенции населения, которые меняют структуру человеческого капитала, социальную реальность в целом. Новые технологии требуют новых навыков на рынке труда, связанных в том числе с умением перерабатывать большие массивы информации, и соответствующих изменений в системе образования.

Однако реализация роли образования как драйвера экономического роста напрямую связана с решением проблем качества обучения и развития личности. Согласно данным мониторинга экономического положения и социального самочувствия учителей Вологодской области (2017, N=419), условный

«ТОП-5» критических вопросов развития образовательной сферы составляют низкие заработная плата педагогов (67%) и престиж педагогической профессии (48%), недостаточная материально-техническая оснащенность образовательных организаций (48%), слабый уровень финансирования образования (45%), бюрократизация образовательного процесса (41%) [13]. Все вышеназванные вызовы, так или иначе, отражены в Национальном проекте «Образование».

Проектный подход к управлению сферой образования

Проектный подход к развитию образования в России был впервые применен в 2005 году, когда был утвержден Приоритетный национальный проект «Образование» (ПНПО) на 2005–2010 гг. Он продвигался в обществе с позиций становления новой образовательной идеологии, «направленной на развитие нового общества, ориентированного на реализацию потенциала личности человека» [14, с. 14–17]. ПНПО включал 14 направлений, в числе которых внедрение инноваций в сфере образования; интернетизация школ; поддержка талантливой молодежи; дополнительные выплаты за классное руководство и поощрение лучших учителей; обеспечение автобусами сельских школ; укомплектование школ дотационных регионов учебным оборудованием [14, с. 14–17].

Основные результаты ПНПО имели на то время уникальный характер, среди них можно отметить следующие:

а) был существенно поднят статус классного руководителя, что стало определенным стимулом для активизации воспитательной работы в школе;

б) большинство (90%) регионов практически полностью справилось с выполнением обязательств по ключевому показателю, отражающему процесс развития сети образовательных учреждений, а именно с созданием условий, отвечающих современным требованиям к осуществлению образовательного процесса;

в) внедрены механизмы профилизации на ступени среднего (полного) общего обра-

зования и предпрофильной подготовки обучающихся;

г) поддержано свыше 340 инновационных программ подготовки специалистов для высокотехнологичных производств в организациях начального и среднего профессионального образования;

д) по большинству направлений подготовки и специальностей профессионального образования приняты образовательные стандарты нового поколения, созданные с участием объединений работодателей и т. д. [15, с. 5–17].

Однако избирательность проекта, его точечность (представлялось, что «лучшие» помогут сдвинуть с места всю образовательную сферу в сторону обновления) привели в итоге к тому, что политический и управленческий интерес к проекту «Образование» снизился, его функции постепенно свелись к организации конкурсных мероприятий для педагогов. Эксперты, оценивая результативность ПНПО, считали, что его лучше заменить программными механизмами⁷.

Череду реформаторских проектов в российском образовании продолжила Национальная образовательная инициатива «Наша новая школа» (НОИ «Наша новая школа», 2010–2015 гг.). Основными ее направлениями стали переход на новые образовательные стандарты, развитие системы поддержки талантливых детей, совершенствование учительского корпуса, изменение школьной инфраструктуры, сохранение и укрепление здоровья школьников, расширение самостоятельности школ. Идеология этого проекта предполагала создать «Школу будущего», которая определялась бы следующими контурами: школа как институт опережающего развития; школа как ресурс успешной социализации всех, в том числе детей с ограниченными возможностями здоровья, детей-инвалидов, а также детей, оставшихся без попечения родителей, находящихся в трудной жизненной ситуации; школа, где

⁷ Аванесов В.С. Доживет ли приоритетный национальный проект «Образование» до 2012 года? URL: <http://textarchive.ru/c-1197450.html> (дата обращения 24.06.2019).

учат «новые» учителя, открытые ко всему новому, понимающие детскую психологию и особенности развития школьников, хорошо знающие свой предмет, самостоятельные, творческие и уверенные в себе, внимательные и восприимчивые к интересам школьников; школа как центр взаимодействия с родителями, местным сообществом, учреждениями культуры, здравоохранения, спорта, досуга, другими организациями социальной сферы (так называемые центры досуга, места семейного отдыха); школа как современная система оценки качества образования [15, с. 5–17].

В 2013 году была утверждена государственная программа «Развитие образования» до 2020 года, одной из целей которой было «обеспечение высокого качества российского образования в соответствии с меняющимися запросами населения и перспективными задачами развития российского общества и экономики»⁸. Реализация программы осуществлялась в условиях усиления внимания государства к проблемам образования, особенно в части принимаемых мер по росту заработной платы учителей.

В 2019 году утвержден Национальный проект «Образование» в числе других 12 проектов, основными задачами которого являются обеспечение глобальной конкурентоспособности российского образования, вхождение Российской Федерации в число десяти ведущих стран мира по качеству общего образования и воспитание гармонично-развитой и социально ответственной личности⁹.

Национальный проект «Образование» – «старая песня на новый лад»?

Сравнение ПНПО «Образование» и НОИ «Наша новая школа» с новым нацпроектом «Образование» показывает большую его

масштабность, что обеспечено, во-первых, более глобальными целями, во-вторых, беспрецедентно большим финансовым наполнением (табл. 3). На первый взгляд, каждый новый проект не является продолжением предыдущего. Однако можно проследить, что проблемы, на решение которых направлены оба проекта и инициатива, имеют много общего.

Например, это утверждение касается качества учительского корпуса. В ПНПО были поставлены задачи поощрения классного руководства и лучших учителей. Практически это были попытки стимулирования учителей школ, имеющих в этот период совершенно неконкурентоспособную заработную плату, к активизации педагогического мастерства, к повышению качества преподавания и воспитательной деятельности. В НОИ «Наша новая школа» речь шла уже о совершенствовании учительского корпуса с точки зрения улучшения личностных качеств педагогов, качеств «нового учителя». Реальным результатом этого направления стало повсеместное развитие педагогических конкурсов, в том числе всероссийского конкурса «Учитель года». Сегодня это направление нацпроекта звучит как «Учитель будущего» и связано с внедрением к концу 2020 года национальной системы учительского роста (НСУР). К 2024 году, согласно проекту, 50% педагогических работников общего образования повысят уровень своего профессионального мастерства, а 70% молодых учителей в первые три года работы в школе будут охвачены различными формами поддержки и сопровождения¹⁰. Для того чтобы эти индикаторы были достигнуты, проектом предусмотрено создание сети центров непрерывного повышения квалификации во всех регионах России. В 11 субъектах такие центры уже создаются, в остальных задачи переподготовки и повышения квали-

⁸ Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы: утв. Постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 295. URL: <http://static.government.ru/media/files/0kPx2UXxWQ.pdf> (дата обращения 24.06.2019).

⁹ Национальный проект «Образование». URL: <https://strategy24.ru/rf/projects/project/view?slug=natsionalnyy-proyekt-obrazovaniye&category=education> (дата обращения 24.06.2019).

¹⁰ Национальный проект «Образование». URL: <https://strategy24.ru/rf/projects/project/view?slug=natsionalnyy-proyekt-obrazovaniye&category=education> (дата обращения 24.06.2019).

Таблица 3. Характеристики государственных проектов в сфере образования РФ

Параметр	ПНПО	Национальная образовательная инициатива «Наша новая школа»	Национальный проект «Образование»
Срок действия	2005–2010 гг.	2010–2015 гг.	2019–2024 гг.
Цель	Повышение качества российского образования	Модернизация общего образования, повышение качества педагогических кадров	Обеспечение глобальной конкурентоспособности российского образования; воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов РФ, исторических и национально-культурных традиций
Бюджет	126,5 млрд руб.	–	784,5 млрд руб.
Источник финансирования	Федеральный бюджет	Смешанный	Смешанный
Основные направления	Внедрение инноваций в сфере образования Интернетизация школ Поддержка талантливой молодежи Дополнительные выплаты за классное руководство Поощрение лучших учителей Обеспечение автобусами сельских школ Укомплектование школ дотационных регионов учебным оборудованием	Переход на новые образовательные стандарты Развитие системы поддержки талантливых детей Совершенствование учительского корпуса Изменение школьной инфраструктуры Сохранение и укрепление здоровья школьников Расширение самостоятельности школ	Современная школа Успех каждого ребенка Поддержка семей, имеющих детей Цифровая образовательная среда Учитель будущего Молодые профессионалы (повышение конкурентоспособности профессионального образования) Новые возможности для каждого Социальная активность Экспорт образования Социальные лифты для каждого

фикации выполняют институты развития образования (ИРО) и повышения квалификации (ИПК).

Апробация Национальной системы учительского роста началась осенью 2017 года в 13 субъектах РФ. Социологические опросы учителей в тот период показывали низкий уровень доверия ее результативности. Только 7% опрошенных в Вологодской области педагогов считали, что этот процесс может реально повлиять на профессиональное продвижение педагога. Этот лейтмотив звучал и в ответах всего российского учительства с той лишь разницей, что положительных ответов было в 2,5 раза больше (19%) [13]. Четверть российских учителей была склонна полагать, что данное решение может внести путаницу в действующую и понятную им систему квалификацион-

ных категорий, а еще треть указала на необходимость дополнительных обсуждений этого вопроса [13].

Еще одно направление, которое также можно отнести к продолжающимся задачам образовательной политики, – цифровизация и интернетизация школ. И если в ПНПО шла речь о подключении школ к интернету, в НОИ «Наша новая школа» – о цифровом оборудовании школ, например, мультимедийными аппаратами и интерактивными досками, то в нацпроекте 2019 года – уже о формировании всеобъемлющей цифровой образовательной среды.

Данные Федеральной службы государственной статистики свидетельствуют, что за период с 2010 по 2017 год готовность учреждений образования к развитию на основе ИКТ повысилась. Число персональных компьютеров, используемых в учебных це-

лях, на 100 обучающихся государственных и муниципальных общеобразовательных учреждений увеличилось вдвое – с 7 до 14 ед.¹¹ Однако этого явно недостаточно для амбициозной задачи, которую преследует нацпроект в перспективе, – обеспечение к 2020 году интернетом не менее 70% образовательных организаций¹².

Конечно, это уже более глобальные цели и задачи, предлагающие следующий уровень решения проблемы по сравнению с предыдущими проектами, однако ключевая проблема остается той же – обеспечение образовательного процесса новыми технологиями (интернетом, ИКТ, цифровыми образовательными ресурсами и т. д.).

Отметим, что вопрос цифровизации российского образования не столь однозначен. Эксперты выражают опасения в отношении того, что информатизация приведет к риску ограничения прав и свобод граждан в рамках кастовой системы, которое предполагает «цифровые профили компетенций» и «цифровое досье», а также риску формирования у молодежи интернет-зависимости¹³. На деле сейчас образование оказалось в ловушке цифровизации, когда онлайн-курсы необходимо внедрять по закону, но реальная отдача для качества обучения от них, как свидетельствуют результаты исследования Южного федерального университета в рамках гранта РФФИ «Институциональные ловушки оптимизации сферы образования и науки» [16, с. 176–193], крайне мала.

Тем не менее развитие цифровых навыков и компетенций¹⁴ является одним из условий успешного развития цифровой экономики¹⁵. Сегодня страна отстает от лидеров (США, Сингапура, Швеции) по «уровню цифровизации, доле цифровой экономи-

ки в ВВП, уровню капитализации цифровых компаний, темпам роста производительности труда, средней задержке в освоении технологий, применяемых в странах-лидерах, и т. д.» [17]. Не последнюю роль в этом отставании играют компетенции населения. Согласно всероссийскому исследованию, проведенному Региональной общественной организацией «Центр Интернет-технологий» (РОЦИТ), наибольшие значения цифровых компетенций населения в 2017 году отмечены в Центральном и Северо-Западном федеральных округах (соответственно 7,04 и 6,81 балла по 10-балльной шкале). Наименьшими значениями обладает Дальневосточный федеральный округ – 2,55 балла, в котором наблюдаются значительные проблемы с компетентностью в области использования социальных сетей, критического восприятия информации и проверки ее на достоверность, а также поиска информации в интернете (рис. 2).

Сегодня цифровые компетенции являются едва ли не самой важной составляющей человеческого капитала. Поэтому инвестиции государства в их развитие чрезвычайно необходимы, что и предусмотрено федеральным проектом «Цифровая образовательная среда», входящим в нацпроект «Образование».

Контуры проекта «Современная школа» Нацпроекта – 2019 также вполне узнаваемы и перекликаются с целями и задачами ранее реализованных государственных программ. В ПНПО эта задача решалась посредством внедрения инноваций в сфере образования, улучшения школьной инфраструктуры в части обеспечения сельских школ автобусами, модернизации путем укомплектования учебным оборудованием. В НОИ «Наша

¹¹ По данным Росстата.

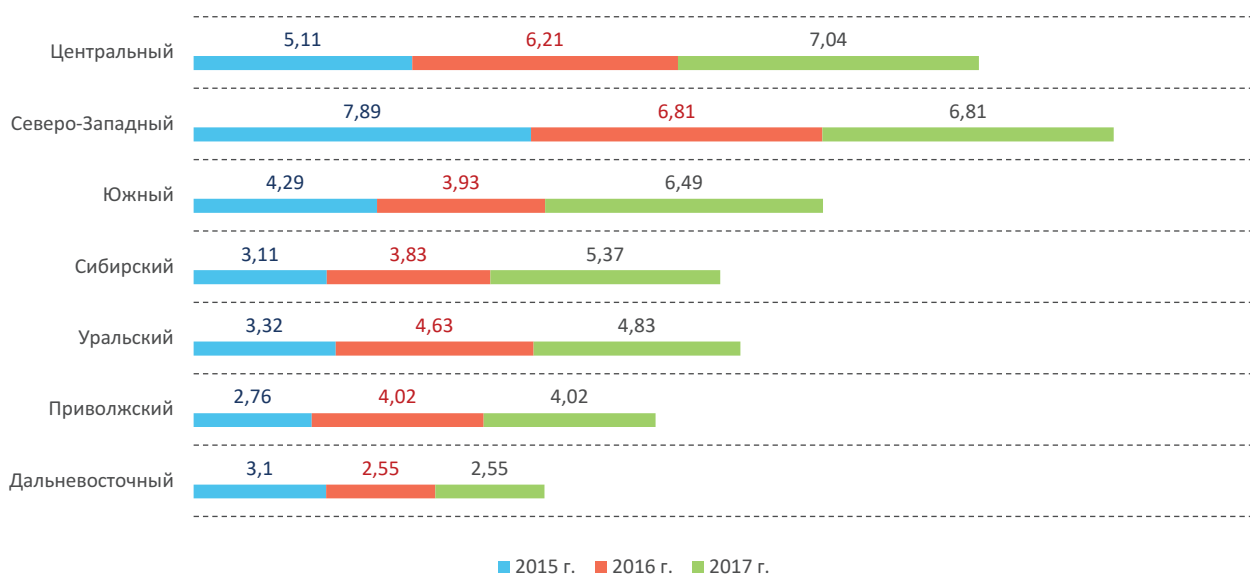
¹² Национальный проект «Образование». URL: <https://strategy24.ru/rf/projects/project/view?slug=natsionalnuu-proyekt-obrazovaniye&category=education> (дата обращения 24.06.2019).

¹³ Четверикова О.Н. Против цифровизации образования. URL: http://zavtra.ru/blogs/mesh_minzdrav (дата обращения 03.06.2019).

¹⁴ Цифровые компетенции – способность пользователя уверенно, эффективно и безопасно выбирать и применять инфокоммуникационные технологии в разных сферах жизни, основанная на непрерывном овладении знаниями, умениями, мотивацией, ответственностью.

¹⁵ Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: утв. протоколом заседания Президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7.

Рис. 2. Динамика субиндекса* цифровых компетенций в федеральных округах РФ в 2015–2017 гг.

* Субиндекс цифровых компетенций входит в индекс цифровой грамотности населения и рассчитывается на основе оценки компетентностей в области поиска информации в интернете, использования мобильных средств коммуникации, использования социальных сетей, проведения финансовых операций через интернет, потребления товаров и услуг через интернет, критического восприятия информации и проверки на достоверность, производства мультимедийного контента для интернета. Данные собираются на основе социологических онлайн-опросов по квотной выборке на интерактивной платформе «Голос Рунета». Выборка исследования репрезентирует генеральную совокупность – взрослое население России 18 лет и старше – по полу, возрасту, уровню образования, типу населенного пункта и федеральным округам.

Источник: Всероссийское исследование «Индекс цифровой грамотности граждан РФ – 2017» / Т. Голубовская [и др.]. М.: Ростелеком, Координационный центр доменов RU и РФ, РАЭК, МГТС, ВЦИОМ, НИУ ВШЭ, TNS, 2017. URL: http://xn--80aaefw2ahcfbneslds6a8jyb.xn--p1ai/media/Digital_Literacy_Index_2017.pdf

новая школа» в рамках направления «изменение школьной инфраструктуры» усилия были направлены на реорганизацию базы учебного оборудования школ, обеспечение безопасности обучающихся и педагогов, совершенствование интерьера школьных зданий. В период реализации инициативы многие школы были оборудованы мультимедийным оборудованием, были модернизированы школьные столовые, спортивные залы и т. п.

Нацпроект 2019 года кроме совершенствования материально-технической базы российских школ (целевой ориентир – 16 тысяч школ в сельской местности и малых городах 80 субъектов Российской Федерации), внедрения современных образовательных технологий (в частности, реализация общеобразовательных программ в сетевой форме 70% организаций начального, основного и

среднего общего образования) предполагает строительство с привлечением частных инвестиций и введение в эксплуатацию до 2024 года новых современных школ и новых мест в общеобразовательных организациях¹⁶. Правда, из контекста проекта не совсем ясно, что будут представлять собой эти новые организации и новые школьные места.

Кроме вышеназванных направлений, которые можно отнести к общим характеристикам рассматриваемых документов, необходимо отметить, что нацпроект имеет новые задачи, отличающиеся от проектов-предшественников.

К ним относятся использование интегральных индикаторов и широкое обращение к межстрановым сравнениям, в частности, к рейтингам вузов (QS, THE и ARWU), к оценке учебных достижений студентов организаций среднего профессионального

¹⁶ Национальный проект «Образование». URL: <https://strategy24.ru/ru/projects/project/view?slug=natsional-nyy-proyekt-obrazovaniye&category=education> (дата обращения 24.06.2019).

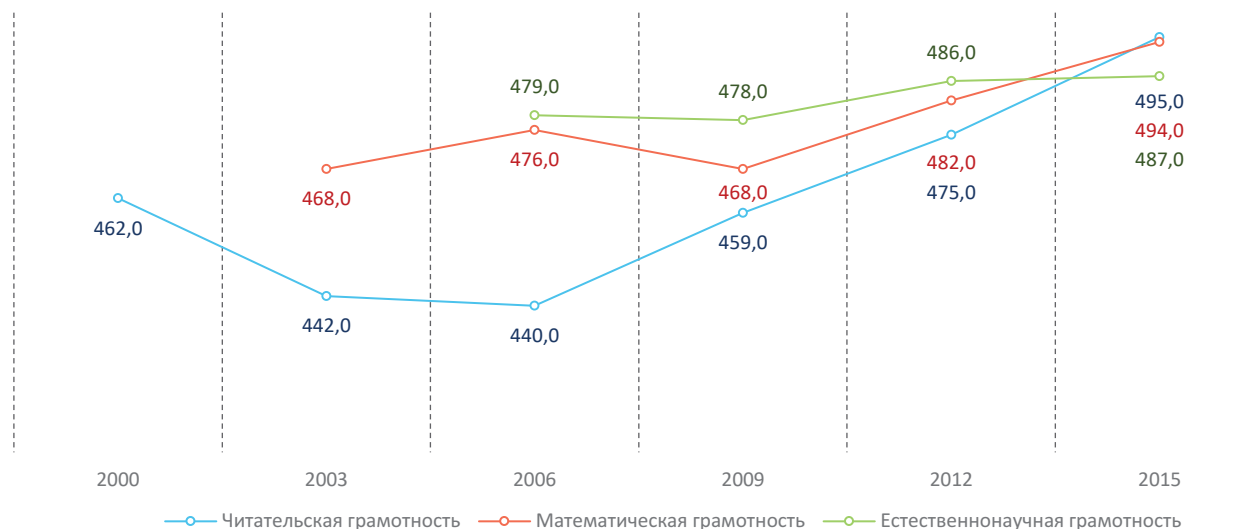
образования (Euroskills, International Skills) и школьников (TIMMS, PISA, PIRLS).

Эта задача заключается в оценке возможности вхождения РФ в число ведущих стран мира по качеству образования. Впервые в документе государственного уровня в качестве стратегического показателя была представлена «конкурентоспособность национальной образовательной системы на мировой арене». Например, по данным Организации экономического сотрудничества и развития (которая, помимо прочего, изучает качество школьного образования в мире), Россия в рейтинге стран по уровню образования 2018 года получила агрегированный индекс¹⁷ 0,816 и заняла 34 строчку¹⁸.

Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся (PISA) включает исследования читательской, математической и естественнонаучной грамотности (рис. 3). По итогам другого международного проекта – PIRLS, Россия в 2016 году возглавила рейтинг стран-лидеров с лучшими результатами по чтению и пониманию текстов¹⁹.

В 2015 году Российская Федерация заняла место во второй четверти списка рейтинга PISA по математической грамотности (примерно такое же место было у страны в 2000 году); 30 место – по естественнонаучному направлению (в 2000 году – 26 место); 19 место – по пониманию текстов и работе с ними (в 2000 году – 27 место). Таким образом, именно в плоскости читательской грамотности формируется основной потенциал конкурентоспособности российских школьников. Ради справедливости стоит отметить, что позиции большинства стран ОЭСР в этом исследовании несколько ослабли сразу же после того, как в нем стали принимать активное участие южноазиатские государства, где образовательная подготовка оказалась намного сильнее. России подобный тренд коснулся в самой меньшей мере.

Достаточно сильны результаты участия россиян и в международном исследовании TIMMS (проводится Международной ассоциацией по оценке учебных достижений IEA). В рамках данного исследования в 2015 году четвероклассники из России по достижени-

Рис. 3. Динамика оценок грамотности 15-летних обучающихся РФ, по версии PISA, баллов

Примечание: в 2000 году в исследовании участвовало 32 страны, в 2015 году – 70 стран. Последнее по счету исследование по проекту PISA прошло в 2018 году, его результаты будут систематизированы ОЭСР в конце 2019 года.

Источник: материалы Центра оценки качества образования. URL: <http://www.centeroko.ru>

¹⁷ Индекс образования (EI) показывает процент доступности учебных заведений, долю грамотных граждан, средний коэффициент продолжительности получения образования каждым взрослым гражданином.

¹⁸ Будущее нации: рейтинг стран по уровню образования. URL: <https://infografics.ru/all/rejting-stran-po-urovnyu-obrazovaniya/#rejting-po-otdelnym-etapam-obrazovaniya> (дата обращения 21.06.2019).

¹⁹ По материалам Центра оценки качества образования. URL: <http://www.centeroko.ru> (дата обращения 21.06.2019).

Таблица 4. Результаты участия школьников из Российской Федерации в проекте TIMMS 1999–2015 гг., баллов

Страна	1999 год		2015 год	
	4 класс	8 класс	4 класс	8 класс
Математическая грамотность	-	526	564	538
Естественнонаучная грамотность	-	529	567	544

Примечание: в 1999 году в исследовании участвовало 39 стран, в 2015 году – 49 стран. Последнее по счету исследование по проекту TIMMS прошло в 2015 году. Новая волна исследования проведена в апреле – мае 2019 года (60 стран), ее результаты будут известны позднее.
 Источник: материалы Центра оценки качества образования. URL: <http://www.centeroko.ru> (дата обращения 24.06.2019).

ям в математике в совокупности получили 564 балла (табл. 4). Результаты обучающихся средних классов намного более скромны – 538 баллов (в 1999 году – 526 баллов). Однако и в том, и другом случае страна в качестве участника «оставляет» за собой европейские государства, Канаду, США, уступая лишь традиционным «азиатским лидерам» списка с очень сильным математическим образованием – Сингапуру, Корею, Японию, Тайвань и Китаю. Подобная закономерность характерна и для естественнонаучного сегмента исследования TIMMS. В 2015 году российские четвероклассники заняли 4 место по знаниям в географии, химии и биологии после Сингапура, Кореи и Японии с совокупным баллом 567. Однако результат средних классов составил 544 балла (в 1999 году – 529 баллов).

Таким образом, итоги международных исследований для России вовсе не утешительны. Они вскрывают одну важную закономерность – дети в российской школе с взрослением и переходом из класса в класс не совершенствуют свои знания, а ухудшают их. Например, для Сингапура как лидера рейтинга TIMMS в 2015 году такая ситуация вовсе не характерна, но зато она характерна для множества европейских стран (Великобритании, Норвегии, Италии и т. д.). В российской старшей школе обучение ориентировано не на закрепление нового материала, а на подготовку к Единому государственному экзамену как «билету в будущее» (это, как мы видим, общая проблема и для запад-

ного образования, откуда тестовая система пришла в РФ). По данным мониторинга экономического положения и социального самочувствия учителей школ, в 2017 году только треть вологодских педагогов считает ЕГЭ состоятельным образовательным институтом [13].

Международные конкурсы по уровню подготовки специалистов по рабочим профессиям (Euroskills и International Skills) показывают конкурентоспособные результаты российских студентов. Если пять лет назад участие Российской Федерации в этих проектах было достаточно скромным (21 место в Euroskills и 41 место в International Skills), то в последние годы в этих конкурсах РФ занимает первые места (табл. 5).

В то же время Россия, оставаясь лидером в совокупном балльном исчислении, в медальном зачете уступает многим другим странам. Так, в чемпионате International Skills, проходившем в Абу-Даби в 2017 году, участники из РФ не заработали ни одной медали уже в 19 конкурсах (это 38% от общего числа). Заметным является отставание россиян по ряду компетенций, характерных не для «новых», а для традиционных производств: кладка кирпича, сантехника, столярное дело, бетонные строительные работы, создание деталей из пластмассы и т. п.²⁰ Задачи нацпроекта «Образование» призваны усилить позиции страны именно в медальном зачете (с пятого места до третьего, и не ниже) [18].

В системе университетских рейтингов у России более уязвимые позиции. В ТОП-

²⁰ WorldSkills Russia. URL: <https://worldskills.ru/nashi-proektyi/chempionaty/itogi-chempionatov.html> (accessed 24.06.2019).

Таблица 5. Рейтинги стран в международных проектах по оценке профессиональных компетенций студентов рабочих профессий (страна/место по общему количеству медалей)

International Skills		Euroskills	
2013 год	2017 год	2014 год	2018 год
Корея (1)	Российская Федерация (1)	Австрия (1)	Российская Федерация (1)
Швейцария (2)	Бразилия (2)	Франция (2)	Австрия (2)
Китай (Тайбей) (3)	Китай (3)	Финляндия (3)	Франция (3)
Япония (4)	Корея (4)	Германия (4)	Венгрия (4)
Бразилия (5)	Китай (Тайбей) (5)	Нидерланды (5)	Германия (5)
Российская Федерация (41)	Швейцария (7)	Российская Федерация (21)	Финляндия (7)

Источник: WorldSkills Russia. URL: <https://worldskills.ru/nashi-proektyi/chempionaty/itogi-chempionatov.html>

500 рейтинга QS (публикуется британской аналитической компанией Quacquarelli Symonds) присутствует 14 российских вузов (в 2016 году – 5), рейтинга THE (составляется совместно с медиакомпанией Thomson Reuters) – всего 4 вуза, рейтинга ARWU (составляется китайским университетом Цзяо Тун) – 4 вуза (в 2003 году – 2). При этом чаще всего в рейтингах «повторяются» два российских университета – МГУ и МФТИ (правда, последний далеко не на первых местах)²¹.

Объектом сравнительной оценки в этих рейтингах являются не только знания/компетенции студентов, но и наукометрические показатели (цитирование научных трудов профессорско-преподавательского состава вузов среди коллег-исследователей, число высокоцитируемых статей, представленных в ведущих мировых изданиях), которые в российском секторе высшего образования весьма скромны. Так, в исследовании QS индекс цитирования преподавателей у «лидера» списка (Массачусетского технологического института) составляет 99,8, а у российского вуза, занимающего верхние позиции (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), – 6,7. Обращает на себя внимание, что работы российских преподавателей очень слабо представлены в авторитетных журна-

лах «Nature» и «Science» (в частности, из-за скромного привлечения иностранной профессуры). Таким образом, расширение присутствия российских вузов в международных рейтингах должно лежать в плоскости усиления внимания именно к научной составляющей деятельности университетов²².

Национальный проект «Образование» ставит задачу обеспечения присутствия университетов России в трех глобальных рейтингах – QS, THE, ARWU. Причем целевым значением проекта обозначено вхождение российских университетов в ТОП-500 к 2024 году, а ранг места, занимаемого РФ, – не ниже 10. Для этого предполагается сформировать механизм государственной поддержки продвижения российского образования за рубежом, а также модель поддержки экспорта образования по референтным группам стран-партнеров и территориально-отраслевым сегментам мирового рынка, проведение конкурсов и олимпиад с зачислением иностранных граждан в российские университеты, прохождение образовательных программ российских вузов международной аккредитации²³.

Еще одно отличие нацпроекта «Образование» от предыдущих программ и инициатив заключается в акцентировании

²¹ QS. URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2019> (accessed 24.06.2019); THE. URL: https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2019/world-ranking#!/page/0/length/25/locations/RU/sort_by/rank/sort_order/asc/cols/stats (accessed 24.06.2019); ARWU. URL: <http://www.shanghairanking.com/ARWU2018.html> (accessed 24.06.2019).

²² QS. URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2019> (accessed 24.06.2019); ARWU. URL: <http://www.shanghairanking.com/ARWU2018.html> (accessed 24.06.2019).

²³ Национальный проект «Образование». URL: <https://strategy24.ru/rf/projects/project/view?slug=natsional-nyy-proyekt-obrazovaniye&category=education> (дата обращения 24.06.2019).

внимания на воспитательной цели. Она обозначена как «воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций». Основными механизмами ее реализации выбраны федеральные проекты «Успех каждого ребенка», который сконцентрирован на расширении участия детей в дополнительном образовании, и «Социальная активность», направленный на увеличение численности обучающихся, вовлеченных в деятельность общественных объединений (ее предлагается увеличить с 1,61 млн до 8,8 млн чел. к 2024 году)²⁴.

В плане реализации воспитательной задачи нацпроекта следует отметить, что в России показатель охвата детей дополнительным образованием является весьма нестабильным. По данным Росстата, за период 2013–2018 гг. он то увеличивался до 65% (как то было в 2014 году), то резко снижался (что характерно для 2017–2018 гг.). Достаточно неодинаковой остается ситуация с охватом дообразованием в российских регионах, что показывает пример Северо-Западного федерального округа. Так, в одной части северных регионов (Псковской, Мурманской, Ленинградской областях, Республике Коми) этот показатель стабильно растет; в другой части – сокращается. Например, в 2014–2016 гг. в Республике Карелии в кружках и секциях в свободное от учебы время занимались практически все дети в возрасте 5–18 лет, но в 2018 году их доля сократилась до 48%, что связано, с одной стороны, с миграцией населения, с другой стороны, с широкой оптимизацией образовательной сети, проводимой по плану дорожной карты «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки» (утв. Распоряжением Правительства РФ от 30.04.2014 № 722-р)²⁵.

²⁴ Национальный проект «Образование». URL: <https://strategy24.ru/rf/projects/project/view?slug=natsional-nyu-proyekt-obrazovaniye&category=education> (дата обращения 24.06.2019).

²⁵ По данным Росстата.

Проведение свободного времени школьниками не ограничивается посещением кружков и секций, оно связано и с участием в общественно полезной деятельности в тесном сотрудничестве с социально ориентированными некоммерческими организациями (СОНКО) и правительственными структурами. Часто для обучающихся вовлеченность в деятельность этих объединений проявляется в двух формах – волонтерстве (добровольческой деятельности) и благотворительности.

На начало 2018 года в добровольческую деятельность было вовлечено 5283778 молодых россиян (20% населения в возрасте 15–30 лет). Это руководители волонтерских проектов, активисты добровольческих программ и участники волонтерских акций и мероприятий [19]. По данным Комплексного наблюдения условий жизни населения (КНУЖН), за период 2016–2018 гг. доля населения, включенного в той или иной форме в деятельность общественных объединений, от года к году увеличивается во всех возрастных группах, кроме самой старшей (70 лет и более). Но особенно заметный рост произошел в группе 15–19 лет, то есть обучающихся старших классов школ и первых курсов вузов, – с 1,7 до 3% соответственно. При этом интерес к подобной деятельности вовсе не угасает с переходом человека из молодого возраста во взрослую жизнь. Наибольшая доля лиц, участвующих в жизни общественных объединений (7–9%), приходится вовсе не на молодую (15–30 лет), а на средний возраст (30–55 лет). Однако во взрослом возрасте эта активность по большей части касается участия не в добровольческой деятельности, а в профсоюзных организациях (в пределах 80%), что в целом является нормой для работающего населения. Для молодежи 15–19 лет, напротив, более характерна вовлеченность в неформальные объединения (28%), массовые молодежные объединения (24%), добровольные общества (12%), политические, социальные и экологические движения (10%)²⁶.

В то же время для молодых людей социальная активность зачастую не носит постоянного характера. Чаще всего (50%) молодежь

²⁶ По данным Росстата.

принимает участие в общественно полезной работе «время от времени», что доказывает распространение в России модели ситуативного (событийного) добровольчества (т. е. проявления социальной ответственности в рамках конкретных мероприятий – праздников, фестивалей и т. д.), что часто совмещено с досугом [19; 20]. Мероприятия и задачи проекта «Социальная активность» предполагают развернуть воспитательный потенциал подобной деятельности в сторону развития гражданской активности молодых людей от ситуативного участия к потребности в ней [21–23].

Нацпроект предполагает создание новых мест в образовательных организациях для реализации дополнительных общеразвивающих программ; открытие детских технопарков, региональных центров выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодежи, центров поддержки добровольчества (волонтерства); разработку единой информационной платформы с поиском информации для добровольцев, а также комплексного учета волонтерского опыта и компетенций. Очень важным мероприятием нацпроекта, с нашей точки зрения, является создание системы социальной поддержки граждан, систематически участвующих в добровольческих (волонтерских) движениях²⁷. Это может помочь искоренить некий формализм в восприятии социальной ответственности, распространенный среди молодежи и организаций экономики, укрепить потенциал волонтерства как нового института социализации.

Таким образом, нацпроект «Образование» дает комплексное понимание образования не только как обучающего, но и воспитательного процесса (тогда как ранее в ПНПО был сделан акцент на образовательные результаты). В сравнении с предыдущими стратегическими документами был расширен перечень агентов и институтов, которые могут принимать участие в формировании и реализации образовательной

политики (общественные организации, НКО, бизнес). Документ отличается глубоким пониманием новейших трендов развития мирового образования (цифровизация и профилизация обучения). В нем четко определен перечень целевых показателей, предполагающих поэтапное достижение лучших результатов в международных рейтингах, а также механизмов достижения этих результатов (федеральные проекты).

Заключение

Национальный проект «Образование» как новый стратегический документ образовательной политики в некоторых аспектах основывается на предшествующем опыте, в некоторых – ставит свои собственные ориентиры. Документ представляет собой опыт внедрения элементов проектного управления в образование с расширенным объемом финансирования (пока беспрецедентным для образовательной сферы в России).

В целом в нацпроекте видится следование опыту построения образовательной политики развитых стран Европы. Например, схожие цели перед собой ставила и реализовывала система образования Германии в 2004–2010 гг. Это касается профильной специализации в старших классах, изменения подходов к подготовке школьных учителей (с акцентом на выработку авторских образовательных программ), внедрения новых технологий в профессиональные школы. В этой стране данный комплекс мер имел свои положительные эффекты: в рейтинге PISA Германия переместилась с 21 места в 2000 году на 8 в 2015 году [13].

Нацпроект в текущем виде является прямым продолжением той образовательной политики, которая в течение десятилетия и более формирует образ российского образования (отсюда и схожесть целеполагания с ПНПО и образовательной инициативой «Наша новая школа»). Во многом по этой причине новый стратегический документ наследует утрированное видение образовательной сферы архитекторами социальных реформ. В чем это проявляется?

Во-первых, чувствуется некоторая оторванность нацпроекта от образовательных

²⁷ Национальный проект «Образование». URL: <https://strategy24.ru/rf/projects/project/view?slug=natsional-nyu-proyekt-obrazovaniye&category=education> (дата обращения 24.06.2019).

реалий. В документе прослеживается явный уклон в сторону решения инфраструктурных проблем образования, в том числе создания сети структур, таких как учебно-тренировочные центры, центры опережающей профессиональной подготовки и т. д. Однако международные исследования указывают на необходимость укрепления в России традиционных основ образования (теоретические знания по математике, естественным наукам). Представление об успешном педагоге складывается по крайне скромному объему показателей федерального проекта «Учитель будущего». После ознакомления с ним создается впечатление, что учитель будущего – это работник, постоянно повышающий свою квалификацию, профессиональное мастерство и проходящий процедуры аттестации. На деле, согласно данным мониторинга экономического положения и социального самочувствия учителей Вологодской области, квалификационный уровень коллег по профессии у работников образования вызывает наименьшее беспокойство (1%), а наибольшее – размер заработной платы (66%), которым удовлетворены лишь 20% [13]. По поводу этого проекта министр просвещения О.Ю. Васильева говорит: «это не просто система учительского роста... это ключевой... проект, так как без творческого и профессионального роста учителей выполнить задачи будет просто невозможно»²⁸. Однако нельзя не отметить, что профессиональный рост напрямую связан с проблемой национального масштаба, а именно формированием качественного человеческого капитала страны. Поэтому любое повышение качества учительского корпуса, рост ответственности за профессионализм будет влиять на качество образования, а его улучшение, в свою очередь, повлечет рост интеллектуальных характеристик молодых.

Во-вторых, имеют место некоторые расхождения с показателями, существующими

²⁸ От стратегии к действию. Особенности национальных проектов современной России. URL: <https://roscongress.org/materials/ot-strategii-k-deystviyu-osobennosti-natsionalnykh-proektov-sovremennoy-rossii/> (дата обращения 24.06.2019).

в действующих стратегических документах образовательной политики. Так, в нацпроекте поставлена амбициозная образовательная цель – обеспечение конкурентоспособности российского образования. Однако показатели нацпроекта весьма скромны для достижения задачи вхождения российских вузов в ТОП-500 ведущих университетов мира. Отметим, что ранее по плану, утвержденному Распоряжением Правительства РФ от 29.10.2012 № 2006-р, пять российских университетов должны были попасть в первую сотню одного из международных университетских рейтингов. В нацпроекте критерии конкурентоспособности пересмотрены в сторону уменьшения.

В госпрограмме «Развитие образования в Российской Федерации» планируется достичь к 2025 году показателя охвата детей от 5 до 18 лет дообразованием не ниже 75%. В нацпроекте поставлен иной ориентир – 80% к 2024 году. Подобные расхождения могут повлечь за собой риск «двойного понижения» целевых ориентиров на местах.

В-третьих, в нацпроекте некоторые целевые показатели имеют не совсем прозрачные формулировки. В частности, это относится к индикатору «присутствие российских университетов в международных рейтингах». В нацпроекте он представлен как среднее арифметическое от значений мест российских вузов в разных рейтингах с за частую одинаковыми расчетными индикаторами (доля иностранных студентов, иностранных преподавателей, цитируемость ППС и т. д.). В данном случае может проявиться эффект «двойного счета».

Также не совсем прозрачен показатель «средневзвешенный результат в группе международных исследований». Он измеряется в единицах, названных «место», но в методике расчета индикатора помимо ранговых значений участвуют показатели охвата детей и молодежи различными образовательными программами, а также выпуска по программам среднего общего образования. Сравнение показателей охвата дошкольным образованием в России и в странах Европы будет не совсем корректно. В России дошкольное

образование понимается как «социальная норма». В европейских странах образование детей до 7 лет часто неинституционализировано (т. е. предоставляется в формах не государственного, а семейного образования). Поэтому учитывать в одном показателе диаметрально противоположные признаки охвата и качества принципиально нельзя.

Возможно, государственной власти и гражданскому обществу придется еще не раз обращаться к нацпроекту с целью его дополнения и корректировки. Однако нельзя не отметить, что, несмотря на имеющиеся вопросы к нацпроекту «Образование», он имеет большие возможности влияния на формирование человеческого капитала страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Махлуп Ф. Производство и распространение знаний в США. М.: Прогресс, 1966. 463 с.
2. Druker P.F. *Post-Capital*. New York: Harper-Collins Publishers, 1995. 212 p.
3. Иноземцев В.Л. Расколота цивилизация. М.: Академия – Наука, 1999. 724 с.
4. Попова Г.С. Образование как процесс накопления человеческого и культурного капитала // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 2. С. 234–241.
5. Капелюшников Р.И. Современные западные концепции формирования рабочей силы. М., 1981. 136 с.
6. Denison E.F. *Trends in American Economic Growth, 1929–1982*. Washington: The Brookline Institution, 1985. 141 p.
7. Dixon J.A., Hamilton K. Expanding the measure of wealth. *Finance & Development*, 1996, no. 4, pp. 15–18.
8. Galbraith J.K. *Economics and the public purpose*. Boston; Toronto; London: Houghton Mifflin Company, 1973. 334 p.
9. Lynn R., Vanhanen T. *IQ and the Wealth of Nations*. Westport, CT, US: Greenwood Publishing Group, 2002. 298 p.
10. Lynn R., Vanhanen T. *IQ and Global Inequality*. Atlanta, Georgia: Washington Summit Publishers, 2006. 400 p.
11. Степанова Н.Р. Оценка вклада эффективности образования в формирование человеческого капитала // Фундаментальные исследования. 2014. № 1. С. 87–91.
12. Lash S., Urry J. *Economies of Signs and Space*. London: Sage, 1994. 9 p.
13. Леонидова Г.В., Головчин М.А., Соловьева Т.С. Учитель и образовательная реформа: взгляд из региона: монография / под науч. рук. В.А. Ильина; под ред. А.А. Шабуновой, О.Н. Калачиковой. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018. 178 с.
14. Устинкин С.В., Алабин Д.В. Приоритетные национальные проекты в политическом процессе России // Власть. 2009. № 4. С. 14–17.
15. Абанкина Т.В. Развитие сети общеобразовательных учреждений в регионах // Вопросы образования. 2009. № 2. С. 5–17.
16. Жук А.А., Фурса Е.В. Нарративный анализ институциональных ловушек сферы образования и науки России // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2019. Т. 11. № 1. С. 176–193.
17. Ленчук Е.Б., Власкин Г.А. Формирование цифровой экономики в России: проблемы, риски, перспективы // Вестн. ИЭ РАН. 2018. № 5. С. 9–21.
18. Национальные проекты 2019–2024 гг.: анализ и ключевые риски их реализации. Социальная сфера: науч.-аналит. издание / А.А. Шабунова [и др.]. Вологда: ВолНЦ РАН, 2019. 68 с.
19. Козель В.Н. Событийное волонтерство как технология вовлечения горожан в системную волонтерскую деятельность. М.: ГБУ города Москвы «Мосволонтер», 2018. 98 с.
20. Волонтерство и благотворительность в России и задачи национального развития / В.Б. Беневоленский [и др.]; под ред. И.В. Мерсияновой. М.: ВШЭ, 2019. 69 с.
21. Устинова К.А., Губанова Е.С., Леонидова Г.В. Человеческий капитал в инновационной экономике. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 195 с.

22. Шабунова А.А. Общественное развитие и демографические вызовы современности // Проблемы развития территории. 2014. № 2 (70). С. 7–17.
23. Молодежь современной России – ключевой ресурс модернизации / А.А. Шабунова [и др.]. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 148 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Леонидова Галина Валентиновна – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: galinaleonidova@mail.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-19.

Головчин Максим Александрович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: mag82@mail.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-10.

Leonidova G.V., Golovchin M.A.

NATIONAL PROJECT “EDUCATION” AND ITS POSSIBLE IMPACT ON THE DEVELOPMENT OF HUMAN CAPITAL

In October 2018, Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects approved the passport of the national project “Education”. The project is aimed at improving the quality of the country’s human capital. The main areas of implementing this goal are new guidelines of the educational policy (this primarily relates to improving the competitiveness of the Russian education), and the previously included in a number of reform projects (priority national project “Education”, the national educational initiative “Our new school”) objectives (quality of teaching staff, internetization and digitalization of schools). The article is devoted to the analysis of the national project “Education” in terms of its impact on the development of human capital. For this purpose, the views on the role of education in the economy of the state were summarized, the stages of project management in the educational policy of Russia were identified, the groups of issues that make up the main agenda of the document (the competitiveness of the national education system, the development of a multilateral personality based on traditions and modern trends), as well as mechanisms for achieving targets were identified. Based on the passport of the national project, official statistics and sociological surveys the authors make a conclusion about the advantages of the national project “Education” and its role in the development of human capital in Russia. A number of statements in the project, which are not clearly formulated or have discrepancies with the targets of the existing strategic documents on the educational policy, are identified, lack of “transparency” in the wording of some targets is demonstrated. The materials of the article can be used both in management of educational activities and in further elaboration of the national project “Education”. The article will also be of interest to experts in educating as well as the general public.

National project, education, human capital, school, teacher, educational policy, project approach, educational ranking

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Leonidova Galina Valentinovna – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Chief Research Associate at the Department of Living Standard and Lifestyle Studies. Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: galinaleonidova@mail.ru. Phone: +7(8172) 59-78-19.

Golovchin Maksim Aleksandrovich – Ph.D. in Economics, Senior Research Associate at the Department of Living Standard and Lifestyle Studies. Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: mag82@mail.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИКИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ. МАЙ 2019 ГОДА

ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» продолжает знакомить читателей с материалами о состоянии и тенденциях развития экономики России и Вологодской области¹

Современное состояние российской экономики можно охарактеризовать как стагнацию с некоторыми признаками умеренного улучшения.

1. Производство

На стадии производства валового продукта значимый вклад в оживление экономики вносит **промышленность**.

↻ Промышленное производство в стране в январе – мае 2019 года по сравнению с аналогичным периодом 2018 года² увеличилось на 2,4% (табл. 1). Наибольший прирост отмечен в сфере добычи полезных ископаемых (на 4,3%), обрабатывающие производства показали динамику на уровне 1,6%. В промышленности Вологодской области наблюдался подъем на 3,3% (аналогичный уровень зафиксирован в обрабатывающих производствах региона).

При этом следует отметить, что, несмотря на общую позитивную динамику, развитие промышленности в разрезе ее основных сегментов носит неоднородный характер. Так, умеренный рост выпуска продукции наблюдается в **секторе промышленности конечного спроса**.

↻ Пищевое производство в России увеличилось на 3,9%. Высоких показателей по стране удалось достичь благодаря приросту объема изготовленных мясных полуфабрикатов (+11%), мяса крупного рогатого скота (+10,5%), растительного масла (+11%).

↘ В Вологодской области пищевая промышленность показала снижение на 0,5%, что отчасти обусловлено падением реальных доходов населения. На 12,7% сократился объем переработанного мяса и мясной пищевой продукции, в частности, снизился выпуск колбасных изделий (на 9,4%), мясных и мясосодержащих полуфабрикатов (на 12,1%), а также минеральной питьевой воды (на 3,6%).

↻ Объем произведенной в России целлюлозно-бумажной и полиграфической продукции вырос на 5,3%. В Вологодской области по данному виду деятельности зафиксирован незначительный прирост на 0,8%, во многом обусловленный существенным увеличением объема произведенной целлюлозы (на 9,8%).

↘ В то же время издательская и полиграфическая деятельность в регионе терпит финансовые убытки, обусловленные простоями части предприятий, недостатком оборотных средств, снижением спроса на печатную продукцию в силу нарастающей цифровизации. В результате выпуск полиграфической продукции снизился на 17,8%.

Одним из наиболее динамично развивающихся секторов обрабатывающей промышленности традиционно стал **сектор промежуточного спроса**, продукция которого в значительной степени ориентирована на экспорт.

¹ Материалы подготовлены в соответствии с государственным заданием для ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» по теме НИР № 0168-2019-0005 «Исследование факторов и методов устойчивого развития территориальных систем в изменяющихся мировых геополитических и геоэкономических условиях».

² Здесь и далее по тексту (если не оговорено иное) сопоставляется январь – май 2019 года с январем – маем 2018 года.

Таблица 1. Динамика промышленного и с/х производства, % к соответствующему периоду предыдущего года

	5 мес. 2018 г.	9 мес. 2018 г.	2018 г.	3 мес. 2019 г.	5 мес. 2019 г.
Промышленное производство					
РФ	103,9	103,0	102,9	102,1	102,4
ВО	105,6	104,9	104,2	103,0	103,3
Обрабатывающие производства					
РФ	104,4	103,3	102,6	101,3	101,6
ВО	106,1	105,3	104,3	102,9	103,3
Пищевое производство					
РФ	103,0	104,4	104,9	104,4	103,9
ВО	103,3	108,3	104,6	111,5	99,5
Ц/б и полиграфическое производство					
РФ	108,4	112,9	112,6	107,5	105,3
ВО	108,0	104,1	103,8	98,8	100,8
Деревообработка					
РФ	104,7	108,6	110,6	109,0	108,6
ВО	109,0	105,8	104,7	121,2	116,6
Химическое и нефтехимическое производство					
РФ	103,4	102,7	102,7	103,1	104,6
ВО	121,5	113,0	108,7	98,6	99,2
Металлургическое производство					
РФ	105,8	100,6	101,7	102,8	101,6
ВО	102,9	105,7	105,3	103,0	104,1
Машиностроение					
РФ	107,3	101,5	99,4	97,8	97,5
ВО	119,6	91,6	101,5	117,8	114,9
Производство строительных материалов					
РФ	99,6	104,8	104,4	108,4	108,2
ВО	74,7	87,8	94,4	115,2	130,9
Сельское хозяйство					
РФ	102,3	97,7	99,4	101,1	101,2
ВО	103,5	106,7	105,7	100,7	101,0

⊕ В деревообрабатывающей промышленности страны зафиксировано заметное оживление, проявившееся в увеличении выработки на 8,6%. Помимо прироста производства топливных брикетов на 39% отмечено расширение изготовления строительных материалов из дерева, таких как древесностружечные (на 11,4%) и древесноволокнистые (на 8,6%) плиты. В Вологодской области деревообработка развивалась еще более активно – при-

рост составил 16,6%. Помимо наращивания производства древесностружечных плит (на 54,3%) увеличился выпуск окон (на 41,1%) и деревянных домов заводского изготовления (на 64,6%).

⊕ Выпуск химической продукции в России увеличился на 4,6%. Наибольший прирост зафиксирован в производстве лекарственных средств (на 16,3%). В частности, расширено производство препаратов для лечения сердечно-сосудистой системы (+18,5%), противомикробных для системного использования (+49,6%), для лечения костно-мышечной системы (+40,1%) и для лечения нервной системы (+24,4%).

⊖ В Вологодской области индекс физического объема в химическом и нефтехимическом производстве составил 99,2%, что обусловлено изменением структуры выпуска отрасли: в традиционном экспортоориентированном производстве калийных минеральных и химических удобрений зафиксирован спад производства на 12,8%. При этом производство пластмасс в первичных формах выросло на 6,5%.

⊕ В металлургической промышленности России отмечен прирост выпуска на 1,6%. Драйверами роста стали обработка золота (на 24,4%), производство насосно-компрессорных бесшовных стальных труб (на 12,1%), холодноотянутой проволоки из нелегированной стали (на 7,2%). В Вологодской области также наблюдаются позитивные тенденции – объем произведенной продукции вырос на 4,1% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. В разрезе видов продукции наибольшее увеличение зафиксировано в производстве конструкций из черных металлов (+76,8%) и чугуна (+2,7%).

Сложной остается ситуация **в секторе промышленности инвестиционного спроса.**

⊖ Машиностроение в целом по стране сократилось на 2,5%. Спад во многом вызван снижением активности в сфере станко- и приборостроения, а также транспортного машиностроения. Так, выпуск компьютеров и их деталей сократился на 18,6%, насосов центробежной подачи жидкостей – на 35,7%, полупроводниковых приборов

и их частей – на 54,3%, электрических проводников на напряжение более 1 кВ – на 31,5%, двигателей внутреннего сгорания для автотранспортных средств – на 8,2%, лифтов – на 10%.

⊕ В Вологодской области, напротив, машиностроение выросло на 14,9%, что обусловлено почти двукратным ростом выпуска автотранспортных средств и прицепов.

⊖ При этом на 19,2% сократился объем выпуска одного из ключевых товаров региональной промышленности – шариковых и роликовых подшипников.

⊕ В сфере производства стройматериалов продолжается восстановительный рост, увеличение по стране составило 8,2%. Значительное расширение отмечено в производстве товарного бетона (+25,9%), наращено изготовление плит из цемента и бетона (+19%), цемента и строительных растворов (+18,8%). Помимо этого увеличены объемы производства керамической плитки для пола (+12,7%). Прирост выпуска стройматериалов в Вологодской области (+30,9%) во многом связан с интенсификацией дорожного строительства, в частности производство дорожных асфальтобетонных смесей выросло в 3,4 раза. В регионе также отмечается приращение выпуска товарного бетона (на 9,8%) и строительных блоков из бетона (на 7,5%).

⊕ В *сельском хозяйстве России* индекс производства составил 101,2%. Зафиксировано увеличение выпуска скота и птицы на убой на 1,2% (в том числе продукции свиноводства – на 5,9%). Наблюдается рост производства молока на 1,5%, сопровождающийся приростом надоев молока на одну корову на 5,3%. В сельском хозяйстве Вологодской области выпуск продукции вырос на 1%, производство молока в регионе увеличилось на 4,9%.

Позитивные тенденции наблюдаются на рынке труда.

⊕ Уровень безработицы в стране сократился на 0,3 п. п. (до 4,7%; табл. 2). В Вологодской области значение данного показателя снизилось до 5,3%, по данному показателю регион находится на 10 месте среди всех рос-

Таблица 2. Динамика рынка труда, % к соответствующему периоду предыдущего года

	5 мес. 2018 г.	9 мес. 2018 г.	2018 г.	3 мес. 2019 г.	5 мес. 2019 г.
Потребность работодателей в работниках					
РФ	108,9	107,1	106,8	105,9	104,7
ВО	85,5	87,5	91,6	109,6	112,4
Уровень безработицы, % от численности занятых					
РФ	5,0	4,8	4,8	4,8	4,7
ВО	6,0	5,4	5,1	6,1	5,3

сийских регионов. Потребность работодателей в работниках в стране увеличилась на 4,7%, в Вологодской области – на 12,4%.

2. Образование доходов

На стадии образования доходов в экономике происходят заметные структурные изменения, оказывающие негативное влияние на потребительский спрос, но которые в перспективе могут оказать повышательное влияние на динамику инвестиций.

⊖ *Реальные денежные доходы* россиян в I квартале 2019 года сократились на 2% (табл. 3). В Вологодской области зафиксировано снижение на 3,7%. По темпам изменения показателя регион уступает другим регионам-металлургам – Липецкой (+0,3%), Кемеровской (-1,7%) и Челябинской (-2%) областям. Одной из причин негативной динамики доходов стало сокращение заработной платы вологжан на 5,8%.

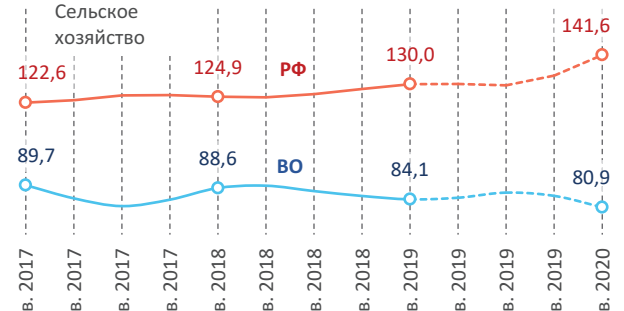
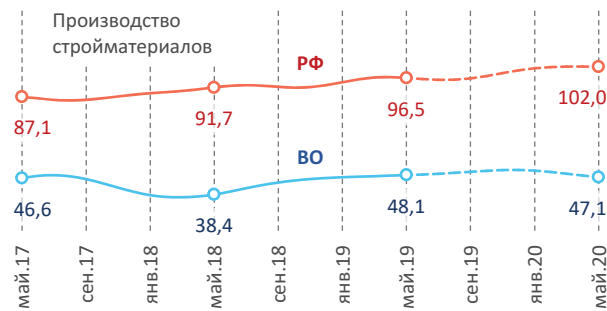
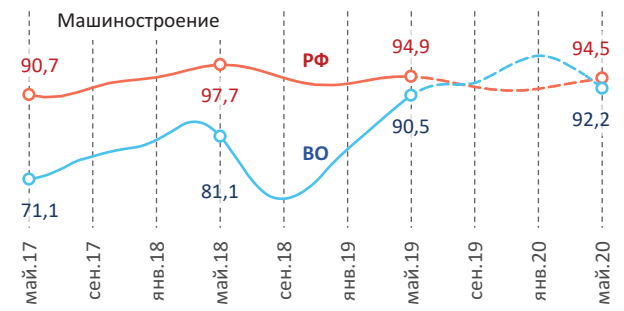
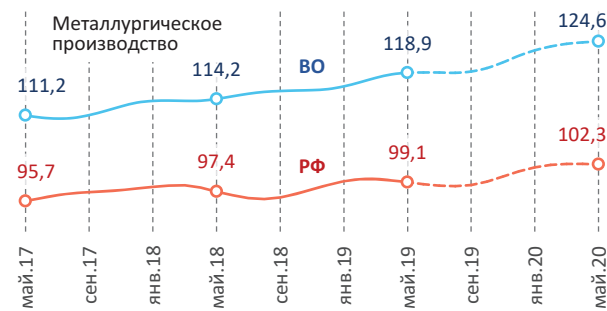
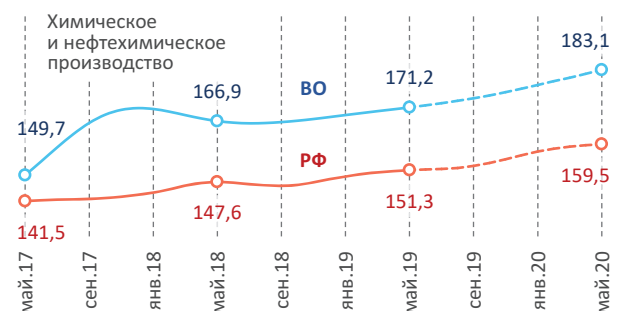
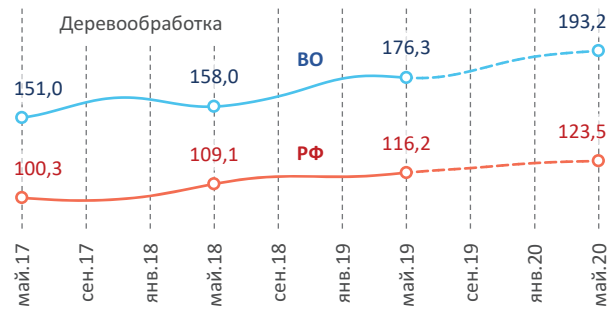
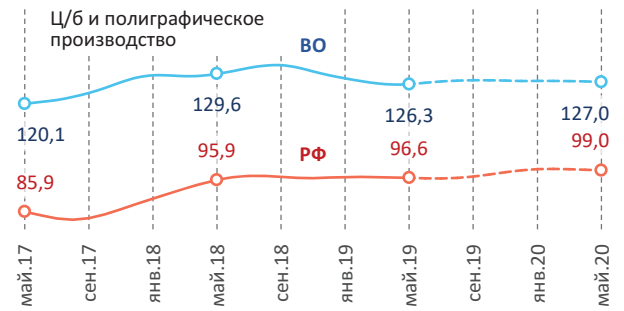
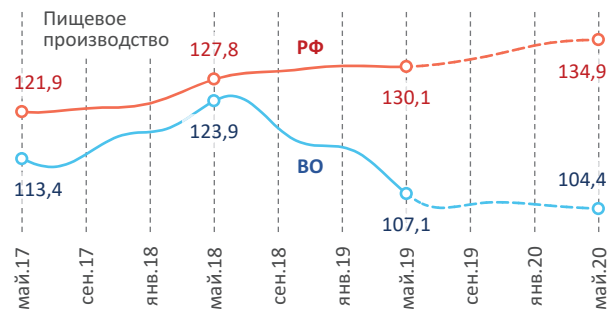
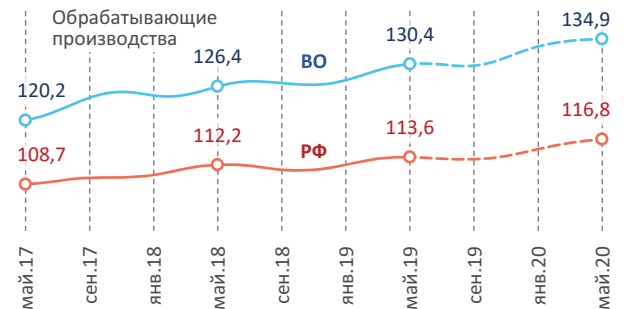
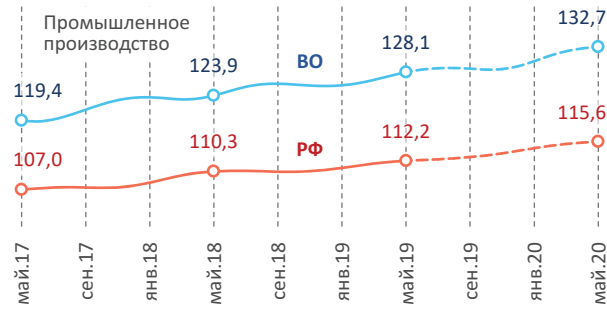
⊕ При этом размер реальной начисленной заработной платы в стране увеличился на 3,8%, пенсии – на 0,7%. В Вологодской области реальный размер назначенных пенсий увеличился на 1,4%.

В сфере образования доходов бизнеса и государства также зафиксированы положительные изменения.

⊕ *Сальдированный финансовый результат* (прибыль минус убыток) деятельности российских организаций в январе – апреле 2019 года с учетом инфляции вырос на 46,1% к уровню января – апреля 2018 года. Обращаем внимание в связи с этим, что прибыль является основным источником инвестиций российских компаний.

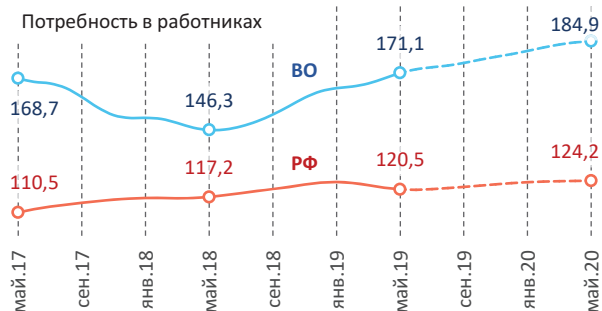
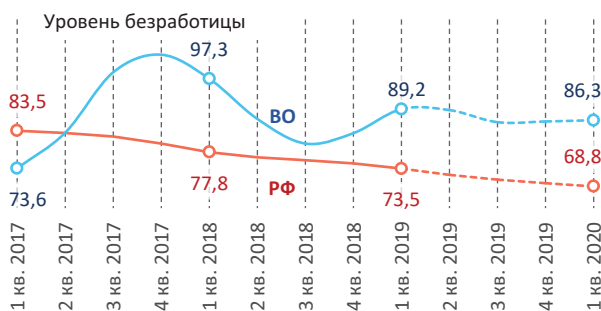
Вкладка 1

Тренды развития промышленного и с/х производства в 2017–2020 гг., % к уровню 2008 года

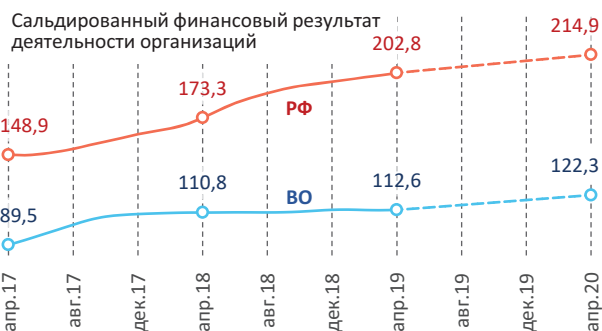
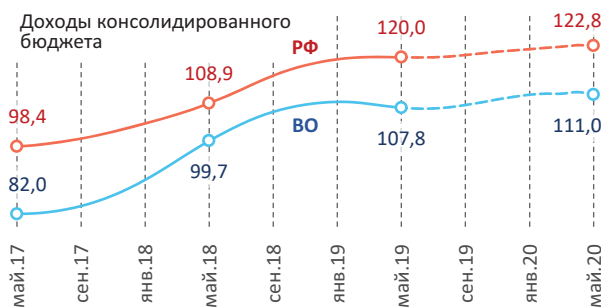
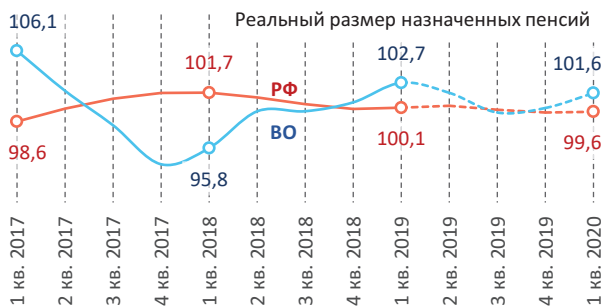
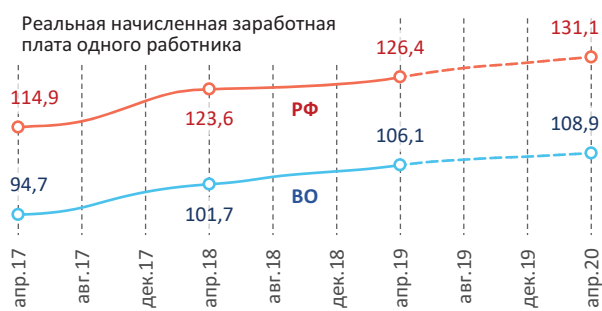
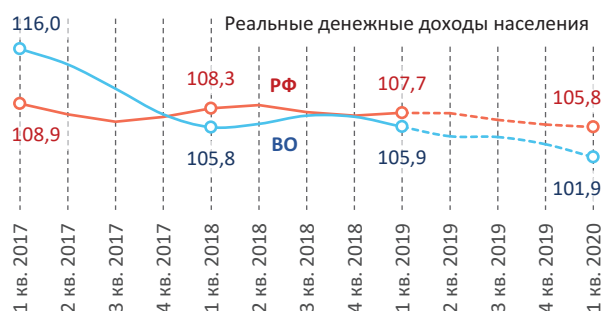

Вкладка 2

Тренды развития рынка труда в 2017–2020 гг., % к уровню 2008 года

Тренды образования доходов в экономике в 2017–2020 гг., % к уровню 2008 года

Таблица 3. Динамика образования доходов, % к соответствующему периоду предыдущего года

	3 мес. 2018 г.	6 мес. 2018 г.	9 мес. 2018 г.	2018 г.	3 мес. 2019 г.
Реальные денежные доходы населения					
РФ	100,9	101,5	100,8	100,9	98,0
ВО	92,2	93,6	94,6	97,2	96,3
Реальный размер назначенных пенсий					
РФ	102,3	103,2	103,6	103,1	100,7
ВО	101,4	102,2	102,0	103,5	101,4
Отношение среднедушевых денежных доходов к величине прожиточного минимума					
РФ	103,1	103,0	102,9	102,0	101,4
ВО	93,3	95,5	96,4	92,8	102,7
	5 мес. 2018 г.	9 мес. 2018 г.	2018 г.	3 мес. 2019 г.	5 мес. 2019 г.
Реальная начисленная заработная плата					
РФ	102,7	92,0	100,9	99,0	103,8
ВО	97,6	95,0	102,0	105,8	94,2
Доходы консолидированного бюджета					
РФ	109,2	110,3	113,3	111,5	114,3
ВО	113,4	116,6	120,0	111,9	112,6
	4 мес. 2018 г.	9 мес. 2018 г.	2018 г.	3 мес. 2019 г.	4 мес. 2019 г.
Сальдированный финансовый результат деятельности организаций					
РФ	107,3	133,7	129,7	144,8	146,1
ВО	236,2	128,0	101,0	76,7	82,5

⊖ В Вологодской области этот показатель снизился на 17,5%. Но следует отметить, что общий тренд финансового результата вологодских компаний имеет положительный наклон.

⊕ Реальные *доходы консолидированного бюджета* (с учетом внебюджетных фондов) страны продолжили расти, увеличение составило 14,3%, в Вологодской области – 12,6%.

Улучшение финансового состояния бизнеса и сжатие доходов населения привели к изменению структуры доходов консолидированного бюджета России: доля налога на прибыль организаций увеличилась с 11,8 до 14,9%, доля налога на доходы физических лиц сократилась с 9,7 до 9,2%.

3. Конечное использование

Несмотря на падение доходов населения, *потребительский спрос* остается важнейшим фактором экономического роста.

⊕ Оборот розничной торговли в России вырос на 1,7% (в том числе продовольственными товарами – на 5,8%, непродовольственными – на 1,9%, оборот общественного питания – на 1,6%), в Вологодской области – на 3,8% (в том числе непродовольственными товарами – на 7%, продовольственными – на 3,1%, оборот общественного питания – на 3,1%; табл. 4).

На фоне снижения доходов россиян оборот розничной торговли стимулируют потребительские кредиты. Так, в целом по стране их объем увеличился на 17,6%, в Вологодской области – на 13%. Тенденция нарастающей закредитованности населения создает опасность для стабильности финансовой системы страны.

⊕ Наряду с розничной торговлей продолжает динамично развиваться сектор платных услуг населению: в целом по стране их объем вырос на 5,7%.

⊖ В Вологодской области, напротив, наблюдается негативная динамика: в рассматриваемом периоде объем оказанных вологжанам услуг сократился на 8,4%.

Таблица 4. Динамика потребительского рынка, % к соответствующему периоду предыдущего года

	5 мес. 2018 г.	9 мес. 2018 г.	2018 г.	3 мес. 2019 г.	5 мес. 2019 г.
Оборот розничной торговли					
РФ	102,8	102,8	102,8	101,9	101,7
ВО	107,1	104,9	105,8	105,1	104,8
Объем платных услуг населению					
РФ	113,8	127,7	135,4	104,5	105,7
ВО	92,9	88,4	85,0	94,4	91,6
Объем кредитов, выданных физическим лицам					
РФ	112,6	65,3	115,3	117,5	117,6
ВО	54,8	43,8	82,4	117,5	113,0
Объем выданных ипотечных кредитов					
РФ	212,7	161,1	149,0	106,4	98,1
ВО	200,0	149,5	136,8	96,6	90,8

⊖ Потребительская инфляция в России в январе – мае ускорилась с 1,6 до 2,4% к декабрю прошлого года (рис.). Подорожали все категории товаров, наибольший рост цен пришелся на пищевую продукцию (+7,2%). В Вологодской области инфляция выросла с 1,2 до 1,9%. Решающим фактором ее роста является повышение тарифов на жилищно-коммунальные услуги, которое составило 3,2%. По этому показателю регион занимает 16 место в стране. Также наблюдается рост цен по остальным категориям товаров, за исключением подешевевших на 1,3% алкогольных напитков.

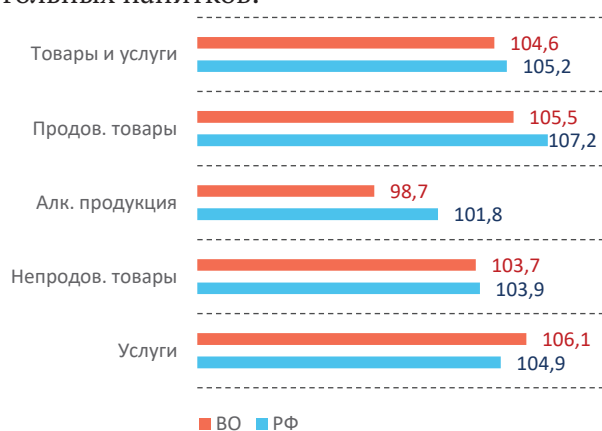

Рис. Индекс потребительских цен в мае 2019 года, % к декабрю прошлого года

⊕ Объем выполненных **строительных работ** в целом по России изменился незначительно (+0,1%; табл. 5). В Вологодской области динамика более выраженная (+15,1%), она во многом обусловлена резким увеличением инвестиций в основной капитал.

Таблица 5. Динамика строительства, % к соответствующему периоду предыдущего года

	5 мес. 2018 г.	9 мес. 2018 г.	2018 г.	3 мес. 2019 г.	5 мес. 2019 г.
Объем работ по ВЭД «Строительство»					
РФ	107,1	105,9	105,3	100,2	100,1
ВО	74,8	101,3	103,6	111,5	115,1
Строительство жилых домов					
РФ	109,6	98,0	95,5	94,4	102,0
ВО	131,5	100,3	98,7	88,6	92,3

⊕ Ввод жилых домов в стране вырос на 2%.

⊖ В то же время в Вологодской области введено на 7,7% меньше жилых площадей. Замедление жилищного строительства в регионе отчасти объясняется снижением платежеспособного спроса населения на жилье.

⊖ В секторе ипотечного кредитования страны зафиксировано снижение объема выданных кредитов на 1,9%. В Вологодской области сокращение более ощутимое – на 9,2%.

Структурные трансформации на стадии образования доходов в пользу увеличения прибыли бизнеса не ведут к значимому росту **валового накопления основного капитала** в российской экономике. Основная причина этого – отраслевой диспаритет: прибыли образуются в одних секторах, а инвестиции необходимы другим.

⊕ Прирост инвестиций в основной капитал в стране в I квартале 2019 года составил 0,5% (годом ранее 3,8%; табл. 6), при этом в Вологодской области инвестиции выросли в 2,2 раза. По темпу прироста инвестиций регион занимает 4 место в стране (однако этот результат во многом объясняется низкой базой в соответствующем периоде 2018 года).

Таблица 6. Динамика инвестиций в основной капитал, % к соответствующему периоду предыдущего года

	3 мес. 2018 г.	6 мес. 2018 г.	9 мес. 2018 г.	2018 г.	3 мес. 2019 г.
РФ	103,8	104,3	105,1	104,3	100,5
ВО	48,3	70,0	83,1	102,3	218,2

Умеренное развитие отмечено во **внешнеторговом секторе** российской экономики.

⊕ Экспорт товаров и услуг из России в I квартале 2019 года вырос на 1,6%, из Вологодской области прирост значительно выше – на 48,4% (табл. 7). Импорт в целом стабилизировался, отмечено сокращение его объема. Темп роста импорта в Россию в первые три месяца 2019 года снизился относительно аналогичного периода 2018 года (замедление с 22,5 до 2,7%). В Вологодской области зафиксирована обратная тенден-

Таблица 7. Динамика внешней торговли, % к соответствующему периоду предыдущего года

	3 мес. 2018 г.	6 мес. 2018 г.	9 мес. 2018 г.	2018 г.	3 мес. 2019 г.
Экспорт товаров и услуг					
РФ	123,1	126,5	127,9	125,7	101,6
ВО	103,9	147,7	138,8	137,8	148,4
Импорт товаров и услуг					
РФ	120,5	113,8	108,0	104,8	97,3
ВО	95,8	105,2	106,9	107,3	116,9
Мировые цены на товары					
	5 мес. 2018 г.	9 мес. 2018 г.	2018 г.	3 мес. 2019 г.	5 мес. 2019 г.
Нефть	128,8	137,1	129,4	93,6	94,3
Газ	126,6	138,2	134,4	91,9	80,3
Мет.	132,9	139,8	127,2	100,9	96,4
ФУ	118,7	122,7	121,8	96,9	91,2

ция – импорт за I квартал 2019 года вырос на 16,9% (в соответствующем периоде предыдущего года снизился на 4,2%).

Ситуация на глобальных рынках охарактеризовалась негативными ценовыми тен-

денциями: введение новых экологических стандартов в Германии оказало негативное влияние на динамику выпуска автомобильной промышленности, индекс экономической уверенности в еврозоне в I квартале 2019 года достиг минимального уровня с 2016 года, темпы роста китайской экономики сохранились на минимальном уровне за 10 лет. Также на глобальные рынки в последние месяцы оказывало ограниченное влияние усиление неопределенности относительно параметров сделки о выходе Великобритании из Евросоюза. На фоне ослабления деловой активности в мировой экономике в начале 2019 года Всемирный банк понизил прогноз глобального роста в 2019 и 2020 гг.

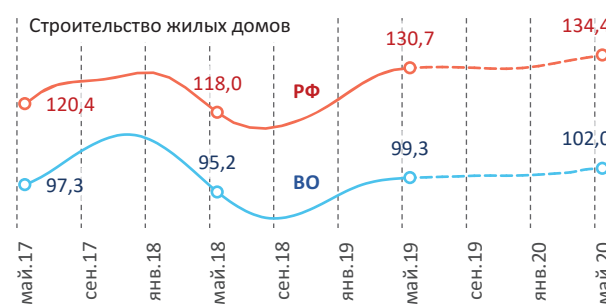
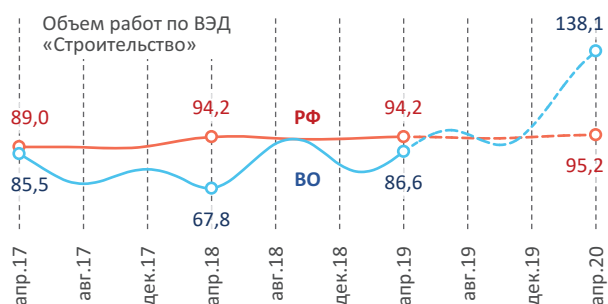
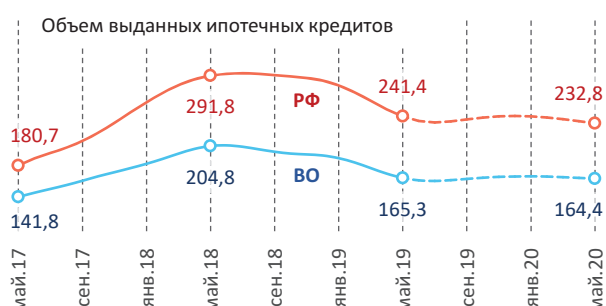
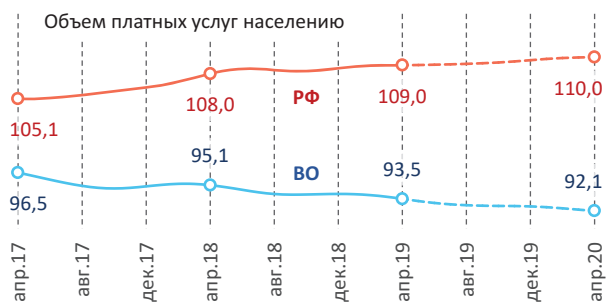
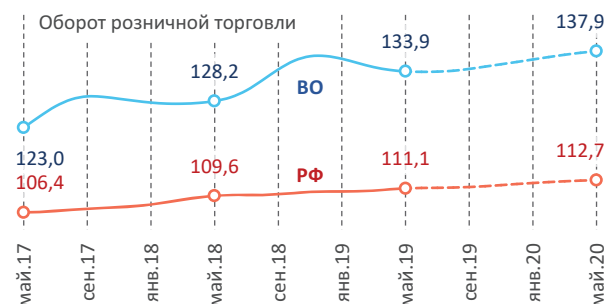
☑ Средние цены на нефть за первые 5 месяцев 2019 года упали на 5,7% по сравнению с аналогичным периодом 2018 года. На природный газ цены снизились на 19,7%, на фосфатные удобрения – на 8,8%. Цены на металлопрокат на мировом рынке пережили падение на 3,6% (табл. 8, 9).

Таблица 8. Цены на металлопродукцию на мировом рынке (страны ЕС) за тонну (на начало июля соответствующего года)

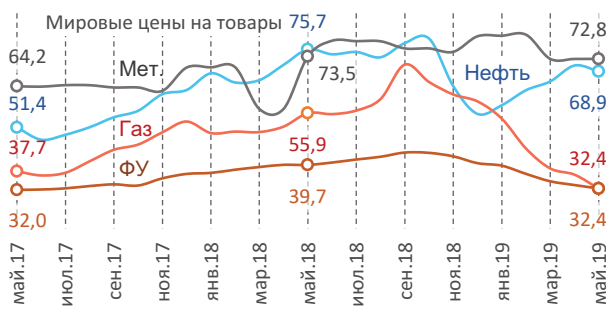
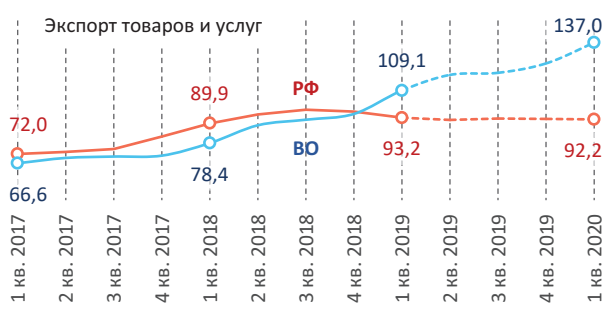
Вид металлопродукции	Ед. измерения	2019 г.	2018 г.	2017 г.	2019 г. в %	
					к 2018 г.	к 2017 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	Долл. США	633	718	625	88,2	101,3
Лист оцинкованный	Долл. США	675	775	710	87,1	95,1
Лист горячекатаный	Долл. США	548	625	523	87,7	104,8
«Длинный» прокат						
Арматурная сталь	Долл. США	543	580	473	93,6	114,8
Конструкционные профили	Долл. США	763	770	615	99,1	124,1
Сортовой прокат	Долл. США	648	683	545	94,9	118,9

Вкладка 3

Тренды развития потребительского рынка и строительства в 2017–2020 гг., % к уровню 2008 года

Тренды инвестиций и внешней торговли в 2017–2020 гг., % к уровню 2008 года

**Таблица 9. Цены на металлопродукцию на российском рынке за тонну
(на начало июля соответствующего года)**

Вид металлопродукции	Ед. измерения	2019 г.	2018 г.	2017 г.	2019 г. в %	
					к 2018 г.	к 2017 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	Руб.	51886	49040	38336	105,8	135,3
Лист оцинкованный	Руб.	62958	61412	49494	102,5	127,2
Лист горячекатаный	Руб.	45374	54174	34307	83,8	132,3
«Длинный» прокат						
Арматура	Руб.	42879	39662	31429	108,1	136,4
Балка и швеллер	Руб.	49780	52844	51223	94,2	97,2
Круг	Руб.	42339	38946	37175	108,7	113,9
Уголок	Руб.	41991	43069	38730	97,5	108,4

В целом общая ситуация в экономике в январе – мае 2019 года незначительно улучшилась. Выросли промышленное и сельскохозяйственное производство, экспорт, доходы бюджета и бизнеса, зарплаты работников, позитивные изменения происходят на рынке труда и на потребительском рынке. Однако это происходит на фоне падения доходов населения, роста его кредитного бремени, замедления динамики почти всех ключевых экономических показателей. Оставляет желать лучшего качество экономического роста: стагнируют инвестиции в основной капитал и многие отрасли машиностроения. По-прежнему, отмечаются структурные дисбалансы в распределении и использовании доходов в экономике. Необходимы целенаправленные меры государства по стимулированию потребительского спроса и трансформации доходов и сбережений в инвестиции.

Источники: Росстат, Вологдастат, Центральный банк Российской Федерации, Федеральная таможенная служба, Федеральное казначейство, www.metaltorg.ru, metalinform.ru, www.indexmundi.com

Материал подготовили

Е.В. Лукин

*кандидат экономических наук
ведущий научный сотрудник
заместитель заведующего отделом
ФГБУН ВолНЦ РАН*

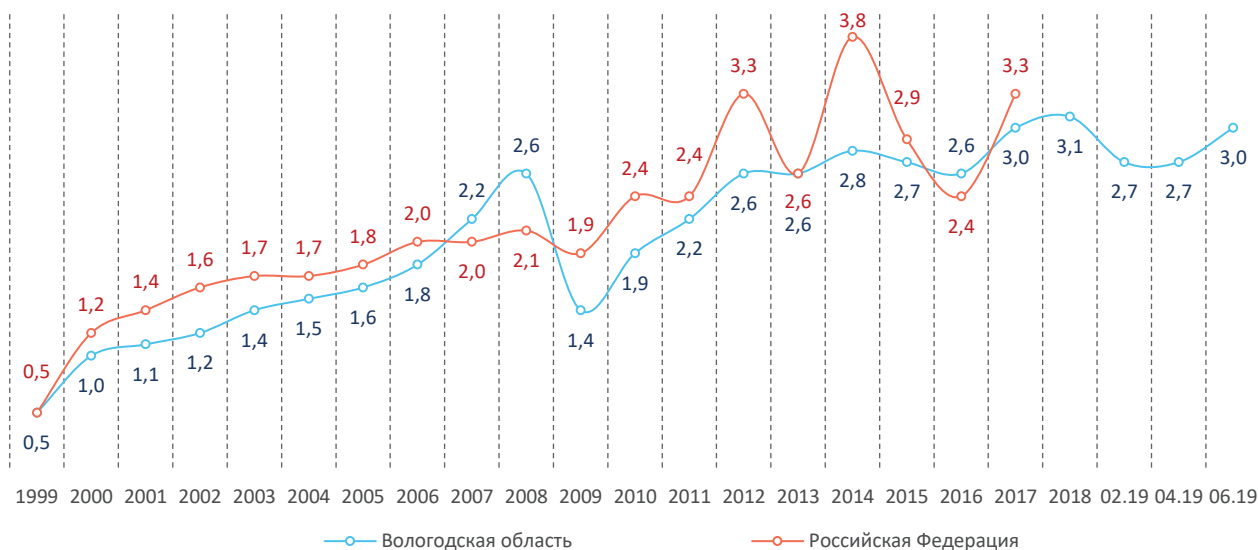
А.Е. Мельников

*младший научный сотрудник
ФГБУН ВолНЦ РАН*

М.А. Сидоров

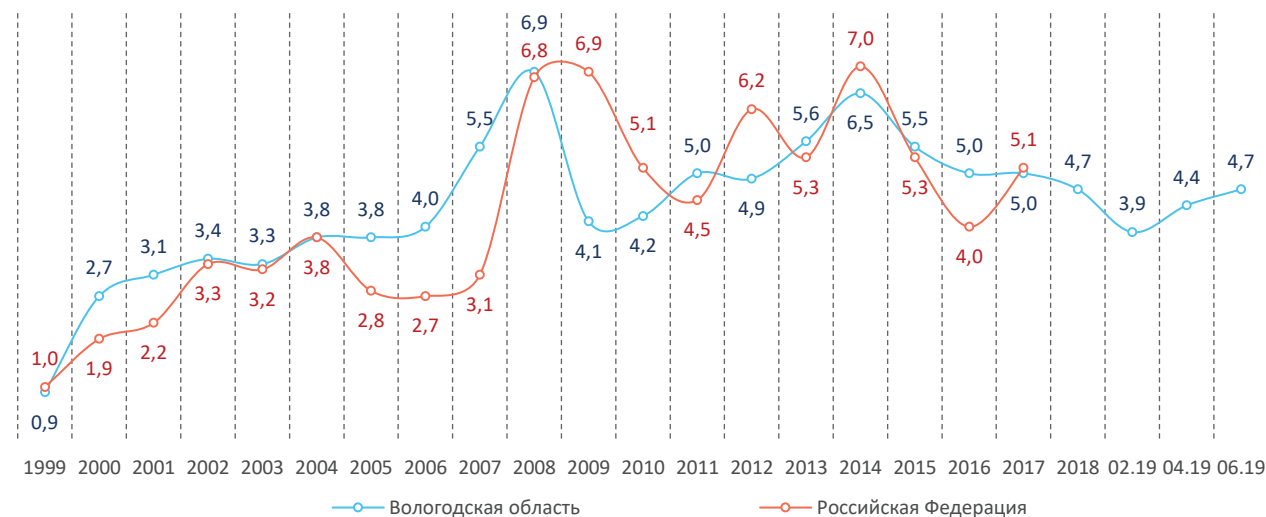
*младший научный сотрудник
ФГБУН ВолНЦ РАН*

МОНИТОРИНГ СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ

Рис. 1. Социальное настроение¹ (отношение суммы позитивных оценок «прекрасное» и «нормальное, ровное» к сумме негативных «испытываю напряжение, раздражение» и «испытываю страх, тоску»), раз

В июне 2019 года по сравнению с предыдущими месяцами т. г. показатель социального настроения жителей Вологодской области несколько увеличился (с 2,7 до 3,0 раз) и находится на уровне 2017 года.

Рис. 2. Запас терпения населения (отношение суммы позиций «жить можно» и «можно терпеть» к позиции «терпеть нельзя»), раз

С февраля по июнь 2019 года произошло повышение показателя запаса терпения жителей Вологодской области до уровня 2018 года. Соотношение суммы позитивных и негативных оценок увеличилось с 3,9 до 4,7 раза.

¹ Здесь и далее: Вологодская область – данные ФГБУН ВолНЦ РАН; Российская Федерация – данные Левада-Центра.

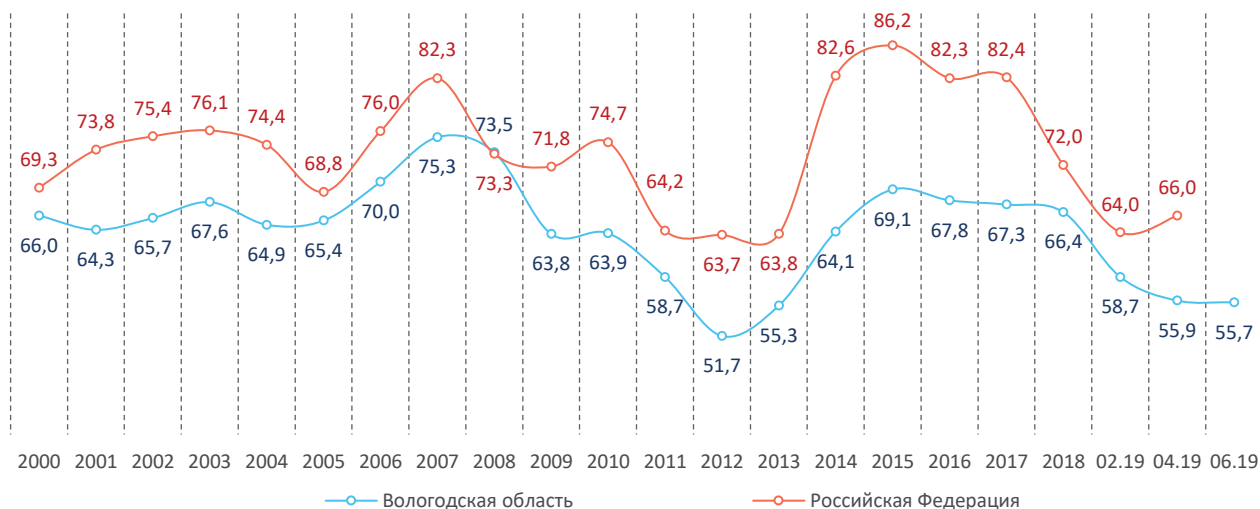

Рис. 3. Одобрение деятельности Президента РФ, % от числа опрошенных

В течение первой половины 2019 года оценка жителями Вологодской области работы главы государства практически не изменилась и находится на уровне 59–56%.

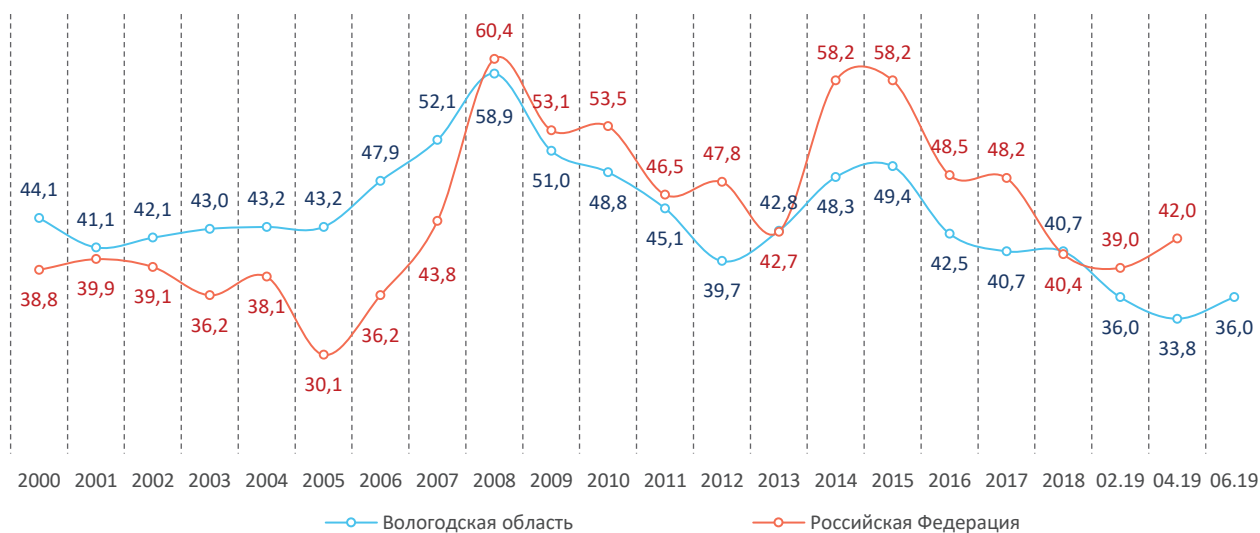

Рис. 4. Одобрение деятельности Правительства РФ, % от числа опрошенных

За I полугодие 2019 года показатель одобрения жителями Вологодской области деятельности Правительства РФ остается стабильным и составляет 34–36%.

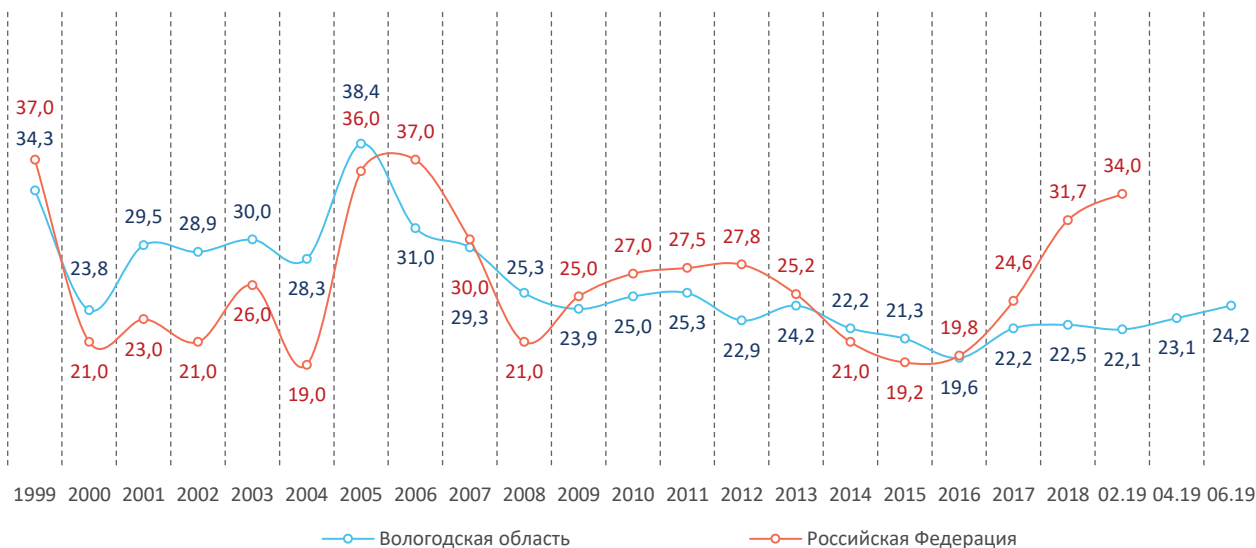

Рис. 5. Вероятность протестных выступлений (доля респондентов, отметивших возможность массовых акций протеста), % от числа опрошенных

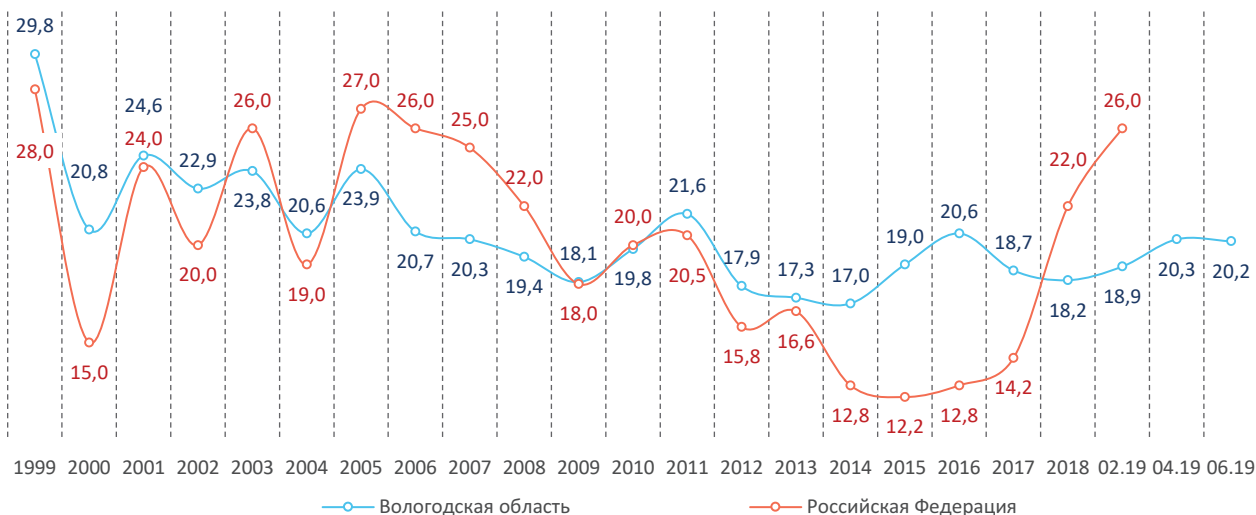

Рис. 6. Возможность участия в выступлениях (доля респондентов, готовых принять участие в массовых акциях протеста), % от числа опрошенных

За 6 месяцев 2019 года не наблюдается существенных изменений в уровне социальной напряженности жителей Вологодской области. Показатель вероятности протестных выступлений находится на уровне 22–24%, а доля населения, отмечающего возможность своего участия в акциях протеста, составляет 19–20%.

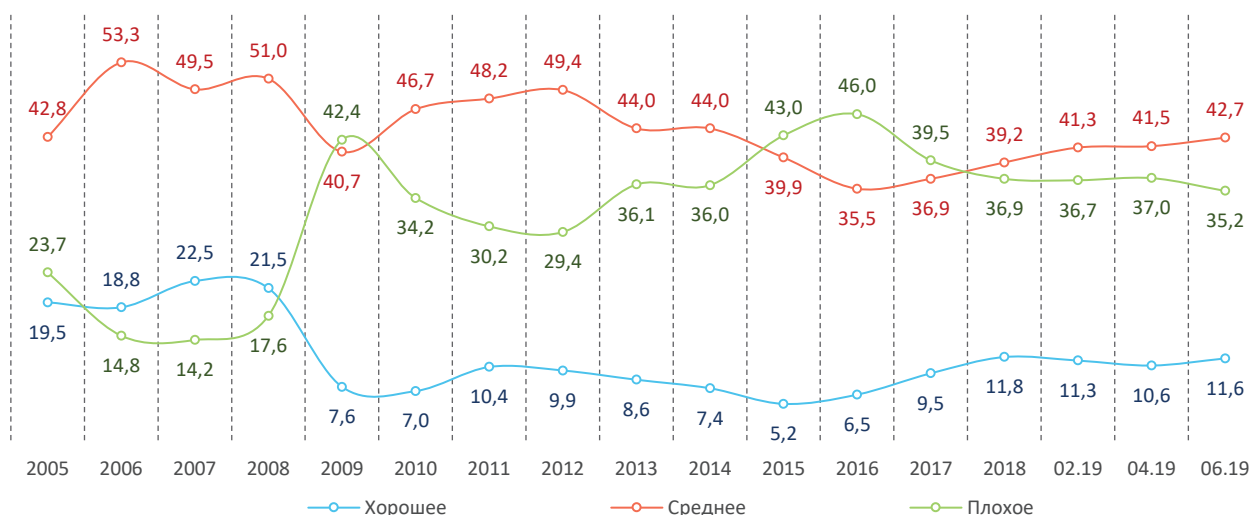

Рис. 7. Оценка экономического положения области, % от числа опрошенных

С начала 2019 года наблюдается стабильность в оценках населения региона экономического положения области. Удельный вес положительных суждений находится на уровне 11–12%, нейтральных – 41–43%, отрицательных – 37–35%.

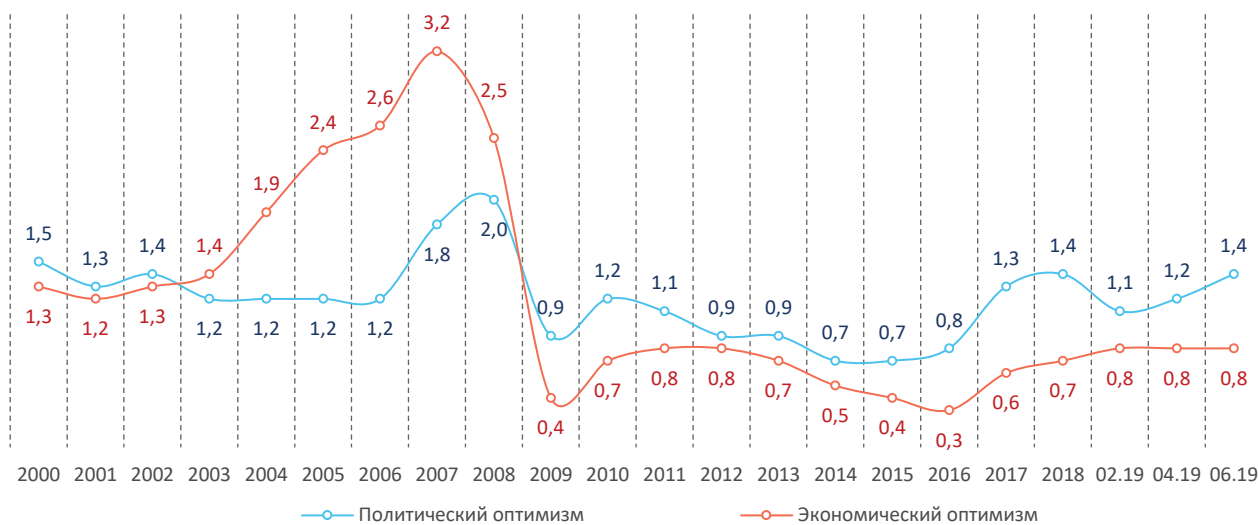

Рис. 8. Индексы политического и экономического оптимизма² (соотношение позитивных и негативных ожиданий), раз

С февраля по июнь 2019 года произошло увеличение индекса политического оптимизма (с 1,1 до 1,4 раза). Индекс экономического оптимизма остается стабильным с февраля текущего года и составляет 0,8 раза.

Материал подготовила Е.Э. Леонидова
научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН

² Индекс политического оптимизма рассчитывается на основе соотношения ответов респондентов, давших положительные и отрицательные прогнозные оценки политической ситуации, на вопрос «Как Вы думаете, что ожидается в ближайшие месяцы в политической жизни России?».

Индекс экономического оптимизма рассчитывается на основе соотношения ответов респондентов, давших положительные и отрицательные прогнозные оценки экономической ситуации, на вопрос «Как Вы считаете, следующие 12 месяцев будут хорошим временем, плохим или каким-либо еще для экономики России?».

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

DOI: 10.15838/ptd.2019.4.102.2

УДК 332.1 | ББК 65.050.23

© Ворошилов Н.В.

ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ РАЗВИТОСТИ АГЛОМЕРАЦИЙ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ¹

ВОРОШИЛОВ НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

E-mail: niks789@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5565-1906; ResearcherID: I-8233-2016

Целью данной статьи является проведение анализа основных параметров развития крупных и крупнейших агломераций России, а также агломераций на территории Европейского Севера России. Для достижения поставленной цели использованы такие научные методы, как экономический, статистический и компаративный анализ, методы анализа, синтеза, обобщения, монографический метод. Научная новизна проведенного исследования заключается в совершенствовании инструментария оценки развитости агломераций путем учета экономической составляющей (расчета коэффициента гравитации, характеризующего потенциал экономического взаимодействия между муниципалитетами, входящими в агломерацию); обосновании перечня и состава агломераций на территории Европейского Севера России. В ходе проведенного анализа показано, что в настоящее время в России отсутствует четкое понимание количества и состава существующих и формирующихся (перспективных) агломераций на территории страны; большинство крупнейших и крупных агломераций расположено в центральной полосе расселения, лишь 10 агломераций относятся к Азиатской части России; в России наиболее развитыми являются лишь 2 агломерации (Московская и Санкт-Петербургская), большинство (17 из 40) агломераций страны относятся к категории наименее развитых; наибольшее значение показателя коэффициента гравитации отмечается (без учета Московской и Санкт-

---

Для цитирования Ворошилов Н.В. Подходы к оценке развитости агломераций на территории России // Проблемы развития территории. 2019. № 4 (102). С. 40–54. DOI: 10.15838/ptd.2019.4.102.2

For citation: Voroshilov N.V. Approaches to assessing the development of agglomerations in Russia. *Problems of Territory's Development*, 2019, no. 4 (102), pp. 40–54. DOI: 10.15838/ptd.2019.4.102.2

---

¹ Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» по теме НИР № 0168-2019-0004 «Совершенствование механизмов развития и эффективного использования потенциала социально-экономических систем».

Петербургской агломераций) в Тюменской и Пермской агломерациях (33,5 и 28,5 млрд руб. / км), в большинстве (18 из 40) агломераций значения данного показателя не превышают 5 млрд руб.; на Европейском Севере России наиболее развитыми в экономическом плане являются Череповецкая и Ухтинская агломерации, сопоставимые по данному показателю с агломерациями, входящими в первую двадцатку крупнейших и крупных агломераций страны. Обосновано, что все объективно существующие и формирующиеся агломерации должны стать приоритетом пространственного развития России и ее субъектов. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в деятельности федеральных и региональных органов власти, а также служить базой для дальнейших исследований по данной тематике.

Агломерации, методика оценки, социально-экономическое развитие, Европейский Север России, субъект РФ.

В настоящее время в России в качестве одного из ключевых приоритетов пространственного развития страны выступают городские агломерации. В утвержденной распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года в качестве перспективных крупных центров экономического роста страны и субъектов РФ обозначена 41 крупнейшая (с числом жителей более 1 млн чел.) и крупная (от 0,5 до 1,0 млн жителей) агломерация. Ряд городов с численностью населения менее 500 тыс. чел. (в том числе административные центры субъектов РФ) указан в данной Стратегии в качестве перспективных центров экономического роста субъектов РФ. Вместе с тем результаты научных исследований российских [1–7] и зарубежных [8–13] ученых, а также мировая и российская практика свидетельствуют о наличии агломерационных процессов и развитии агломераций с численностью населения менее 500 тыс. чел. Агломерационные формы пространственной организации населения и хозяйства имеют ряд объективных преимуществ (снижение издержек, кумулятивные эффекты, создание и распространение инноваций и т. д.) и возможных негативных последствий (отток населения из периферийных территорий региона, ухудшение экологической ситуации на территории агломерации, транспортные проблемы и т. д.). Вместе с тем в России пока не сформировалось какого-либо нормативно-правового регулирования вопросов развития агломераций, имеются определенные трудности и

в проведении комплексного анализа агломерационных процессов в силу отсутствия статистического учета непосредственно по агломерациям и единого подхода к проведению такого анализа. Это актуализирует необходимость проведения комплексного научного анализа теоретических и практических аспектов развития агломераций.

Следует также отметить, что в настоящее время в России отсутствует единое понимание того, сколько в России уже сформированных и потенциальных агломераций, каковы границы уже существующих агломераций (в разных источниках можно обнаружить до трех различных составов одной и той же агломерации). Наглядно данные факты можно проиллюстрировать на примере Вологодской области. Так, 13 февраля 2019 года Советом при Губернаторе области по стратегическим направлениям утвержден Паспорт регионального проекта Вологодской области, определенный федеральными проектами «Дорожная сеть» и «Общесистемные меры развития дорожного хозяйства» национального проекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги», в рамках которого планируется улучшение транспортно-эксплуатационных характеристик дорожной сети Вологодской и Череповецкой городских агломераций.

23 ноября 2018 года на сайте Правительства Вологодской области для общественного обсуждения размещен Проект внесения изменений в Схему территориального планирования Вологодской области. В данном проекте присутствует отдельный раздел «Агломерация «Вологодская». Агломерация

состоит из 24 поселений Вологодской области (муниципальных образований, городских округов) на территории 4 муниципальных районов – Череповецкого (в состав агломерации включены 9 поселений района из 13), Шекснинского (5 поселений района из 10), Вологодского (6 поселений района из 10), Сокольского (2 поселения района из 9) и 2 городских округов – город Вологда и город Череповец. В обосновывающих материалах Схемы территориального планирования обозначены основные виды экономической деятельности, представленные в муниципалитетах агломерации, основные центры социально-экономического роста (города, села, деревни); описан историко-культурный и природно-рекреационный каркас агломерации; представлены планируемые мероприятия, проекты по экономическому развитию агломерации, развитию социальной, инженерной, транспортной инфраструктуры, охране окружающей среды и рациональному природопользованию.

Таким образом, в проекте изменения Схемы территориального планирования области речь идет об одной двухъядерной агломерации «Вологодской»; в проекте «Безопасные и качественные автомобильные дороги» – о двух агломерациях (Вологодская: Вологда и Вологодский район; Череповецкая: Череповец и Череповецкий район); в первоначальном варианте Стратегии социально-экономического развития Вологодской области на период до 2030 года говорилось о двух трехъядерных агломерациях (Вологодская: Вологда-Сокол-Грязовец; Череповецкая: Череповец-Шексна-Кадуй); в действующем варианте Стратегии развития области упоминаются агломерация «Вологда-Череповец», агломерация «Вологодская», Вологодская и Череповецкая агломерации. В Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года агломерации на территории Вологодской области не упоминаются. Города Вологда и Череповец обозначены в данной Стратегии как перспективные центры эко-

номического роста субъектов Российской Федерации, которые обеспечат вклад в экономический рост Российской Федерации от 0,2 процента до 1 процента ежегодно.

Исходя из вышесказанного важной научной задачей является проведение анализа основных параметров развития крупных и крупнейших агломераций России, а также агломераций на территории Европейского Севера России (ЕСР), что и явилось целью данной статьи.

Как отмечает ведущий российский исследователь агломераций А.Г. Лаппо: «городская агломерация – компактная территориальная группировка городских и сельских поселений, объединенных в динамичную локальную систему многообразными интенсивными связями: производственными, деловыми, трудовыми, культурно-бытовыми, рекреационными и прочими, а также совместным использованием ресурсов агломерационного ареала» [6].

В исследованиях зарубежных и российских ученых показано, что развитие агломераций связано, прежде всего, с экономическими выгодами – так называемой агломерационной экономией – экономией затрат вследствие объединения различных видов деятельности в одном месте, отказом от дублирования функций на территориях членов агломераций (городских округов и сельских муниципальных районов)

В 2017 году Международная сеть компаний PwC, которая занимается предоставлением услуг в области консалтинга и аудита, провела комплексное исследование роли и развития агломераций в мире, основные результаты которого свидетельствуют о следующем².

1. В среднем экономика (валовой внутренний продукт) городских агломераций растет на 0,3 п. п. быстрее, чем экономика стран. В частности, в агломерациях доходы домохозяйств за период с 2001 по 2016 год выросли больше на 4,7 тыс. долл. США, чем в среднем доходы домохозяйств в странах. Непосредственно ядра агломераций в боль-

² Эффект масштаба. Первый глобальный рэнкинг агломераций // PwC. Россия. 2017. Июль. URL: <https://www.pwc.ru/ru/publications/agglomerations.html> (дата обращения 30.05.2019).

шинстве случаев показывают более высокие темпы экономического роста, нежели агломерации в целом.

2. Агломерации более привлекательны для жителей, так как создают больше рабочих мест. Прирост населения в агломерациях происходит на 0,5 п. п. быстрее, чем в целом по странам. Миграционный прирост населения выше, чем в странах, в среднем на 3 человека на 1000 человек. Агломерации более привлекательны с точки зрения условий труда, чем страна, что выражается в более высоком приросте занятых на 1000 человек (больше на 20 занятых). В агломерациях рынок труда более сбалансирован – найти работников дефицитных специальностей проще, чем в среднем по стране.

3. К 2030 году доля крупнейших агломераций в мировом ВВП увеличится с 38 до 43%. Среднегодовой темп роста будет на 1 п. п. опережать среднемировой темп роста (3,7 против 2,9%).

Российская практика также свидетельствует о наличии конкурентных преимуществ данных территорий. В частности, Московская агломерация значительно опережает Россию по 11 из 13 показателей (только агломерация Пекина имеет более высокие показатели – 12 из 13), в т. ч. по приросту ВВП (на 1,4 п. п.), населения (1,2 п. п.) и миграции (8 мигрантов на 1 тыс. человек).

Важные научные и практические задачи: выявление территорий, для которых характерны агломерационные эффекты, определение состава и границ агломераций, оценка основных параметров и особенностей их развития.

В настоящее время в мировой и российской практике используется довольно широкий перечень критериев выделения городских агломераций: наличие города-центра определенной людности; плотность городского населения; непрерывность застройки; интенсивность и дальность трудовых и культурно-бытовых поездок между городом-центром и другими поселениями агломерации; удельный вес несельскохозяйствен-

ных рабочих; доля работающих вне места жительства; количество городов-спутников и интенсивность их связанности с городом-центром; число телефонных разговоров с центром; наличие экономико-производственных связей; единые инфраструктурные системы и другие.

В табл. 1 представлены основные критерии выделения агломераций по наиболее известным методикам.

Еще один подход к установлению границ агломераций предлагает Ю.Л. Пивоваров⁵. Он выделяет зоны влияния всех городов с населением свыше 50 тыс. жителей. Для выделения урбанизированных районов и зон был использован логико-картографический метод. Его основу составляет определение ареалов высокой урбанистической концентрации населения путем нанесения на карту зон влияния (транспортной доступности) городов с населением свыше 50 тыс. жителей. Величина радиуса зоны влияния рассчитана по формуле, которая установлена эмпирическим путем:

$$R = \sqrt[3]{\frac{H}{4}}, \quad (1)$$

где:

R – зона влияния города, км;

H – численность населения города, чел.

В первоначальном варианте Стратегии пространственного развития Российской Федерации было указано на наличие в стране 124 сформировавшихся и формирующихся агломераций. Известный российский ученый-урбанист, градовед А.М. Лола выделяет на территории России 146 крупногородских агломераций, в том числе 9 агломераций на территории Европейского Севера России (Архангельская, Вологодская, Воркутинская, Котласская, Мурманская, Петрозаводская, Сыктывкарская, Ухтинская, Череповецкая) [3].

⁵ Пивоваров Ю.Л. Основы геоурбанистики: урбанизация и городские системы: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М.: ВЛАДОС, 1999. 232 с.

Таблица 1. Критерии выделения агломераций по ряду методик

Критерий	Методика ИГРАН (Г. Лаппо, П. Полян)	Методика ЦНИИПград (Ф. Листенгурт)	Унифицированная методика (П. Полян, Н. Наймарк, И. Заславский)	
			Крупногородские агломерации	Большегородские агломерации
1. Численность населения центра	Не менее 250 тыс. чел.	Не менее 100 тыс. чел.	Не менее 250 тыс. чел.	Не менее 100 тыс. чел.
2. Временная доступность от окраин до центра	Не более 1,5 часа	Не более 2 часов	Не более 1,5 часа	Не более 1 часа
3. Доступность от периферийных больших и средних городов до центра	–	–	Не более 0,5 часа (от больших и средних)	Не более 0,5 часа (от средних)
4. Количество городских населенных пунктов агломерационной зоны	Не менее 5	Не менее 3	Не менее 4	Не менее 4
5. Совокупная численность населения городов-спутников	Не менее 50 тыс. чел.	–	–	–
6. Численность городского населения в агломерации	–	Не менее 110 тыс. чел.	–	–
7. Доля населения городских населенных пунктов агломерационной зоны	–	Не менее 10% от общей численности городского населения	–	–
8. Коэффициент развитости агломерации (агломеративности)	Не менее 1	Не менее 0,1	Не менее 1	Не менее 2

Источник: Волчкова И.В., Минаев Н.В. Теория и практика управления развитием агломераций: монография. Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2014. 234 с.

Показано, что советскими и российскими учеными [1; 2; 6; 14–18] для общей оценки развитости и проведения типологизации агломераций применяются следующие показатели (критерии): численность населения агломерации и ее ядра, коэффициент и индекс агломеративности, коэффициент развитости агломерации, коэффициент динамичности (темпы роста городского населения за 20 лет), количество ядер агломерации. При это в данном случае рассматриваются лишь параметры демографического развития муниципалитетов, входящих в агломерацию, а также особенности системы расселения. Для оценки степени экономического взаимодействия между муниципалитетами, входящими в агломерацию, предложено использовать показатель гравитации (экономической мощности агломерации), учитывающий экономический потенциал (объем отгрузки товаров и услуг) и расстояние между ядром агломерации и центром муниципального образования, входящего в нее.

В соответствии с методикой Института географии РАН коэффициент развитости агломерации представляет собой следующее произведение:

$$K_a = P \cdot (N \cdot n + M \cdot t), \quad (2)$$

где:

P – численность населения агломерации, млн чел.;

M – число городов в агломерации;

N – число поселков городского типа в агломерации;

t – доля численности населения городов в численности населения агломерации;

n – доля численности населения поселков городского типа в численности населения агломерации.

Классы развитости агломерации по методике ИГ РАН определяют исходя из значения данного коэффициента: 1) более 50 – наиболее развитые; 2) от 10 до 50 – сильно раз-

витые; 3) от 5 до 10 – развитые; 4) от 2,5 до 5 – слаборазвитые; 5) менее 2,5 – наименее развитые; 6) агломерации, не отвечающие ни одному из критериев, – потенциальные [2].

Для оценки степени экономического взаимодействия между муниципалитетами, входящими в агломерацию, некоторые ученые [15; 17; 18] предлагают использовать показатель гравитации (экономической мощности агломерации), учитывающий экономический потенциал (объем отгрузки товаров и услуг) и расстояние между ядром агломерации и центром муниципального образования, входящего в нее. В данном исследовании предлагается рассчитывать показатель гравитации (экономической мощности агломерации) 40 крупнейших и крупных агломераций России. Оценка данного показателя проводилась по следующей формуле:

$$G_A = \frac{\sum_{j=1}^n (G_{cj} \cdot f_j)}{\sum_{j=1}^n f_j}, \quad (3)$$

где:

G_A – коэффициент гравитации (экономической мощности) агломерации A , млн руб./км;
 G_{cj} – показатель взаимодействия между ядром агломерации (i) и муниципальным образованием (j), входящим в данную агломерацию;
 f_j – численность населения муниципального образования (за исключением ядра агломерации), входящего в агломерацию A ;
 n – число муниципальных образований (за исключением ядра агломерации), входящих в агломерацию [19];

$$G_{cj} = \sqrt{\frac{p_c \cdot p_j}{d_{cj}^2}}, \quad (4)$$

где:

G_{cj} – показатель взаимодействия между ядром агломерации (c) и муниципальным образованием (j), входящим в данную агломерацию;
 p_c – показатель значимости муниципального образования – ядра агломерации (объем отгрузки продукции, численность населения и т. д.);

p_j – показатель значимости муниципального образования (j), входящего в агломерацию (за исключением ядра агломерации) (объем отгрузки продукции, численность населения и т. д.);
 d_{cj} – расстояние между ядром агломерации (c) и центром муниципального образования (j), входящего в нее.

Для расчетов использовался состав агломераций (перечень муниципальных образований, входящих в каждую конкретную агломерацию), представленный в одном из проектов Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 года, подготовленном Министерством экономического развития РФ в 2018 году.

Расчеты проводились на основе данных об объеме отгрузки товаров, услуг, выполненных работ собственного производства (в млн руб.) по муниципалитетам агломерации и расстоянию между городом-ядром агломерации и административным центром муниципального образования, входящего в агломерацию. Также проводились все расчеты по формирующимся и возможным агломерациям на территории Европейского Севера России, обозначенным в работе А.М. Лолы [3]. При этом обоснованным, на наш взгляд, выглядит выделение еще одной агломерации в данном макрорегионе – «Апатиты-Кировск-Мончегорск» (табл. 2). Конкретный состав рассматриваемых в данном исследовании агломераций на территории ЕСР определялся нами исходя из наличия ядра агломерации с численностью населения не менее 100 тыс. чел., а также 1,5–2-часовой временной доступности окраин относительно центра агломерации.

В табл. 3 представлен рейтинг крупных и крупнейших агломераций в России и агломераций на территории ЕСР по численности населения.

Можно сделать вывод о крайне неравномерном развитии экономического пространства: большинство агломераций расположено в центральной полосе расселения; лишь 10 агломераций относятся к Азиатской части России; в Северо-Западном федеральном округе присутствует лишь одна такая

Таблица 2. Перечень и состав агломераций на территории Европейского Севера России

Наименование агломерации	Перечень муниципальных образований, входящих в состав агломерации
Апатитская (Апатиты-Кировск-Мончегорск)	Городской округ г. Апатиты, Городской округ г. Кировск, Городской округ г. Мончегорск, Городской округ г. Оленегорск, Городской округ г. Полярные Зори
Архангельская	Городской округ «Архангельск», Городской округ «Новодвинск», Городской округ «Северодвинск», Приморский муниципальный район
Вологодская	Городской округ «Город Вологда», Вологодский, Грязовецкий, Сокольский муниципальные районы
Воркутинская	Городской округ Воркута
Котласская	Городской округ «Котлас», Городской округ «Коряжма», Котласский муниципальный район
Мурманская	Городской округ г. Мурманск, Городской округ Александровск, Городской округ п. Видяево, Городской округ г. Североморск, Кольский муниципальный район
Петрозаводская	Городской округ г. Петрозаводск, Кондопожский, Прионежский, Пряжинский муниципальные районы
Сыктывкарская	Городской округ Сыктывкар, Кортекросский, Сыктывдинский, Сысольский муниципальные районы
Ухтинская	Городской округ Ухта, Муниципальный район Сосногорск
Череповецкая	Городской округ «Город Череповец», Кадуйский, Череповецкий, Шекснинский муниципальные районы

агломерация (Санкт-Петербургская). 22 агломерации из 40 имеют численность населения свыше 1 млн чел. Московская агломерация опережает вторую по численности населения агломерацию в 3 раза. На территории Европейского Севера России численность населения лишь одной агломерации (Архангельской) превышает 500 тыс. чел. Численность населения 8 агломераций составляет от 131 до 455 тыс. чел., что свидетельствует об эффективности и возможности формирования и развития данных агломераций. В Воркутинской агломерации в советский период численность населения составила более 200 тыс. чел., а в новых рыночных условиях в связи с разрушением производственной базы она сократилась очень существенно, полностью остался без жителей ряд населенных пунктов. Поэтому в настоящее время лишь условно можно говорить о существовании Воркутинской агломерации, а больше просто о скоплении ряда городских населенных пунктов.

Типология агломераций по коэффициенту развитости агломерации позволяет сделать вывод о том, что в России наиболее развитыми являются лишь 2 агломерации (Московская и Санкт-Петербургская; табл. 4); 5 агломераций (Екатеринбургская, Нижегородская, Ростовская, Самаро-Тольяттинская

и Тульская) относятся к сильно развитым, 7 агломераций – к развитым. Вместе с тем большинство (17 из 40) агломераций страны относятся к категории наименее развитых. Это объяснимо как огромной площадью территории страны, исторически сложившимся дисперсным характером расселения населения, так и слабым развитием городской поселенческой сети.

На территории ЕСП одна агломерация (Мурманская) относится к категории слабо развитых, остальные 9 агломераций – к наименее развитым (формирующимся, перспективным).

Что касается рейтинга агломераций России по их экономической мощности, то наибольшее значение показателя коэффициента гравитации отмечается (без учета Московской и Санкт-Петербургской агломераций) в Тюменской и Пермской агломерациях (33,5 и 28,5 млрд руб. соответственно; табл. 5). В большинстве (18 из 40) агломераций значения данного показателя не превышают 5 млрд руб.

На Европейском Севере России наиболее развитыми в экономическом плане являются Череповецкая и Ухтинская агломерации, сопоставимые по данному показателю с агломерациями, входящими в первую двадцать

Таблица 3. Рейтинг городских агломераций России по численности населения

Место и наименование агломерации	Численность населения на конец 2016 года, тыс. чел.	Место и наименование агломерации	Численность населения на конец 2016 года, тыс. чел.
1. Московская*	20627,1	26. Барнаульская (Алтайский край)	891,3
2. Санкт-Петербургская	6576,3	27. Ярославская	871,5
3. Самарская (Самаро-Тольяттинская)	2534,7	28. Ставропольская	862,0
4. Екатеринбургская	2528,3	29. Владивостокская	812,7
5. Ростовская	2525,6	30. Чебоксарская (Чувашия)	810,3
6. Нижегородская	2209,1	31. Астраханская	801,2
7. Новосибирская	2110,0	32. Ульяновская	793,0
8. Челябинская	1782,7	33. Томская	781,8
9. Казанская	1679,8	34. Кировская	748,4
10. Волгоградская	1592,3	35. Оренбургская	730,1
11. Уфимская	1512,8	36. Хабаровская	707,1
12. Омская	1431,2	37. Кемеровская	696,9
13. Краснодарская	1351,0	38. Пензенская	696,4
14. Воронежская	1308,2	39. Липецкая	665,6
15. Махачкалинская	1264,5	40. Рязанская	632,3
16. Саратовская	1247,6	Архангельская	608,0
17. Красноярская	1246,3	Вологодская	455,0
18. Пермская	1239,3	Мурманская	450,7
19. Тульская	1127,9	Череповецкая	408,4
20. Камская (Набережно-челнинская)	1107,8	Петрозаводская	352,3
21. Новокузнецкая	1048,4	Сыктывкарская	316,2
22. Иркутская	1046,9	Апатиты-Кировск-Мончегорск	178,0
23. Ижевская (Удмуртия)	996,1	Ухтинская	163,0
24. Кавказские Минеральные Воды (Пятигорская)	954,6	Котласская	131,2
25. Тюменская	902,5	Воркутинская	80,1

* Если рассматривать в составе Московской агломерации только г. Москву и муниципалитеты Московской области, то численность населения данной агломерации составит 19572,5 тыс. чел.
Здесь и в таблицах 4–6 рассчитано по: База данных показателей муниципальных образований / Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm

цатку крупнейших и крупных агломераций России. Наименьшее значение данного показателя отмечается в Котласской агломерации, что во многом объяснимо тем, что она является одной из самых малонаселенных агломераций.

Лидерами по объему отгрузки товаров, услуг в расчете на 1 жителя являются (без учета Московской и Санкт-Петербургской агломераций) 4 агломерации (Камская, Ли-

пецкая, Новокузнецкая), центрами которых являются города-лидеры в стране по развитию металлургического и машиностроительных производств. Наименьшее значение данного показателя достигнуто в 2 кавказских агломерациях: Пятигорской (112 тыс. руб.; табл. 6) и Махачкалинской (54,7 тыс. руб.).

По показателю объема отгрузки продукции на душу населения среди всех агломе-

Таблица 4. Рейтинг городских агломераций России по коэффициенту развитости агломерации

Место и наименование агломерации	Коэффициент развитости агломерации	Место и наименование агломерации	Коэффициент развитости агломерации
1. Московская*	1658,69	26. Уфимская	2,32
2. Санкт-Петербургская	122,34	27. Пермская	2,23
3. Екатеринбургская	36,86	28. Кемеровская	1,90
4. Нижегородская	23,54	29. Астраханская	1,74
5. Ростовская	19,49	30. Тюменская	1,57
6. Самарская (Самаро-Тольяттинская)	16,54	31. Омская	1,47
7. Тульская	10,01	32. Владивостокская	1,45
8. Челябинская	9,10	33. Ульяновская	1,45
9. Казанская	8,58	34. Барнаульская (Алтайский край)	1,45
10. Новосибирская	8,03	35. Томская	1,36
11. Волгоградская	7,38	36. Пензенская	1,18
12. Махачкалинская	5,89	37. Липецкая	1,11
13. Новокузнецкая	5,67	38. Рязанская	1,11
14. Камская (Набережно-челнинская)	5,58	39. Хабаровская	0,62
15. Кавказские Минеральные Воды (Пятигорская)	4,38	40. Оренбургская	0,56
16. Ярославская	3,84	Мурманская	2,65
17. Красноярская	3,52	Архангельская	1,72
18. Ижевская (Удмуртия)	3,41	Вологодская	1,50
19. Воронежская	3,40	Апатиты-Кировск-Мончегорск	0,81
20. Иркутская	2,83	Петрозаводская	0,62
21. Ставропольская	2,75	Ухтинская	0,43
22. Кировская	2,74	Череповецкая	0,42
23. Чебоксарская (Чувашия)	2,55	Котласская	0,36
24. Краснодарская	2,46	Сыктывкарская	0,29
25. Саратовская	2,46	Воркутинская	0,17

* Если рассматривать в составе Московской агломерации только г. Москву и муниципалитеты Московской области, то коэффициент развитости агломерации составит 1247,6.

Исходя из значения данного коэффициента определяется класс развитости агломерации: более 50 – наиболее развитые; от 10 до 50 – сильно развитые; от 5 до 10 – развитые; от 2,5 до 5 – слаборазвитые; менее 2,5 – наименее развитые.

раций России (за исключением Московской и Санкт-Петербургской) лидируют три агломерации, расположенные на территории ЕСР (Ухтинская, Череповецкая и «Апатиты-Кировск-Мончегорск»). Менее развитыми агломерациями на территории ЕСР являются Вологодская и Петрозаводская в связи с относительно невысоким уровнем развития крупного и капиталоемкого промышленного производства в городах-ядрах данных

агломераций и выполнением ими преимущественно административных, логистических, рекреационных функций в экономике региона.

Результаты проведенного анализа свидетельствуют о необходимости более детального количественного и качественного (в том числе на основе проведения опросов населения и глав муниципальных образований) исследования различных параметров

Таблица 5. Рейтинг городских агломераций России по показателю гравитации (экономической мощности) агломерации

Место и наименование агломерации	Показатель мощности взаимодействия, млн руб. / км	Место и наименование агломерации	Показатель мощности взаимодействия, млн руб. / км
1. Московская	–*	26. Красноярская	3341,3
2. Санкт-Петербургская	–*	27. Воронежская	3137,2
3. Тюменская	33463,2	28. Ростовская	2943,1
4. Пермская	28509,0	29. Казанская	2763,1
5. Омская	18807,2	30. Ижевская (Удмуртия)	2170,9
6. Липецкая	16649,1	31. Тульская	2002,2
7. Новосибирская	14894,8	32. Барнаульская (Алтайский край)	1776,8
8. Оренбургская	14693,1	33. Ставропольская	1582,5
9. Уфимская	14251,0	34. Астраханская	1258,2
10. Саратовская	13784,1	35. Владивостокская	1236,6
11. Рязанская	12312,0	36. Кировская	1097,4
12. Кемеровская	12172,7	37. Кавказские Минеральные Воды (Пятигорская)	741,5
13. Новокузнецкая	11082,6	38. Махачкалинская	444,4
14. Самарская (Самаро-Тольяттинская)	9433,3	Хабаровская	–**
15. Волгоградская	8830,2	Томская	–**
16. Иркутская	8488,8	Череповецкая	8061,6
17. Камская (Набережно-челнинская)	7513,2	Ухтинская	5202,6
18. Пензенская	7403,6	Мурманская	4782,8
19. Ярославская	6277,7	Вологодская	3713,6
20. Екатеринбургская	5922,6	Архангельская	2524,7
21. Нижегородская	5708,9	Апатиты-Кировск-Мончегорск	2210,4
22. Чебоксарская (Чувашия)	4081,9	Петрозаводская	2052,9
23. Челябинская	3919,6	Сыктывкарская	1687,9
24. Ульяновская	3606,2	Котласская	867,9
25. Краснодарская	3388,2	Воркутинская	–**

* По Московской и Санкт-Петербургской агломерациям данный показатель не рассчитывался в связи со сложностью выбора показателя расстояния между ядром агломерации и муниципалитетами, входящими в нее, и «размытостью» границ самой агломерации. Вместе с тем можно предположить, что данные агломерации могут быть лидерами в России по данному показателю, так как в них сконцентрирован наибольший объем производства и достаточно развита сеть городских населенных пунктов, расположенных близко друг к другу.

** По Хабаровской и Томской агломерациям показатель не рассчитывался, так как в состав данных агломераций входит всего по 3 муниципалитета (в состав Томской агломерации также входит ЗАТО «Северск», по которому отсутствует статистическая информация по большинству показателей), что не позволяет достоверно рассчитать коэффициент гравитации в среднем по агломерации. По Воркутинской агломерации расчеты также не проводились, в связи с тем что в ее состав входит только одно муниципальное образование – городской округ город Воркута.

развития каждой агломерации, а также разработки научно обоснованных рекомендаций по управлению формированием и развитием агломераций, ядром которых являются средние, большие и крупные города.

При этом важное значение в обеспечении сбалансированного пространственного развития страны объективно могут и должны играть не только 41 обозначенная в Стратегии пространственного развития Рос-

Таблица 6. Рейтинг городских агломераций России по объему отгрузки товаров и услуг

Место и наименование агломерации	Среднедушевой объем отгрузки продукции, тыс. руб.	Место и наименование агломерации	Среднедушевой объем отгрузки продукции, тыс. руб.
1. Московская	.*	26. Оренбургская	360,1
2. Санкт-Петербургская	.*	27. Хабаровская	350,6
3. Камская (Набережно-челнинская)	941,6	28. Ульяновская	349,5
4. Липецкая	920,5	29. Владивостокская	331,9
5. Новокузнецкая	866,1	30. Воронежская	317,1
6. Уфимская	762,6	31. Новосибирская	316,3
7. Тюменская	724,6	32. Саратовская	315,1
8. Пермская	662,0	33. Ростовская	298,4
9. Омская	647,5	34. Кировская	296,9
10. Екатеринбургская	643,8	35. Ставропольская	294,4
11. Нижегородская	599,5	36. Пензенская	257,7
12. Волгоградская	546,8	37. Чебоксарская (Чувашия)	214,2
13. Самарская (Самаро-Тольяттинская)	523,9	38. Барнаульская (Алтайский край)	207,6
14. Красноярская	496,8	39. Кавказские Минеральные Воды (Пятигорская)	112,0
15. Челябинская	457,9	40. Махачкалинская	54,7
16. Рязанская	456,4	Ухтинская	1836,9
17. Иркутская	455,8	Череповецкая	1266,5
18. Астраханская	428,5	Апатиты-Кировск-Мончегорск	947,9
19. Краснодарская	422,7	Воркутинская	906,6
20. Казанская	420,6	Мурманская	504,0
21. Томская	415,5	Котласская	476,3
22. Ижевская (Удмуртия)	393,2	Сыктывкарская	409,7
23. Тульская	391,3	Архангельская	302,2
24. Кемеровская	385,7	Вологодская	282,6
25. Ярославская	360,3	Петрозаводская	250,9

* По Московской и Санкт-Петербургской агломерациям данный показатель не рассчитывался в связи со сложностью выбора показателя расстояния между ядром агломерации и муниципалитетами, входящими в нее, и «размытостью» границ самой агломерации. Вместе с тем можно предположить, что данные агломерации могут быть лидерами в России по данному показателю, так как в них сконцентрирован наибольший объем производства.

сийской Федерации на период до 2025 года крупная и крупнейшая городская агломерация (включают один или несколько соседних городских населенных пунктов, «ядро» с общей численностью населения более 500 тыс. чел. и иные населенные пункты), но и другие объективно формирующиеся агломерации.

Важной задачей является также разработка механизма (системы) управления формированием и развитием городских агломераций. В настоящее время в миро-

вой практике сложились 4 основные модели управления развитием агломераций:

1) одноуровневая модель – создание единого муниципального образования, охватывающего всю территорию агломерации, в результате слияния самостоятельных муниципальных образований либо включения в состав городского муниципалитета прилегающих земель;

2) «договорная» модель – муниципальные образования договариваются на основе

заключаемых договоров о согласовании общей стратегии развития, сотрудничестве в реализации инфраструктурных проектов и оказании услуг отдельными самостоятельными муниципальными образованиями на территории агломерации;

3) двухуровневая модель – формирование органа управления агломерационного уровня наряду с сохранением муниципалитетов нижних уровней (существующие муниципальные образования передают на верхний, агломерационный уровень часть своих полномочий, однако продолжают самостоятельно решать остающуюся у них часть вопросов местного значения);

4) модель регионального управления – вместо создания дополнительных муниципальных структур функции по координации деятельности в рамках крупных мегаполисов может брать на себя орган власти субъекта федерации (провинции, штата и т. п.)⁴.

В ряде субъектов РФ заключены соглашения между муниципалитетами по совместному развитию агломераций (например, в Новосибирской агломерации), установлены и утверждены границы агломераций, приняты стратегии и программы их развития, разработаны проекты, сформированы соответствующие координационные органы управления агломерациями.

Для начала целенаправленного управления процессами формирования и развития агломерации целесообразно реализовать следующие мероприятия:

1) подписать соглашение о намерении создания агломерации, соглашение о создании и совместном развитии агломерации между муниципалитетами, входящими в агломерацию;

2) сформировать Координационный совет по развитию агломерации;

3) разработать совместные агломерационные, межмуниципальные проекты, которые в дальнейшем могут быть заявлены в федеральные или региональные проекты по разви-

⁴ Развитие городских агломераций: аналитический обзор. Вып. 2 / Министерство регионального развития Российской Федерации; ОАО «Российский институт градостроительства и инвестиционного развития. М., 2014. 71 с.

тию агломераций. Наиболее приоритетными направлениями для данных проектов могут быть следующие: проведение единой градостроительной политики, согласованное развитие транспортной инфраструктуры в муниципалитетах агломерации; развитие торговли и формирование единого рынка сбыта продукции; развитие культуры, туризма и рекреации; совместное использование и развитие коммунальной инфраструктуры на территории агломерации, в том числе путем учреждения межмуниципальных организаций; создание транспортно-логистического узла на территории агломерации; обмен опытом по решению вопросов и проблем местного значения и др. Инициаторами и ответственными за реализацию данных мероприятий должны стать органы местного самоуправления города-ядра агломерации и районов, входящих в агломерацию, при активном участии органов государственной власти субъекта РФ [20].

Вместе с тем реализация данных направлений сдерживается неурегулированностью вопросов развития агломераций на федеральном уровне. В связи с этим, на наш взгляд, в первую очередь необходимо внести соответствующие изменения в законодательство, предусматривающие закрепление модели управления развитием агломераций в России; принятие Федерального закона «О межмуниципальном сотрудничестве» или «О межмуниципальном хозяйственном сотрудничестве» и/или внесение соответствующих изменений в Федеральный закон от 06.10.2003 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», Бюджетный кодекс Российской Федерации (№ 145-ФЗ от 31.07.1998), Градостроительный кодекс Российской Федерации (№ 190-ФЗ от 29.12.2004) и иные нормативно-правовые акты, предусматривающих в том числе возможность совместного финансирования различными муниципальными образованиями (в том числе муниципалитетами разных субъектов РФ⁵) расходов

⁵ О возможности, необходимости и проблемах развития трансграничных агломераций (агломераций, в состав которых входят территории разных субъектов РФ) говорится, например, в статье д-ра экон. наук, профессора Р.Ф. Гатаулина [21].

по реализации мероприятий, проектов, направленных на совместное развитие данных территорий, формирование единой инфраструктуры и т. д., проведения единой градостроительной, инфраструктурной, социальной политики.

Реализация этих направлений создаст благоприятные условия для дальнейшего развития агломераций, а соответственно, повышения уровня и темпов социально-экономического развития данных территорий, о чем ярко свидетельствует успешный мировой и отечественный опыт развития агломераций.

Предложенный в данной статье подход к типологии и оценке развитости агломе-

раций отчасти носит полемический характер, открывая возможности для дальнейших дискуссий по рассматриваемой проблематике. Таким образом, вклад исследования, результаты которого представлены в данной статье, в развитие теоретической науки заключается в совершенствовании методического инструментария развития агломераций путем необходимости учета потенциала экономического взаимодействия между ними, а вклад в развитие прикладной науки – в обосновании конкретных рекомендаций по совершенствованию управления развитием агломераций в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волчкова И.В., Минаев Н.В. Теория и практика управления развитием агломераций: монография. Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2014. 234 с.
2. Лаппо Г., Полян П., Селиванова Т. Агломерации России в XXI веке // Вестн. Фонда регион. развития Иркутской области. 2007. № 1. С. 45–52.
3. Лола А.М. Городское и агломерационное управление в России: состояние и что делать. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. 292 с.
4. Мищенко В.В., Мищенко И.В. Городские агломерации: формирование и перспективы развития (на примере Барнаульской агломерации) // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. № 5. С. 68–79.
5. Швецов А.Н. Управление городскими агломерациями: организационно-правовые варианты // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 1. С. 19–30.
6. Лаппо Г.М. Города России. Взгляд географа. М.: Новый хронограф, 2012. 504 с.
7. Социально-экономические проблемы локальных территорий: монография / Т.В. Ускова [и др.]. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 196 с.
8. Kauffmann A. *Das Städtensystem der Russischen Föderation aus Sicht der Neuen Ökonomischen Geographie*. Potsdam: Universitätsverlag Potsdam, 2010. 226 s.
9. Kauffmann A. Delineation of City Regions Based on Commuting Interrelations: The Example of Large Cities in Germany. *IWH-Diskussionspapiere*, 2010, no. 4, pp. 1–31.
10. Uchida H., Nelson A. Agglomeration index: Towards a new measure of urban concentration. *World Institute for Development Economics Research. Working paper*, 2010, no. 29. 18 p. Available at: <https://www.wider.unu.edu/sites/default/files/wp2010-29.pdf>
11. Pütz T. Empirische Zusammenschau der europäischen Metropolregionen in Deutschland. *Informationen zur Raumentwicklung*, 2016, h. 5, pp. 543–553. Available at: http://www.bbsr.bund.de/BBSR/DE/Veroeffentlichungen/IzR/2016/5/Inhalt/downloads/izr-5-2016-komplett-dl.pdf?__blob=publicationFile&v=2
12. Prakash M., Teksoz K., Espey J., Sachs J., Shank M., Schmidt-Traub G. *Achieving A Sustainable Urban America. The U.S. Cities Sustainable Development Goals Index 2017*. Available at: <http://unsdsn.org/wp-content/uploads/2017/08/US-Cities-SDG-Index-2017.pdf>

13. Rigatti D. *Measuring Conurbation. Proceedings of the 7th International Space Syntax Symposium*. Edited by Daniel Koch, Lars Marcus and Jesper Steen. Stockholm: KTH, 2009. Available at: http://www.sss7.org/Proceedings/05%20Spatial%20Morphology%20and%20Urban%20Growth/093_Rigatti.pdf
14. Пузанов А., Попов Р. Подходы к оценке развитости городских агломераций. М.: Институт экономики города, 2017. 32 с. URL: http://www.urbanecomics.ru/sites/default/files/iue_press.pdf (дата обращения 30.05.2019).
15. Оценка интенсивности социально-экономических взаимодействий на территории агломерации в аспекте связанности социально-экономического пространства / И.В. Волчкова [и др.] // Вопросы управления. 2016. № 4 (41). С. 182–195.
16. Гринчель Б.М., Антонова А.А. Измерение динамики агломерационных процессов в региональной экономике // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 5 (23). С. 79–90.
17. Козлова О.А., Макарова М.Н. Методический инструментарий оценки влияния пространственной локализации на миграционные процессы в регионе // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=14513> (дата обращения 30.05.2019).
18. Миргородская Е.О. Оценка территориально-экономической связанности городов в агломерации (на примере Большого Ростова) // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 3 «Экономика. Экология». 2017. № 4 (41). С. 6–20.
19. Ворошилов Н.В. Актуальные вопросы развития агломераций в России // Журн. экон. исслед. 2018. Т. 4. № 9. С. 19–31.
20. Кожевников С.А., Ворошилов Н.В. Предпосылки развития Вологодской агломерации // Изв. высш. учеб. заведений. Сер. «Экономика, финансы и управление производством». 2018. № 2 (36). С. 11–19.
21. Гатауллин Р.Ф. Трансграничные агломерации в социально-экономическом развитии регионов // Урбанистика. 2018. № 3. С. 114–122. DOI: 10.7256/2310-8673.2018.3.27559

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ворошилов Николай Владимирович – кандидат экономических наук, научный сотрудник отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: niks789@yandex.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-10.

Voroshilov N.V.

APPROACHES TO ASSESSING THE DEVELOPMENT OF AGGLOMERATIONS IN RUSSIA

The purpose of the article is to analyze the main parameters of development of large and major agglomerations in Russia, as well as agglomerations in the European North of Russia. To achieve this goal, we used research methods such as economic, statistical and comparative analysis, methods of analysis, synthesis, and generalization, monographic method. The research novelty lies in improving

the tools for assessing the development of agglomerations by taking into account the economic component (calculation of the gravity coefficient characterizing the potential of economic interaction between municipalities included in the agglomeration); substantiating the list and composition of agglomerations in the European North of Russia. The analysis shows that currently in Russia there is no clear understanding of the number and composition of existing and emerging agglomerations in the country; most of large and major agglomerations are located in the central settlement zone, only 10 agglomerations belong to the Asian part of Russia. In Russia, the most developed are only 2 agglomerations (Moscow and Saint Petersburg), the majority of agglomerations (17 of 40) in the country belong to the category of least developed; the highest value of the gravity coefficient is noted (excluding Moscow and Saint Petersburg agglomerations) in Tyumen and Perm agglomerations (33.5 and 28.5 bln RUB/km), in most (18 of 40) agglomerations – it exceeds 5 bln RUB; in the European North of Russia, the most economically developed are Cherepovets and Ukhta agglomerations, comparable in this indicator to the agglomerations included in the top 20 large and major agglomerations of the country. It is proved that all objectively existing and emerging agglomerations should become a priority of spatial development of Russia and its entities. The research results can be used in activities of federal and regional authorities, as well as serve as a basis for further research into this area.

Agglomerations, methods of assessment, socio-economic development, European North of Russia, subject of the Russian Federation.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Voroshilov Nikolai Vladimirovich – Ph.D. in Economics, Research Associate at the Department for Issues of Socio-Economic Development and Management in Territorial Systems. Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: niks789@yandex.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

DOI: 10.15838/ptd.2019.4.102.3

УДК 338.43(470.13-22) | ББК 65.32(231)

© Иванов В.А.

ОСОБЕННОСТИ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ СЕЛА И ЭКОНОМИКИ СЕЛЬСКОЙ ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОГО РЕГИОНА

ИВАНОВ ВАЛЕНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук
Россия, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26
E-mail: ivanova@iespn.komisc.ru
ORCID: 0000-0001-9184-6172; ResearcherID: J-8136-2018

Жизнедеятельность села обеспечивается не только за счет функционирования аграрного сектора, но и на основе создания условий и разработки эффективных механизмов развития экономики сельской территории. Экономика сельской территории как система отраслей и видов экономической деятельности, функционирующая на природных ресурсах, является основой повышения уровня жизни населения сельской местности и ее устойчивого развития. В статье рассмотрено содержание понятий, составляющих систему экономики сельской территории и сельского развития. Показана многофункциональная роль села как самобытной социально-территориальной системы. Исследованы отрасли и виды деятельности, составляющие систему экономики сельской территории. Из всего многообразия действующих на уровень, темпы и эффективность сельских хозяйствующих субъектов выделены факторы и условия. Выявлены особенности и отличительные черты экономики сельской территории Республики Коми. Показаны проблемы северного села, заключающиеся в низком уровне доходов сельских жителей, неразвитости инфраструктуры, оттоке трудоспособного населения. Исследовано влияние демографической ситуации на развитие села и экономики сельской территории. Дан анализ состояния сельской инфраструктуры. Установлено, что в процессе рыночной трансформации ухудшилась социально-экономическая ситуация в сельской местности. Результаты и последствия рыночных преобразований для северного села оцениваются как отрицательные. Предложены направления развития экономики сельской территории, связанные с ее инновационной модернизацией и диверсификацией, усилением роли государства в управлении политикой сельского развития.

Для цитирования Иванов В.А. Особенности и направления развития села и экономики сельской территории северного региона // Проблемы развития территории. 2019. № 4 (102). С. 55–71. DOI: 10.15838/ptd.2019.4.102.3

For citation: Ivanov V.A. Features and areas of village and rural economy development in the Northern region. *Problems of Territory's Development*, 2019, no. 4 (102), pp. 55–71. DOI: 10.15838/ptd.2019.4.102.3

Результаты исследования могут быть использованы при разработке долгосрочной программы комплексного развития села и экономики сельской территории Республики Коми.

Экономика сельской территории, сельская местность, сельское развитие, особенности и условия развития экономики сельской территории, демографические показатели, инфраструктура, направления развития, Республика Коми.

Введение

Сельское развитие и экономика сельской территории до последнего времени не являлись объектом комплексных междисциплинарных научных исследований. На протяжении длительного периода основное внимание как в стране, так и на территориях с неблагоприятными условиями аграрного производства уделялось вопросам функционирования агропродовольственных рынков, продовольственной безопасности, трансформации аграрного сектора в ходе рыночных реформ, развитию отдельных отраслей экономики сельской территории на инновационной основе, государственному регулированию АПК [1–7].

Подход, основанный на аграрном развитии села, регулировании продовольственных рынков и финансовой поддержке сельских товаропроизводителей, привел к нерациональному размещению производительных сил, низкому использованию высокого потенциала сельских территорий, неразвитости инженерной, социальной и рыночной инфраструктуры. Отраслевая политика оказалась малоэффективной, не способной решать многогранные проблемы сельских жителей и привела к глубокому кризису села. Сегодня сельская местность северных территорий характеризуется неразвитой инфраструктурой, низким уровнем и качеством жизни. Она отстала в технологическом, социально-экономическом и культурном плане от урбанизированной местности, отличается высокой внутрирегиональной дифференциацией по уровню социально-экономического развития. Северное село неспособно выполнять ряд важных народнохозяйственных функций (производственная, социально-демографическая, экологическая).

Существуют различные подходы к преодолению отставания сельских территорий от урбанизированных центров. Одним из

путей разрешения этого противоречия является замена отраслевого подхода новой политикой устойчивого сельского развития. Сейчас в развитых странах устойчивое развитие сельской местности является одной из главных целей региональной политики, которая тесно связана и согласуется с пространственным развитием. В Европе накоплен многолетний опыт подготовки национальных и региональных программ сельского развития [8–11]. В качестве мер поддержки сельских территорий предусмотрено развитие образования, транспортной и информационно-коммуникационной инфраструктуры и улучшение доступа к социальным услугам.

Наиболее полную и целостную картину моделей и концепций развития сельских территорий в Западной Европе, реализации этой политики с помощью инструментов государственной поддержки за период 1970–2013 гг. выполнил Ф. Мантино [12].

В России сделаны практические шаги по развитию сельских территорий: приняты Концепция устойчивого развития сельских территорий на период до 2020 года; Стратегия устойчивого развития сельских территорий на период до 2030 года; разрабатываются региональные программы устойчивого развития сельских территорий. Однако эти документы проблемы устойчивого развития сельских территорий решают не комплексно, в них объемы финансовых ресурсов не соответствуют заявленным целям и результатам, не разработаны механизмы обеспечения занятости и повышения доходов сельского населения, мало уделяется внимания участию сельских жителей в реализации мероприятий.

Экономика сельской территории представляет несбалансированную сферу с преобладанием сельского и лесного хозяйства. Невысокая доходность, значительная доля

убыточных организаций этих отраслей обрекают сельских жителей на низкие стандарты жизни.

Целью данной статьи является исследование специфики и проблем развития северного села и экономики сельской территории и подходов к их решению на примере Республики Коми.

Содержание понятий «экономика сельской территории», «село», «сельская местность», «сельское развитие»

В экономической литературе наиболее полное определение понятия «экономика сельской территории» дано С.В. Киселевым. По его мнению, «экономика села – это система отраслей и видов деятельности, включающая в себя кроме сельского и лесного хозяйства добывающие и перерабатывающие отрасли промышленности, сферу услуг, функционирующие в сельской местности, а также инфраструктуру» [13, с. 19].

Д.А. Сюсюра сельскую экономику рассматривает с четырех позиций: структурного подхода, процессного, системного, функционального подхода. Сельская экономика с позиции структурного подхода представляет собой совокупность субъектов разнообразных видов хозяйственной деятельности по использованию естественных и приобретенных ресурсов и возможностей сельской территории, с позиции процессного подхода – искусство целенаправленного и гармоничного (сбалансированного) использования естественных и приобретенных ресурсов и возможностей сельской территории для обеспечения жизнедеятельности населения (человека). С позиции системного подхода это

открытая экономическая система, включающая подсистемы ресурсов и возможностей сельской территории, а также подсистему управления их использованием, с позиции функционального подхода – экономические отношения в сельской местности по удовлетворению запросов, формируемых социально-экономической и природной средой [14, с. 29].

Схематично отрасли и виды деятельности экономики сельской территории представлены на *рис. 1*.

Отличительной особенностью экономики сельской территории является то, что ее отрасли (сельское и лесное хозяйство, охота, рыболовство и сбор дикоросов, добыча сырья) функционируют на использовании природных ресурсов. От количества и качества природных ресурсов, эффективности их использования зависят темпы и уровень развития экономики сельской территории.

С экономикой сельской территории тесно связаны такие понятия как «село», «деревня», «сельская местность», «сельское развитие», «устойчивое развитие сельских территорий».

В настоящее время понятие «село» и «деревня» рассматривают как синонимы. Село является сферой, в которой структура и формы концентрации производства, организация жизнедеятельности, условий жизни, расселения населения стали обеспечивать преимущественно реализацию прямых производственных взаимосвязей общества с природой, т. е. ведение земледелия, использование и восстановление потенциала живой природы [15].

Северная деревня имеет свою специфику: размещение поселений в окружении лесов, вдоль рек и озер; сферы приложения

Рис. 1. Отрасли и виды деятельности экономики сельской территории

труда – сельское и лесное хозяйство, занятие охотой и рыболовством; малые размеры поселений, слабая развитость сети дорожно-транспортных связей с городами и сельскими поселениями, невысокий уровень социального культурно-бытового обслуживания; более низкая средняя продолжительность жизни, высокие степень безработицы и сезонность сельскохозяйственного и лесозаготовительного производства и связанная с этим неравномерность трудовой занятости; тяжелые условия труда.

Для сельского образа жизни характерны преимущественная занятость в отраслях сельского и лесного хозяйства с низкой доходностью и личном подсобном хозяйстве с преобладанием ручного труда, большая трудоемкость быта, незначительный объем потребления общественных услуг, бедность, малая продолжительность жизни и старение населения, неразвитость инфраструктуры и социальной сферы, меньшая трудовая мобильность, обезлюдение сельских поселений.

В.В. Пациорковский выделяет следующие черты сельской жизни: село, благодаря высокой рождаемости, является базисом демографического развития; село – надежный хранитель культурного наследия и традиционных знаний, выступающих новым ресурсом экономики; домохозяйство – основа сельской жизни, устойчивый источник предпринимательства как главного фактора рыночных отношений; многопоколенная сельская семья – адекватная модель правильных социальных отношений [16]. Соглашаясь с утверждением автора о роли сельской местности для демографического развития страны, отметим, что в настоящее время северное село, как будет показано далее, не выполняет важнейшей народнохозяйственной функции – социально-демографической.

Под сельской местностью принято понимать обитаемую территорию вне городов с совокупностью природных условий и ресурсов. Понятие «сельский» имеет территориальный аспект и не зависит от какого-либо вида деятельности.

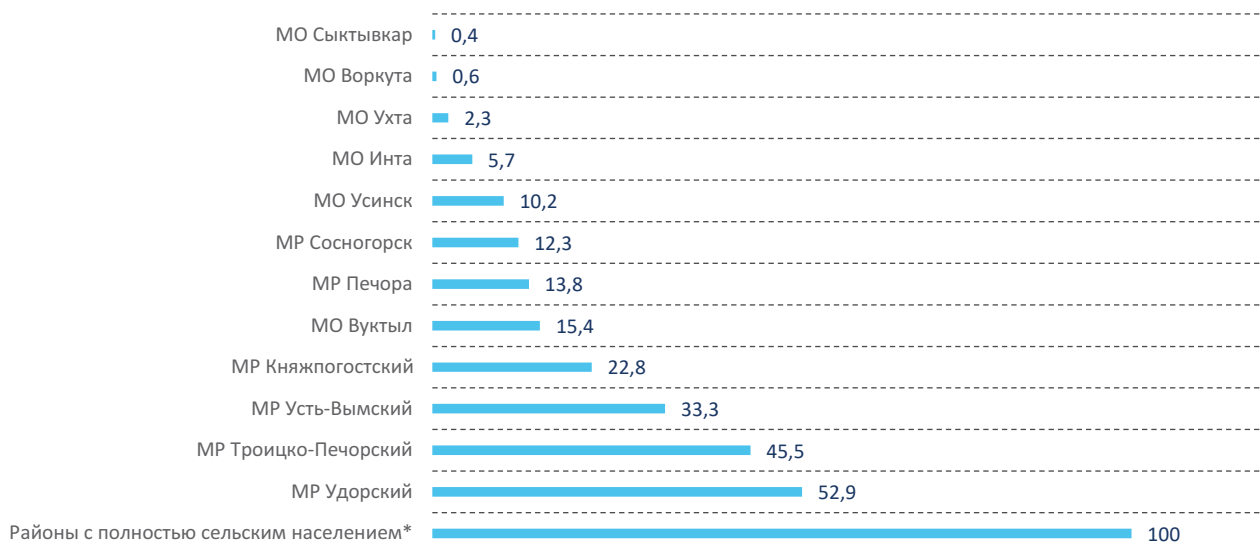
Село, сельская местность выполняют многообразные народнохозяйственные функции. Т.И. Заславская выделяла пять функций села: демографическая, расселенческая, производственно-трудовая, экономическая и собственно социальная (в узком смысле) [16]. В настоящее время в научных исследованиях называют следующие функции села: производственную, социально-демографическую, культурную, природоохранную, рекреационную, пространственно-коммуникационную, социального контроля, политическую [17, с. 20; 18, с. 16–17].

Существуют различные подходы к классификации сельских территорий. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), используя экономико-географический подход, подразделяет сельские территории на внутригородские, пригородные и отдаленные (периферийные) [19].

В Республике Коми к сельским районам, расположенным недалеко от столицы республики, относятся Сыктывдинский, Корткеросский и Сысольский. К удаленным (периферийным) районам со слабо развитой инженерной инфраструктурой можно отнести Койгородский, Усть-Куломский, Троицко-Печорский, Удорский, Ижемский и Усть-Цилемский муниципальные образования.

В развитых странах для классификации сельской местности используется также демографический подход, основанный на характеристиках плотности населения и его численности [13, с. 12]. В Республике Коми доля сельского населения в общей численности населения по муниципалитетам представлена на *рис. 2*.

Понятие «сельское развитие» распространение получило недавно. В Западной Европе концепция сельского развития применяется с 1970-х гг. и постоянно эволюционирует. Франческо Мантино выделяет три концепции сельского развития. Первая концепция идентифицирует сельское развитие с модернизацией сельского хозяйства и агропродовольственного комплекса. Вторая – связывает сельское развитие исключительно с сокращением различий между наиболее отсталыми сельскими районами и остальными от-

Рис. 2. Распределение муниципальных образований Республики Коми по доле сельского населения в 2016 году, %

* К районам со 100%-й численностью населения относятся Ижемский, Койгородский, Корткеросский, Прилузский, Сыктывдинский, Сысольский, Усть-Куломский, Усть-Цилемский.
Составлено по: Демографический ежегодник Республики Коми. 2017: ст. сб. / Комистат. Сыктывкар, 2017. С. 14.

раслями экономики (концепция сближения). Третья концепция идентифицирует сельское развитие с развитием сельских районов в целом путем использования всех ресурсов, имеющихся в данном районе (человеческих, физических, природных, ландшафтных и пр.), и интеграции всех компонентов и отраслей на местном уровне [12, с. 15]. Эта концепция развития не исходит из отраслевых интересов, не рассматривает аграрный сектор в качестве единственного и основного в сельском развитии.

В социально-экономических исследованиях за последние десятилетия сформировалось новое научное направление – устойчивое развитие. Сейчас нет устоявшегося определения понятия «устойчивое развитие». В Федеральном законе «О развитии сельского хозяйства» (2006 год), «Концепции устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года» (2010 год), «Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года» (2015 год) устойчивое развитие сельских территорий связано с увеличением объемов производства аграрной продукции, повышением

эффективности сельского хозяйства, решением проблем занятости сельского населения и ростом уровня его жизни, рациональным использованием земель без учета устойчивости отраслей сельской экономики.

Под устойчивым развитием сельской местности следует понимать устойчивый рост эффективности всех отраслей сельской экономики на основе сбалансированного и рационального использования имеющихся ресурсов, повышение уровня и качества жизни населения, поддержание экономического равновесия в биосфере. Поскольку устойчивое развитие сельской местности включает экономическую, социальную и экологическую составляющие, то состояние устойчивости важно обеспечить каждой из них.

Факторы, условия и особенности развития экономики сельской территории

Уровень, темпы и эффективность развития экономики сельской территории зависят от множества факторов и условий. Основные внешние и внутренние факторы и условия, влияющие на развитие экономики сельской территории, приведены на рис. 3.

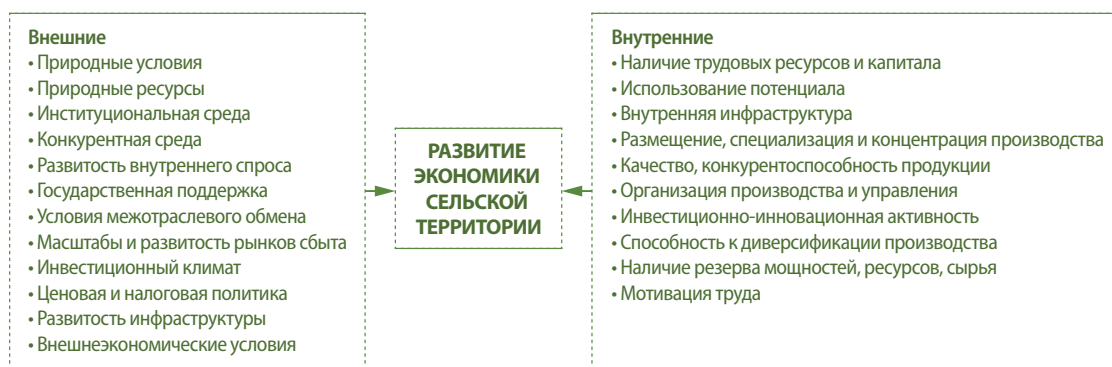

Рис. 3. Факторы и условия развития экономики сельской территории

Таблица 1. Доля сельского и лесного хозяйства в основных показателях Республики Коми, %

Показатель	Год							
	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Валовой региональный продукт сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства	2,9	2,1	2,0	1,8	1,5	1,8	1,9	–
В том числе сельского хозяйства	1,8	1,5	1,4	1,3	1,4	1,4	1,5	–
Инвестиции в основной капитал	0,6	0,8	0,3	0,3	0,3	0,4	0,4	0,4
Среднегодовая численность работников сельского хозяйства и предоставления услуг в этой области	2,1	1,6	1,4	1,3	1,2	1,2	1,2	1,2

Составлено по: Статистический ежегодник Республики Коми. 2017; Сельское хозяйство в Республике Коми за соответствующие годы.

Для экономики сельской территории Республики Коми характерны преимущественная занятость в отраслях сельского и лесного хозяйства; преобладание малых форм предпринимательства; низкая плотность и убыль населения; большое значение самозанятости сельских жителей; удаленность от рынков сбыта производимой продукции; неразвитость инфраструктуры; низкий уровень и качество жизни сельского населения.

Сейчас в экономике сельской территории республики преобладают отрасли сельского и лесного хозяйства. Их доля в валовом региональном продукте незначительна и продолжает сокращаться (табл. 1).

В развитых странах аграрный сектор не является доминирующим в экономике сельской территории. Доля в валовом внутреннем продукте продолжает сокращаться. В США, например, за тридцатилетний период (с 1969 по 1999 год) доля занятых в сельском хозяйстве сократилась с 14 до 6%, а в сфере услуг выросла с 40 до 53%. Доля аграр-

ного сервиса, лесного хозяйства и рыболовства осталась неизменной (0,9) [20].

В экономике сельской территории региона преобладают малые формы предпринимательства. Сейчас в сельском и лесном хозяйстве, рыболовстве и рыбоводстве доля малых и микропредприятий составляет 93%. Число индивидуальных предпринимателей превышает количество малых предприятий на 29%. В 2016 году в сельском хозяйстве производством продукции занимались 88 малых предприятий (80% от общей численности сельхозорганизаций), 315 крестьянских (фермерских) хозяйств, 92,7 тыс. личных подсобных хозяйств, 76,4 тыс. семей садоводов и 28,6 тыс. семей огородников. Наибольшее число фермерских хозяйств приходилось на Ижемский, Усть-Вымский и Усть-Куломский (по 11% от их общего количества), Княжпогостский и Корткеросский (по 8%), Прилузский (7%) районы.

В ходе рыночных преобразований, развившихся в резком сокращении аграр-

ного производства в сельхозорганизациях, выросла роль и значение сельских домохозяйств как источника продуктов питания, их доходов и самозанятости. За 1990–2016 гг. доля хозяйств населения в общем объеме производства продукции сельского хозяйства республики увеличилась с 20 до 30%, картофеля – с 58 до 92, овощей – с 10 до 79, молока – с 15 до 19, мяса крупного рогатого скота – с 9 до 47%. Фермерские хозяйства увеличили производство молока с 1,1% в 1995 году до 14,1% в 2016 году, а валовой продукции – с 0,9 до 5%.

Для хозяйствующих субъектов сельской экономики характерна низкая конкурентоспособность производимой продукции и малая доходность. В среднем за 2014–2016 гг. доля убыточных организаций в сельском и лесном хозяйстве составила 39%, в заготовке древесины – 52%, уровень рентабельности реализованной продукции – соответственно 7,1 и 2,9%, активов – 7,8 и 2,3%.

Сельские территории Республики Коми охватывают значительную часть региона, обладают высоким потенциалом. Земельный фонд республики на начало 2017 года составлял 41,7 млн га. В структуре земель 74,9% занимали лесные площади, земли особо охраняемых территорий – 6,3%, земли сельскохозяйственного назначения – 4,5%. Общий запас насаждений лесного фонда составляет 2,8 млрд куб. м. В составе сельхозугодий преобладают естественные сенокосы и пастбища. На гектар пахотных земель в республике приходится 3 га кормовых угодий, что позволяет успешно развивать молочное и мясное скотоводство. Особую народнохозяйственную ценность имеют крупные массивы пойменных лугов, потенциальная возможность сбора кормов с которых превышает 150 тыс. т корм. ед.

В Коми имеются хорошие условия для производства органической продукции. К факторам, позитивно влияющим на развитие органического сельского хозяйства, относятся существенный резерв пригодных для производства органической продукции сельхозугодий; благоприятная экологическая обстановка в сельской местности; холодный

климат республики обуславливает меньший набор вредителей и болезней растений в открытом грунте, чем в более южных регионах России; достаточно развитый потенциал аграрной науки для проведения исследований в области биологизации земледелия; наличие технологий производства органической продукции, высокий спрос населения на органические продукты [21].

Республика располагает значительными рыбными ресурсами и потенциальными возможностями для увеличения сбора и переработки дикоросов (грибов, ягод, березового сока, лекарственных трав). Рыболовство является традиционной формой и перспективным направлением использования крупного фонда рыбохозяйственных водных объектов. Протяженность рек длиной более 10 км составляет 84 тыс. км, общее количество водотоков – более 3500 единиц, количество имеющих рыбохозяйственное значение озер – около 2000 единиц общей площадью около 46,8 тыс. га. Основные реки – Печора, Вычегда, Мезень – и большая часть притоков этих рек до настоящего времени сохранили высший статус (категорию) рыбохозяйственного значения и имеют в составе ихтиофауны ценные виды лососевых рыб. В 2016 году объем выловленной в естественных водоемах рыбы составил 380 т. Хорошие перспективы для выращивания товарной рыбы имеются в рыбоводных хозяйствах ООО «Нювчим», ООО «Аквакомплекс», ООО Племхоз «Изваильский-97», ООО «Южное». По данным Министерства сельского хозяйства и потребительского рынка Республики Коми, объем выращенной рыбы в этих хозяйствах в 2020 году превысит 300 т.

В лесах Республики Коми произрастает 15 видов ягодных растений. В тундровой зоне встречается 35 видов съедобных грибов, в лесотундре – 50, а в подзоне средней тайги – 90 видов. В благоприятные годы ежегодно заготавливается 10 тыс. т грибов и 8 тыс. т ягод (клюква, брусника, черника, морошка, голубика, рябина). Промысловые запасы республики оцениваются в 211,6 тыс. т ягод и 74 тыс. т грибов. В ягодном запасе выделяются клюква (43%) и черника (33%), в гриб-

ном – волнушка и подосиновик (вместе 48%). Здесь сосредоточено 55% ягодных промысловых ресурсов европейской части страны, а по отдельным видам преобладают клюква (84%) и морошка (67%). Стоимость ягодных ресурсов оценивается в 458 млн долларов, а грибных – в 171 млн долларов [22].

В результате убыли сельского населения происходит обезлюдивание сельских территорий. Средняя плотность его за 1990–2017 гг. уменьшилась с 3,0 до 2,0 чел. на 1 кв. км, а сельского населения – с 1,3 до 0,8 чел. В 2017 году минимальная плотность населения (0,3 чел. на кв. км) наблюдалась в Троицко-Печорском и Усть-Цилемском районах; наибольшая плотность в районах с полностью сельским населением была в Сысольском (2,1) и Сыктывдинском (3,2 чел. на 1 кв. км) районах.

По данным переписи населения 2010 года, почти две трети (63,5%) всех сельских населенных пунктов составляют малые сельские населенные пункты – менее 200 жителей. Из 684 сельских населенных пунктов в 248 (36,5%) проживало 50 и менее чел. На долю средних сельских населенных пунктов (от 201 до 1060 чел.) приходится 31,4%, на долю больших пунктов с людностью свыше 1000 человек, наиболее перспективных для дальнейшего развития и имеющих большие возможности для расширения круга обслуживающих учреждений, приходится 5,4%. В 2016 году без населения оставались 36 населенных пунктов, в 1979 году их было 8. Происходит переселение сельских жителей из мелких в крупные населенные пункты, райцентры и в города, имеющие более развитую инженерную и социальную инфраструктуру. Очень важно не допустить обезлюдивания огромных сельских северных территорий, которые выполняют не только производственную, но и другие важные народнохозяйственные функции.

В ходе рыночной трансформации углубилась дифференциация в доходах между работниками сельского и лесного хозяйства и других отраслей. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций этих отраслей в 2016 году составила 60% к уровню в среднем по

республике. В сельском хозяйстве зарплата почти в два раза ниже среднереспубликанского уровня (56%), в 3,2 раза ниже, чем в отраслях по добыче полезных ископаемых. В большинстве сельских районов она значительно ниже прожиточного минимума. Отметим, что в середине 1980-х гг. заработная плата в сельском хозяйстве Коми достигала 84% среднего уровня по экономике.

Демографическая ситуация

На развитие сельской экономики значительное влияние оказывает демографическая ситуация в сельской местности, которая является сложной и по отдельным показателям резко ухудшается. За период рыночных реформ в показателях рождаемости, смертности и естественного прироста сельского населения произошли значительные изменения. За 1990–2016 гг. показатель рождаемости снизился в шести муниципальных районах, а рост этого показателя наблюдался в пяти. Смертность на селе за эти годы была значительно выше, чем в городе. Этот показатель в Койгородском (221%), Троицко-Печорском (212%), Усть-Куломском (204%), Усть-Вымском (187%) районах превышал средний по сельскому населению (176%) республики.

Численность сельского населения постоянно сокращается. За 1990–2017 гг. она уменьшилась на 38,4% при снижении численности городского населения на 29,9%. Сокращение численности населения характерно для всех районов. Особенно резкое снижение численности сельского населения произошло в Троицко-Печорском и Княжпогостском районах (табл. 2).

На селе идет процесс постарения населения. Доля населения моложе трудоспособного возраста уменьшилась с 28,9% в 1989 году до 21,6% в 2017 году, в трудоспособном возрасте соответственно с 57,2 до 53%, а доля лиц старше трудоспособного возраста увеличилась с 13,9 до 17,3%. Наиболее существенное постарение населения наблюдалось в Троицко-Печорском, Койгородском, Усть-Вымском, Княжпогостском и Сысольском районах.

**Таблица 2. Динамика численности сельского населения
(на начало года) Республики Коми за 1990–2017 гг., тыс. чел.**

Показатель	Год						
	1990	2000	2005	2010	2015	2016	2017
Сельское население	303,5	259,6	244,5	227,9	192,9	189,7	187,1
Доля сельского населения в общей численности населения, %	24,3	24,5	24,5	24,0	22,3	22,1	22,0
Районы							
Ижемский	23,4	21,9	21,0	19,3	17,6	17,6	17,4
Княжпогостский	39,4	30,8	28,2	25,1	20,6	19,9	19,5
Койгородский	12,1	10,5	9,7	9,0	7,8	7,6	7,5
Корткеросский	26,9	23,9	23,2	22,3	19,0	18,8	18,6
Прилузский	28,3	25,5	23,9	21,9	18,7	18,2	17,8
Сыктывдинский	27,5	24,9	23,6	24,7	23,9	24,1	24,2
Сысольский	19,3	10,0	16,6	15,5	13,3	13,2	13,0
Троицко-Печорский	26,1	18,7	16,8	15,2	12,0	11,7	11,5
Удорский	24,4	24,7	24,4	22,8	18,5	18,1	17,9
Усть-Вымский	42,7	35,1	33,0	30,7	27,0	26,5	26,2
Усть-Куломский	39,7	32,9	31,5	29,9	25,2	24,8	24,5
Усть-Цилемский	16,6	15,8	15,1	13,6	11,9	11,7	11,6
Составлено по: Демографический ежегодник Республики Коми за соответствующие годы.							

Устойчивое сокращение сельского населения, его старение создают угрозу трудового дефицита в отраслях экономики сельской территории и препятствуют динамичному развитию сельских территорий.

Состояние объектов сельской инфраструктуры

Сельская инфраструктура, представляя собой совокупность видов деятельности и объектов, обеспечивает необходимые условия для функционирования и развития хозяйствующих субъектов сельской экономики, домашних хозяйств и для социально-культурной сферы. В настоящее время исследователи рассматривают инфраструктуру достаточно широко. Ее можно подразделить на производственную, социальную, инженерную, рыночную, инновационную, информационно-консультационную и институциональную (рис. 4).

Сельская инженерная инфраструктура включает различные объекты, обеспечивающие сельские предприятия и население транспортными коммуникациями, систе-

мами электро-, тепло-, газо-, водоснабжения, сетями телефонной, телевизионной, радиотрансляционной, почтовой и других видов связи.

В сельской местности Республики Коми большая часть автомобильных дорог приходится на грунтовые, состояние которых остается неудовлетворительным. Низкая обеспеченность сельских дорог с твердым покрытием не позволяет сельскому населению своевременно получать услуги образования, здравоохранения, культуры, бытового обслуживания. По данным Т.Е. Дмитриевой, транспортная доступность Сыктывдинского, Корткеросского, Сысольского, Койгородского и Прилузского районов находится в пределах часа и отличается хорошей устойчивостью. Удорский, Троицко-Печорский, Ижемский и Усть-Цилемский районы имеют двух- и трехчасовую доступность. Многие малонаселенные деревни Удорского, Усть-Куломского, Троицко-Печорского и Сысольского районов характеризуются недоступностью или малоустойчивой автодорожной доступностью [23, с. 45–48].

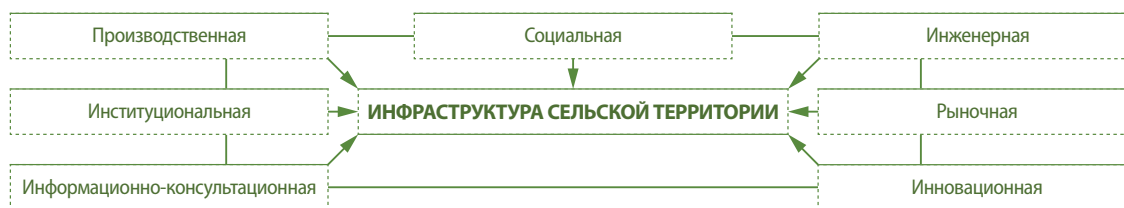

Рис. 4. Виды инфраструктуры сельской территории

Таблица 3. Обеспеченность аграрных структур Республики Коми объектами инженерной инфраструктуры на 1 июля 2006 и 2016 гг., % от общего числа субъектов

Объект инфраструктуры	Сельхозорганизации		Фермерские хозяйства и индивидуальные предприниматели		Личные подсобные хозяйства	
	2006 год	2016 год	2006 год	2016 год	2006 год	2016 год
Связь по автомобильным дорогам с твердым покрытием с райцентром или с сетью магистральных сообщений	85,6	77,2	86,4	60,5	86,2	65,6
Внутрихозяйственные дороги с твердым покрытием	51,8	36,8	-	-	-	-
Подключение к сетям электроснабжения	97,7	89,5	80,1	68,6	92,3	72,2
Подключение к сетям теплоснабжения	35,4	29,8	4,4	2,5	-	6,7
Подключение к сетям водоснабжения	50,7	33,3	22,3	10,4	-	13,8
Подключение к сетям газоснабжения	9,1	8,8	1,9	2,0	6,0	2,4
Автономные источники электроснабжения	14,1	10,5	4,4	7,1	-	-
Автономные источники теплоснабжения	31,1	36,8	16,5	17,2	6,7	7,5
Автономные источники водоснабжения	55,2	66,7	50,0	49,1	41,6	37,1
Телефонная связь	87,7	84,2	45,4	45,8	40,8	25,9
Выход в интернет	16,7	73,7	-	17,7	-	17,7

Основой совершенствования технологий в организациях экономики сельской территории, улучшения жизни сельского населения является электроэнергетика. Применение электрической энергии отличается высокой экономической и социальной эффективностью. Электроэнергия относится к наиболее чистым в гигиеническом и экологическом отношении энергоносителям. Большинство сельских населенных пунктов республики получает электроэнергию по распределительным сетям региональной энергетической системы (централизованно). В 67 удаленных населенных пунктах, в которых проживает 10,7 тыс. чел., реализуется схема децентрализованного электроснабжения от автономных дизельных электростанций.

В связи с большой пространственной протяженностью сельских территорий, высоки-

ми удельными затратами на строительство газотранспортных сетей преобладающая часть (84%) сельского населения Республики Коми проживает в негазифицированных населенных пунктах. Из 684 сельских населенных пунктов только 34 подключены к системе снабжения сетевым газом [24, с. 137]. Сжиженный газ в сельские населенные пункты поступает в основном в баллонах.

О низкой обеспеченности сельхозпроизводителей объектами инженерной инфраструктуры свидетельствуют результаты Всероссийских сельскохозяйственных переписей 2006 и 2016 гг. (табл. 3).

В 2016 году сельхозорганизации имели 36,8% дорог с твердым покрытием, лишь 8,8% были подключены к сетям газоснабжения. Причем за десятилетие наблюдалось снижение обеспеченности аграрных струк-

тур по большинству объектов инженерной инфраструктуры.

Большинство жителей сельских населенных пунктов лишены элементарных коммунальных удобств. Благоустройство жилищного фонда на селе существенно отстает от города (рис. 5).

В сельской местности республики особенно остро стоят вопросы развития образования, здравоохранения и культуры. В результате политики оптимизации социальной инфраструктуры прекратилось строительство больниц, значительно уменьшился ввод школ, дошкольных учреждений, объектов учреждений культуры клубного типа (табл. 4). В результате в 2016 году по сравнению с 1990 годом количество дошкольных

учреждений сократилось в 2,3 раза, общеобразовательных школ – в 1,9 раза, учреждений культурно-досугового типа – в 1,4 раза.

Особую актуальность в сельском развитии приобретает формирование системы аграрного консультирования. В настоящее время информационно-консультационный отдел функционирует на региональном уровне в составе Министерства сельского хозяйства и потребительского рынка [25]. Отсутствие сельскохозяйственного консультирования в сельских районах сдерживает доступ малых форм аграрных структур и сельских жителей, особенно отдаленных мест, к информации и консультационным услугам. Создание межмуниципальных центров консультирования позволит увеличить охват малых форм сель-

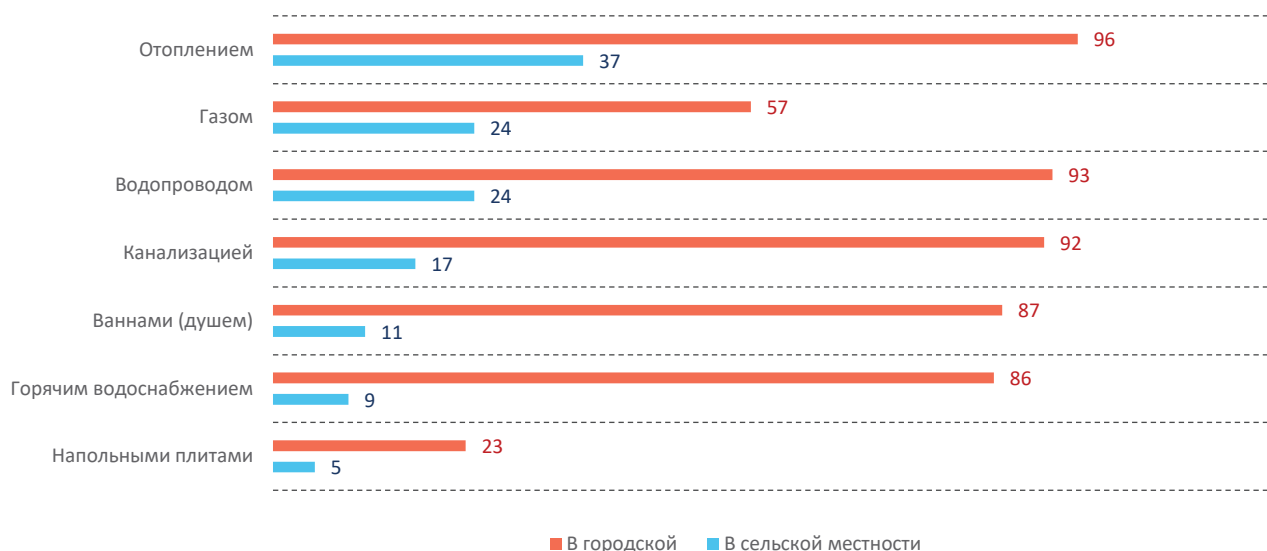

Рис. 5. Доля жилищной площади, оборудованной отдельными видами благоустройства, в Республике Коми на конец 2016 года, %

Таблица 4. Строительство объектов социально-культурной сферы в сельской местности Республики Коми

Построено	Год						
	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2016
Жилых домов, тыс. кв. м общей площади	143,1	104,2	86,3	34,9	35,2	34,2	45,5
Из общего числа жилых домов введено индивидуальными застройщиками	33,1	67,0	72,2	32,4	28,8	19,5	27,4
Общеобразовательных школ, ученических мест	1052	691	542	–	444	623	–
Дошкольных учреждений, мест	709	405	–	–	27	395	265
Клубов и домов культуры, мест	250	–	–	–	–	70	80

Составлено по: Статистический ежегодник Республики Коми за соответствующие годы.

хозпроизводителей и сельского населения информационно-консультационным обслуживанием, распространением для них инноваций.

Приоритеты развития села и экономики сельской территории

Преодоление негативных тенденций в развитии северного села связано с инновационной модернизацией и диверсификацией сельской экономики, усилением роли государства в управлении политикой сельского развития и разработкой эффективных механизмов ее реализации.

Ключевым приоритетом устойчивого развития села и сельской экономики является использование инноваций в сельских хозяйствующих субъектах. Инновационная активность связана с формированием региональной инновационной системы, основными элементами которой являются государственные органы власти, научно-образовательный сектор, организации и хозяйства, сельское население и инновационная инфраструктура. Формирование и развитие основных элементов инновационной системы сельской экономики должны происходить при активном участии и финансовой поддержке государственных органов власти и местного самоуправления. Потребуется также усиление междисциплинарных научных исследований по устойчивому развитию сельских территорий и сельской экономики (рис. 6).

Для проведения междисциплинарных исследований по устойчивому развитию села и экономики сельской территории, как

показывает опыт развитых стран, целесообразно создание головного научного (образовательного) учреждения, тесно взаимодействующего с НИИ и вузами республики, экспертным сообществом, информационно-консультационной службой, региональными и муниципальными органами управления.

Одним из приоритетных направлений сельского развития и совершенствования экономической деятельности сельских жителей является диверсификация и структурная перестройка сельской экономики. Сокращение роли аграрной сферы в сельской экономике ставит проблему развития несельскохозяйственных видов деятельности. В период либеральных рыночных реформ в результате спада производства аграрной продукции количество занятых в сельском хозяйстве республики сократилось с 29,5 тыс. чел. в 1990 году до 4,1 тыс. в 2016 году. В Коми развитие несельскохозяйственных видов деятельности может происходить по следующим направлениям: организация местной промышленности; интеграция сельского и лесного хозяйства; комплексная переработка сырья оленей (выделка шкур, глубокая переработка эндокринно-ферментного, пантового сырья и крови оленей); заготовка и переработка дикорастущих грибов и ягод, лекарственных растений и другого природного сырья; развитие промыслов и ремесел; сельский туризм; торговое, бытовое, социально-культурное обслуживание сельского населения; уход за ландшафтом; охрана окружающей среды.

При обосновании рациональных путей развития экономики сельской территории

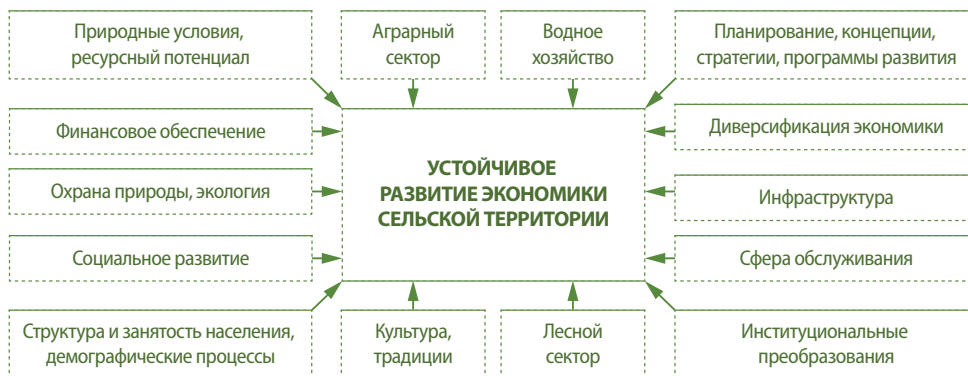

Рис. 6. Междисциплинарные научные исследования по устойчивому развитию села и экономики сельской территории

заслуживает внимания интересный опыт соединения сельского и лесного хозяйства в скандинавских странах. Там за крестьянами законодательно закреплено пользование лесами, от реализации древесины они получают значительные доходы, которые используются для модернизации сельского хозяйства. Интеграция сельского хозяйства, лесоводства и лесного хозяйства особенно важна для северной тайги России с целью получения дополнительных доходов и повышения уровня занятости крестьян.

Требуется диверсификация и самого сельскохозяйственного производства. Расширение видов деятельности отрасли связано с переработкой сельхозпродукции в аграрных предприятиях и фермерских хозяйствах, созданием альтернативных видов сельхозпроизводства. К числу альтернативных видов деятельности следует отнести производство органических видов продукции. Органическое сельское хозяйство позволит ввести в оборот значительные площади неиспользуемых сельхозугодий, увеличить занятость сельских жителей, обеспечить внутренний продовольственный рынок экологически чистыми продуктами питания, повысить доходность аграрной сферы.

Развитие экономики сельской территории и, прежде всего, сельского хозяйства, сельской инфраструктуры и социальной сферы села связано с усилением роли государства в лице федеральных и региональных органов. Необходимость повышения роли государства как организатора, координатора и главного участника технико-технологического совершенствования отраслей экономики сельской территории и решения социально-экономических проблем села обусловлена тем, что в условиях Севера и Арктики в силу низкой доходности сельского и лесного хозяйства, больших сроков окупаемости вложенных средств частные инвесторы не заинтересованы вкладывать капитал в их развитие.

Социальные процессы на селе в настоящее время регулируются Стратегией устойчивого развития сельских территорий до 2030 года и федеральной целевой програм-

мой с аналогичным названием до 2020 года. Однако объемы ресурсного обеспечения не соответствуют заявленной цели – созданию комфортных условий жизнедеятельности в сельской местности. Из общего объема бюджетных средств (1954 млн руб.), направленных в период 2003–2017 гг. на развитие инфраструктуры сельских территорий Республики Коми, лишь 0,06% было выделено на строительство сельских дорог и 0,7% – строительство фельдшерско-акушерских пунктов. Большая часть бюджетной поддержки шла на улучшение жилищных условий (37,5%), строительство общеобразовательных учреждений (25%), газификацию села (15,1%) и на водоснабжение (10,3%).

Устойчивое развитие села и экономики сельской территории связано с совершенствованием всего комплекса экономических отношений. К ним следует отнести следующие:

- увеличение объема финансовых ресурсов для периферийных сельских территорий;
- поддержка инвестиционной деятельности путем увеличения прямых государственных инвестиций и расширения доступа к льготному кредитованию;
- ликвидация диспаритета цен на реализуемую продукцию и приобретаемые средства промышленного изготовления и поставляемые тарифы;
- снижение налоговой нагрузки на сельские субъекты хозяйствования;
- стимулирование внутреннего спроса на продукцию сельских товаропроизводителей посредством совершенствования контрактной системы, обеспечивающей приоритет при закупках в региональные и муниципальные фонды местной продукции.

Основным механизмом регулирования социально-экономических процессов на селе должна быть разработанная на федеральном, региональном и муниципальных уровнях комплексная программа развития сельских территорий. К сожалению, Программа устойчивого социально-экономического развития сельских территорий не попала в число приоритетных национальных проектов страны до 2024 года.

Заключение

Изучение особенностей и проблем развития села и экономики сельской территории Республики Коми позволяет сделать следующие выводы и рекомендации.

1. Представлены теоретические аспекты содержания экономики сельской территории и ее роли в устойчивом развитии сельских территорий. В авторском видении экономика сельской территории определена как система социально-экономических отношений, отраслей и видов деятельности. Установлено, что экономика сельской территории является объектом междисциплинарных научных исследований. Рассмотрение ее с позиций различных наук может способствовать решению многих проблем комплексного сельского развития. Выявлена взаимосвязь экономики сельской территории с такими категориями, как село, сельские территории, сельское развитие.

2. Из всего многообразия действующих на уровень, темпы и эффективность экономики сельской территории выделены внешние и внутренние факторы и условия. Определена решающая роль в развитии сельских хозяйствующих субъектов внешних факторов (природные ресурсы, институциональная среда, государственная поддержка, развитие инфраструктуры, ценовая и налоговая политика и др.).

3. Отличительными особенностями экономики сельской территории северного региона являются функционирование ее отраслей на использовании природных ресурсов; преимущественная занятость в сельском и лесном хозяйстве; преобладание малых форм предпринимательства; низкая конкурентоспособность производимой продукции; малая плотность и убыль населения; большое значение самозанятости сельских жителей в домашнем хозяйстве; неразвитость объектов сельской инфраструктуры.

4. Выявлены возможности и проблемы сельской местности. В Коми имеются хорошие условия для производства органической (экологической) продукции, развития рыболовства и рыбоводства, увеличения сбора и переработки недревесных продуктов леса.

Установлено, что в период рыночных реформ на селе ухудшились демографическая ситуация, социальная и инженерная инфраструктура, углубилась дифференциация между доходами работников отраслей экономики сельской территории и среднереспубликанским уровнем. В аграрной сфере, особенно в сельской периферии, произошло разрушение материально-технической базы, резкое сокращение обрабатываемых сельхозземель, поголовья животных, численности работников, ухудшение их профессионального уровня и качества жизни, падение производства всех видов сельскохозяйственной продукции.

5. Устойчивое развитие села и экономики сельской территории связано с инновационной модернизацией и диверсификацией отраслей экономики сельской территории, государственной поддержкой малого и среднего предпринимательства, развитием инфраструктуры, обеспечением доступа сельских жителей к природным, материальным, финансовым и информационным ресурсам, с комплексным развитием сельских территорий на основе национальных, региональных и муниципальных программ. Определено, что основным механизмом регулирования социально-экономических процессов на селе является государственная политика сельского развития. В формировании эффективной государственной политики устойчивого сельского развития ведущую роль должны играть государственные и муниципальные органы региона в содружестве с наукой при широком вовлечении в этот процесс сельских жителей.

6. Полученные научные результаты о специфике, условиях, проблемах и приоритетных направлениях развития села могут быть использованы при разработке региональной и муниципальных стратегий комплексной программы устойчивого развития сельской местности и отраслей экономики сельской территории Республики Коми, дифференцированной по сельским районам, учитывающей уровень, динамику социально-экономического развития, потенциал территории и степень и эффективность его использования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Продовольственный рынок регионов России: новый вектор развития / под общ. ред. Ю.Г. Лавриковой, В.П. Негановой. Екатеринбург: УрО РАН, 2018. 776 с.
2. Иванов В.А. Аграрный сектор Севера России: трансформационные процессы, перспективы и механизмы устойчивого развития. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2012. 168 с.
3. Большаков Н.М., Жиделева В.В., Иванов В.А. Инновационное развитие лесного и аграрного секторов экономики. СПб.: СПбГЛТУ, 2012. 368 с.
4. Концепция и экономический механизм инновационного развития сельского предпринимательства северного региона / Т.Ю. Микушева [и др.]. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2013. 230 с.
5. Особенности и механизмы модернизации аграрного сектора периферийных сельских районов северного региона / В.А. Иванов [и др.]. Сыктывкар: ГОУ КРАГСИУ, 2014. 204 с.
6. Поздеев П.И., Иванов В.А. Экономические проблемы развития АПК Республики Коми. Сыктывкар: СЛИ, 2000. 317 с.
7. Формирование системы государственного регулирования АПК северного региона / В.А. Иванов [и др.]. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2006. 322 с.
8. *Europe 2020. A strategy for smart, sustainable and inclusive growth. European commission.* Brussels, 2010. URL: <http://eurlex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2010:2020:FIN:EN:PDF>
9. Rural development opportunities for supporting employment and associated social inclusion Employment and Social Inclusion. EU Rural Review. *The Magazine from the European Network for Rural Development*, 2010, no. 6, pp. 6–13.
10. *Rural White Paper Action Plan.* URL: <http://www.dardni.gov.uk/rural-white-paper-action-plan.pdf>
11. *Rural White Paper Action Plan and Progress Report.* URL: <http://www.dardni.gov.uk/rural-white-paper-action-plan-annual-progress-report-2013.pdf>
12. Мантино Ф. Сельское развитие в Европе. Политика, институты и действующие лица на местах с 1970-х годов до наших дней / пер. с итал. И. Храмовой. Совместное издание Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН и Business Media of the Sole 24 Ore, 2010. 272 с.
13. Сельская экономика: учебник / под ред. С.В. Киселева. М.: ИНФРА-М, 2008. 572 с.
14. Сюсюра Д.А. Управление многофункциональной сельской экономикой: от целеполагания до оценки результатов: монография. М.: Университетская книга; Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2012. 256 с.
15. Никифоров Л.В. О содержании и приоритетных направлениях процесса становления социально-равных условий труда и жизни в городе и селе // Город и село: проблемы создания социально-равных условий труда и жизни. М., 1984. С. 1–29.
16. Заславская Т.И. Теория и методология исследования // Социально-экономическое развитие сибирского села. Новосибирск: Наука, 1987. С. 13–55.
17. Чепурных Н.В., Новоселов А.Л., Мерзлов А.В. Региональное развитие: сельская местность. М.: Наука, 2006. 384 с.
18. Устойчивое развитие сельских территорий: региональный аспект / под общ. ред. А.В. Петрикова. М.: ЭРД, 2009. 272 с.
19. *Rural Policy 3.0. OECD Regional Outlook 2016. Productive Regions for Inclusive Societies.* URL: http://www.oecd-ilibrary.org/urban-rural-and-regional-development/oecd-regional-outlook-2016/rural-policy-3-0_9789264260245-7-en
20. *ERS (Economic Research Service), USDA.*
21. Kolegov M.G., Ivanov V.A. *Factors and Conditions for Organic Crop Production in the Komi Republic.* Syktyvkar, 2004. 118 p.

22. Дмитриева Т.Е., Максимов А.А., Хохлов Н.А. Недревесное лесопользование в Республике Коми: потенциал и проблемы формирования // География и природные ресурсы. 2009. № 4. С. 139–144.
23. Модернизация инфраструктуры развития сельских территорий / Т.Е. Дмитриева [и др.]. Сыктывкар, 2016. 241 с.
24. Чайка Л.В. Энергетическая инфраструктура сельских поселений Республики Коми // Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера – 2014: мат-лы Четвертого Всерос. науч. семинара, 24–26 сентября 2014 г.: в 2 ч. Ч. II. Сыктывкар, 2014. С. 136–144.
25. Иванова Е.В. Сельскохозяйственное консультирование в системе инновационного развития аграрного сектора северного региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 2. С. 284–300.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иванов Валентин Александрович – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Россия, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26. E-mail: ivanova@iespn.komisc.ru. Тел.: +7(8212) 24-52-45.

Ivanov V.A.

FEATURES AND AREAS OF VILLAGE AND RURAL ECONOMY DEVELOPMENT IN THE NORTHERN REGION

The activities of a village are ensured not only through functioning of the agricultural sector, but also through creating conditions and development of effective mechanisms to boost rural economy. Rural economy as a system of sectors and economic activities, using natural resources, is the basis for improving rural population's standard of living and its sustainable development. The article deals with the content of concepts that make up the system of rural economy and rural development. It discloses the multifunctional role of a village as an original socio-territorial system. The author studies branches and activities, comprising the system of rural economy, and distinguishes factors and conditions, influencing a level, pace and efficiency of rural economic entities. The work reveals specifics and distinctive features of rural economy in the Komi Republic. It shows problems of a Northern village, such as low rural incomes, poor infrastructure, and working population outflow. The article discloses influence of the demographic situation on village and rural economy development. The paper analyses the state of rural infrastructure. It indicates that the socio-economic situation in rural areas deteriorated during the market transformation process. Results and consequences of the market reforms for a Northern village are estimated as negative. The author proposes directions to boost rural economy connected with its innovative modernization, diversification, and strengthening of the state's role in managing rural development policy. The study results can be used to work out a long-term program of integrated village and rural economy development in the Komi Republic.

Rural economy, rural area, rural development, features and conditions for rural economy development, demographic indicators, infrastructure, development directions, Komi Republic.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivanov Valentin Aleksandrovich – Doctor of Economics, Professor, Chief Research Associate. Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Social, Economic and Energy Problems of the North of the Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation. E-mail: ivanova@iespn.komisc.ru. Phone: +7(8212) 24-52-45.

DOI: 10.15838/ptd.2019.4.102.4

УДК 336.6:504 | ББК 65.28

© Кожевников С.А., Лебедева М.А.

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕХОДА К ЗЕЛЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ В РЕГИОНЕ (НА МАТЕРИАЛАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ)¹

КОЖЕВНИКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Вологодский научный центр Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

E-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru

ORCID: 0000-0001-9063-6587; ResearcherID: I-8373-2016

ЛЕБЕДЕВА МАРИНА АНАТОЛЬЕВНА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

E-mail: lebedevamarina1@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7310-6143; ResearcherID: R-8097-2018

В условиях необходимости обеспечения высоких темпов экономического роста страны и ее регионов одним из перспективных направлений устранения существующих экологических, экономических и социальных рисков является обеспечение устойчивого развития территорий на основе реализации перехода к зеленой экономике. Несмотря на значительное количество работ, посвященных исследованию зеленой экономики, управленческие аспекты перехода к ней на уровне региона остаются пока малоизученными. В связи с этим целью данной работы стало исследование проблем, а также разработка инструментов совершенствования управления процессами перехода к зеленой экономике в регионе. Были выявлены основные проблемы, ограничивающие переход

Для цитирования Кожевников С.А., Лебедева М.А. Проблемы перехода к зеленой экономике в регионе (на материалах Европейского Севера России) // Проблемы развития территории. 2019. № 4 (102). С. 72–88. DOI: 10.15838/ptd.2019.4.102.4

For citation: Kozhevnikov S.A., Lebedeva M.A. Problems of transition to green economy in the region (based on materials of the European North of Russia). *Problems of Territory's Development*, 2019, no. 4 (102), pp. 72–88. DOI: 10.15838/ptd.2019.4.102.4

¹ Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» по теме НИР № 0168-2019-0004 «Совершенствование механизмов развития и эффективного использования потенциала социально-экономических систем».

к зеленой экономике в субъектах Европейского Севера России. Среди них моральный и физический износ очистных сооружений, увеличение сброса загрязняющих веществ в водные объекты, высокая природоемкость региональной экономики по выбросам и сбросам загрязняющих веществ, а также размещенным отходам производства и потребления, высокая энергоемкость и нецеленаправленный расход средств, полученных от природоресурсных платежей. На основе изучения зарубежного опыта реализации наиболее успешных практик перехода к зеленой экономике были предложены такие организационные и финансовые инструменты и механизмы, как проведение обязательного экологического аудита предприятий, создание региональных экологических фондов, направленных на поддержку внедрения хозяйствующими субъектами экологически чистых технологий, и торговля квотами на ограниченное загрязнение. Применение данных инструментов ориентировано на установление объективных данных о негативном воздействии на окружающую среду, уменьшение антропогенной и техногенной нагрузки на экосистемы. Полученные результаты могут быть полезны органам власти и управления при разработке мероприятий и направлений по обеспечению устойчивого эколого-экономического развития региона, а также при совершенствовании региональной природоохранной политики.

Устойчивое развитие, зеленая экономика, декаплинг, экологические фонды, экологический аудит, эколого-экономическое развитие, Европейский Север России.

В настоящее время развитие экономики многих стран мира сопровождается повышением негативного влияния на окружающую среду, что приводит к загрязнению и деградации, изменению метеорологических и климатических условий, уменьшению и потере биологического разнообразия и повышению заболеваемости.

Эти проблемы в настоящее время являются весьма актуальными и для России. Так, по оценкам исследователя [1], более 30% населения России проживает в районах с неблагоприятными экологическими условиями, а экономические потери из-за непрогнозируемых природных явлений в 2012 году составили более 200 млрд руб., экологический ущерб в денежном эквиваленте превысил 5% ВВП, а превышением допустимых концентраций загрязняющих веществ в атмосферном воздухе обусловлено более 50% заболеваний населения.

В таких условиях одним из перспективных путей минимизации данных угроз является обеспечение устойчивого развития на основе реализации перехода к зеленой экономике [2], т. е. экономической деятельности, приводящей к повышению благосостояния человека и социальному равенству в долгосрочной перспективе, при этом без экологических рисков или экологического дефицита для будущих поколений.

Одной из фундаментальных работ в области зеленой экономики стал «Проект зеленой экономики» (1989) известных английских экономистов Д. Пирса, А. Маркандии (А. Markandia), Э. Барбьера (E. Barbier) [3]. В работе М. Ачеляну (M.I. Aceleanu) показано, что обеспечение устойчивого развития осуществляется главным образом через зеленые рабочие места [4].

Существенный вклад в теорию устойчивого развития, исследование особенностей эколого-экономического развития и перехода к зеленой экономике внесли J. Sachs, J. Tomkin, M. Auffhammer, A. Krueger, E. Lang, E. Leff, P. Sukhdev, M. Weitzman, Т.А. Акимова, С.Н. Бобылев, В.И. Данилов-Данильян, Н.Н. Марфенин, Н.А. Пискулова, Т.В. Ускова, Е.А. Шварц, Н.Н. Яшалова.

Несмотря на значительное количество работ, посвященных исследованию данной тематики, управленческие аспекты обеспечения «зеленого» роста экономики на региональном уровне остаются пока малоизученными. В связи с этим целью данной статьи является исследование проблем, а также разработка инструментов управления процессами перехода к зеленой экономике в северном регионе.

Зеленая экономика международными экспертами рассматривается как новый вектор устойчивого развития, призванный обеспе-

читать гармоничное согласование ключевых компонентов устойчивого развития (экономического, социального и экологического). По мнению М.В. Терешинной [5], концепция зеленой экономики значительно отличается от преобладающей модели экономики и базируется на положениях теории устойчивого развития, хотя и не полностью идентична им. Основанная на теориях социальной справедливости, инклюзивного роста и экономики благосостояния зеленая экономика может быть реализована в бизнес-практиках и вы-

полнении основных концептуальных положений деятельности коммерческих структур.

Неустоявшееся понимание зеленой экономики (табл. 1) привело к тому, что в настоящее время сложилось несколько подходов к трактовке данного понятия. В рамках широкого подхода рассматривается необходимость экологизации всей социально-экономической системы. При узком подходе зеленая экономика подразумевает развитие только такой деятельности, которая напрямую связана с экологизацией экономики.

Таблица 1. Трактовки понятия «зеленая экономика» в научных кругах и профильных международных организациях

Организация	Интерпретация
1. Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП) [6]	Система хозяйственной деятельности, связанная с производством, распределением и потреблением товаров и услуг, которая приводит к улучшению благосостояния людей в долгосрочной перспективе, не подвергая будущие поколения значительным экологическим рискам или экологическим дефицитам
2. Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) [6]	Экономика, которая приводит к улучшению благосостояния людей и уменьшению неравенства, не подвергая будущие поколения экологическим дефицитам
3. Зеленая Экономическая Коалиция [6]	Устойчивая экономика, обеспечивающая лучшее качество жизни для всех в рамках экологических границ планеты
4. Международная Торговая Палата [6]	Экономика, в которой экономический рост и ответственность за охрану окружающей среды совместно работают друг с другом, поддерживая прогресс в социальном развитии
5. Датская группа 92 [6]	Устраняет системные искажения и дисфункции нынешней основной экономики и приводит к благосостоянию людей и справедливому доступу к возможностям для всех людей, одновременно обеспечивая защиту окружающей среды и экономической целостности, чтобы оставаться в пределах конечной пропускной способности планеты
6. Конференция ООН по устойчивому развитию Рио+20 [6]	Может рассматриваться как предмет для сосредоточения внимания и использования возможностей для продвижения экономических и экологических целей одновременно
7. Р. Фюкс [7]	«Характерен продуктивный синтез биологической эволюции и технологий... рост вместе с природой». Биотехнологические инновации и переход на возобновляемые источники энергии и эффективные технологии будут служить основой следующей волны роста
8. Б.Н. Порфирьев [8]	Разработка, производство и эксплуатация технологий и оборудования для контроля и уменьшения выбросов загрязняющих веществ, мониторинг и прогнозирование климатических изменений, а также технологии энерго- и ресурсосбережения и возобновляемой энергетики
9. Н.Н. Яшалова [9]	Экономика с низкими выбросами углеродных соединений, которая эффективно использует ресурсы и отвечает интересам всего общества. Такая модель экономики «позволяет сохранять, увеличивать и восстанавливать природный капитал, который является важнейшим источником общественных благ»
10. Э.М. Зомонова [10]	Своеобразная модель экономического развития, основанная на устойчивом развитии, интернализации экстерналий, комплексном подходе к процессу принятия решений, улучшении качества жизни в условиях ресурсосбережения и ресурсоэффективности с использованием новых технологий и инноваций
11. С.Н. Бобылев, В.М. Захаров [11]	Центральными задачами в концепции зеленой экономики являются уход от сырьевой модели, повышение энергоэффективности, формирование модели устойчивого развития, реализация политики «двойного» выигрыша, связанной с обеспечением экономической эффективности, гарантией неистощительного использования природных ресурсов, малоотходного производства
12. В.К. Карпов, Т.А. Селищева [12; 13]	Ресурсо- и энергосберегающая экономика, в которой для изготовления товаров и услуг как предметов конечного потребления будет тратиться все меньше исходных для этого материалов в виде сырья и энергии

В данной статье зеленая экономика определена нами как экономика, обеспечивающая рациональное природопользование, увеличивающая природный капитал, основывающаяся на использовании альтернативной энергетики, возобновляемых источников энергии и способствующая повышению качества жизни людей.

ЮНЕП были сформулированы следующие рекомендации² для правительств стран и лиц, ответственных за создание условий и стратегии перехода к зеленой экономике. К числу таких условий относятся следующие:

- разработка эффективной нормативно-правовой базы;
- приоритетность государственных инвестиций и расходов в сферах, стимулирующих трансформацию секторов экономики в зеленые;
- инвестирование в повышение профессионализма, обучение и образование;
- усиление международных связей и руководства.

Вышеуказанные рекомендации показывают важность роли государства при переходе к

зеленой экономике, совершенствования государственной политики для коррекции рыночных сбоев в экономике, выработки правовых механизмов, специальных стимулов.

Вместе с тем десятилетия накопления богатства через функционирование модели коричневой экономики существенно не затронули проблему общественной маргинализации, нищеты и истощения ресурсов. На данный момент мировым сообществом, к сожалению, пока не достигнуты ни «Цели развития тысячелетия», указанные в Декларации тысячелетия (2000), ни пришедшие им на смену «Цели устойчивого развития», сформулированные в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (2015). Устойчивость по-прежнему остается важной долгосрочной целью и требует продолжения работы по «озеленению» экономики для достижения поставленных целей.

ЮНЕП для «озеленения» мировой экономики выделяет десять секторов, в которые в первую очередь необходимо инвестировать (табл. 2).

Таблица 2. Приоритетные секторы развития зеленой экономики (по версии ЮНЕП)

Сектор	Цель
1. Сельское хозяйство	Повышение (и сохранение на этом уровне) калорийности суточного рациона до 2800–3000 ккал к 2030 году
2. Отопление и освещение зданий	Повышение эффективности использования энергии для достижения показателей энергопотребления и выбросов, установленных в сценарии Международного экономического агентства Blue Map (МЭА Blue Map; сценарий развития низкоуглеродной экономики с целью снижения выбросов парниковых газов)
3. Энергоснабжение	Увеличение доли использования возобновляемых источников для электрогенерации и первичного потребления для достижения как минимум показателей, установленных в сценарии МЭА Blue Map. Производство электроэнергии с низким уровнем углеродсодержащих выбросов (предложение) и энергоэффективность и управление потреблением энергии (спрос)
4. Лесной сектор	Уменьшение вдвое вырубki к 2030 году, увеличение посадок деревьев для обеспечения воспроизводства древесины. Эффективное управление лесопользованием и охраняемыми лесами
5. Промышленность	Достижение целевых показателей энергопотребления и выбросов от стационарных источников, установленных в сценарии МЭА Blue Map
6. Туризм	Развитие экологического туризма и уменьшение экологического следа при путешествиях
7. Транспорт	Достижение целевых показателей энергопотребления и выбросов от передвижных источников, установленных в сценарии МЭА Blue Map, увеличение использования общественного транспорта
8. Отходы	Уменьшение количества размещаемых отходов не менее чем на 70%
9. Энергетический сектор	Оптимизация использования и экономия топливно-энергетических ресурсов, значительное повышение энергоэффективности и безопасности, сокращение негативного воздействия на природную среду
Источник: Towards a Green Economy: Pathways to Sustainable Development and Poverty Eradication – A Synthesis for Policy Makers. UNEP. URL: www.unep.org/greeneconomy	

² Towards a Green Economy: Pathways to Sustainable Development and Poverty Eradication – A Synthesis for Policy Makers. UNEP. URL: www.unep.org/greeneconomy

С учетом климатических, социально-экономических, финансовых и экологических особенностей, характерных для России, можно выделить следующие приоритетные секторы, требующие «озеленения»: энергетический сектор, энергоснабжение и тяжелая промышленность.

Так, на энергетику России в настоящее время приходится около половины всех загрязняющих веществ и 80% общего объема парниковых газов, поступающих в атмосферу от стационарных источников, более 60% загрязненных сбросов и приблизительно 90% отходов производства и потребления [11]. Вторым сектором экономики в России по влиянию на природу и ее экологическое состояние является черная и цветная металлургия.

В некоторых зарубежных странах разработаны и реализуются стратегии «озеле-

нения» национальной экономики, отличающиеся с точки зрения приоритетов, а также интерпретации зеленой экономики [14; 15] (табл. 3).

На основе анализа зарубежного опыта можно сделать вывод о том, что переход к зеленой экономике в мировом сообществе не носит декларативный характер, а является объективной действительностью. К числу основных факторов, определяющих степень включения государств в этот процесс, относятся наличие политической воли на самом высоком уровне и общественная поддержка правительственных инициатив. При этом создается соответствующее институциональное и финансовое обеспечение поддержки мероприятий по переходу к зеленой экономике.

Понятие «зеленая экономика» для России является относительно новым и в настоящее

Таблица 3. Направления и инструменты перехода к зеленой экономике в зарубежных странах

Страна	Мероприятия по формированию и развитию зеленой экономики
США	Комитетом Сената по финансам США в 1984 году был создан Суперфонд*, который являлся источником финансирования работ по обезвреживанию отходов повышенной опасности. Принят Закон 2009 года «О восстановлении и реинвестировании американской экономики» (American Recovery and Reinvestment Act**), который предусматривает финансовое стимулирование инноваций и роста в зеленом бизнесе, энергосбережение, развитие альтернативной энергетики, главным образом солнечных электростанций, увеличение количества зеленых рабочих мест
Канада	Разработаны зеленые стандарты в строительстве для оценки экологического состояния земельных участков, эффективности потребления воды и электроэнергии, воздействия на окружающую среду, утилизации отходов. Отмечается важность добывающих отраслей, особое внимание уделяется ресурсосбережению
Ирландия	Принята Стратегия восстановления (2009 год) с целью обновления экономики на основе принципов устойчивого развития. Стратегией предусмотрено создание зеленых рабочих мест, улучшение состояния окружающей среды и надежное энергообеспечение
Германия	Разработана Национальная программа повышения ресурсоэффективности, целями которой являются минимизация негативного воздействия на окружающую среду, постепенное сокращение зависимости экономики Германии от первичного сырья и дальнейшее развитие замкнутых производственных циклов и безотходных технологий. Создан Германский федеральный фонд охраны окружающей среды (осуществляет грантовую поддержку экологических проектов высококвалифицированных выпускников вузов из Центральной и Восточной Европы)
Республика Корея	Реализация концепции зеленого роста через национальную стратегию развития технологий, позволяющих решать транспортные проблемы без ущерба для окружающей среды, создавать новые рабочие места, развивать экологический туризм. Основное внимание уделено промышленности, энергетике, зеленым видам транспорта, альтернативным источникам пресной воды, технологиям переработки отходов, развитию парков, обустройству рек в черте города
Китай	Принят Двенадцатый пятилетний план Китая (2011–2015 гг.), содержащий раздел «Зеленое развитие», направленный, главным образом на энергосбережение и сокращение выбросов

* Superfund reauthorization. Hearings before the Committee on Finance United States Senate (April 25 and 26. 1985). US Government printing office. Washington. 842 p.

** American Recovery and Reinvestment Act. Washinton, 2009. URL: <https://www.congress.gov/bill/111th-congress/house-bill/1/text>
Источники: Онищенко М.В. Международный опыт развития «зеленой» экономики // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 3 (36). С. 409–413; Яшалова Н.Н. «Зеленая» экономика: вопросы территории и направления развития // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 11. С. 33–40.

время оно не используется в официальных документах. Однако намеченные страной цели национального развития во многом соотносятся с целями перехода к зеленой экономике (табл. 4).

Следует отметить, что в России цели эколого-экономического развития отображены исключительно в нормативно-правовой документации, институциональное обеспечение для их реализации практически не разработано.

В основах государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (30.04.2012) указана важность обеспечения экологической безопасности при модернизации экономики. Главной стратегической целью политики в области экологии является решение социально-экономических задач для обеспечения экологически ориентированного роста экономики, поддержания устойчивого функционирования природных и природно-антропогенных объектов, сохранения биоразнообразия и природных ре-

сурсов, обеспечения способности удовлетворять потребности нынешнего и будущих поколений, реализации права каждого человека на благоприятную окружающую среду, обеспечения экологической безопасности.

В настоящее время финансирование для решения экологических проблем осуществляется через государственные программы и проекты, основными целями которых являются обеспечение экологической безопасности граждан и сохранение природных систем. Вместе с тем объем финансовых средств в них весьма ограничен, особенно с учетом объема экологических проблем, требующих решения.

Таким образом, Россия проходит через стадию формирования соответствующего институционального и финансового обеспечения для поддержки мероприятий по переходу к зеленой экономике. Вместе с тем многие принятые к настоящему времени документы носят «рамочный» характер и, к сожалению, в должной мере не способствуют реализации программ модернизации и «зеленого»

Таблица 4. Основные документы, регламентирующие эколого-экономическое развитие в Российской Федерации

Название документа	Стратегические цели
Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 года (2008)	Социальное и экологическое благополучие
Энергетическая стратегия России до 2030 года (2010)	Повышение энергоэффективности; повышение доли использования возобновляемых источников энергии
Указ Президента РФ «О некоторых мерах по повышению энергетической и экологической эффективности российской экономики» (2008)	
Указ Президента РФ «Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года» (2017)	
ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (2009)	Охрана окружающей среды, рациональное природопользование и устойчивое развитие
Водная стратегия РФ до 2020 года (2009)	
Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года»	
Государственная программа Российской Федерации «Воспроизводство и использование природных ресурсов» (2014)	
Указ Президента «О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» (1996)	
Экологическая доктрина Российской Федерации (2002)	
Федеральный закон «Об охране окружающей среды» (2002)	
Источник: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».	

роста в приоритетных отраслях экономики. На наш взгляд, необходимо повышение роли государства в данных процессах, в том числе в части финансового участия в проектах государственно-частного партнерства.

При этом устойчивое эколого-экономическое развитие в регионах должно способствовать увеличению объемов произведенной продукции без роста антропогенной и техногенной нагрузки на окружающую среду. Явление, при котором рост экономики сопровождается улучшением (или сохранением на определенном уровне) экологических показателей, называют эффектом декаплинга⁵, достижение которого является одним из ключевых признаков «зеленого» роста. По сути дела, декаплинг свидетельствует о том, что социально-экономическое развитие сопровождается ресурсосбережением и уменьшением процессов деградации окружающей среды [16].

По мнению ученых С.Н. Бобылева и В.М. Захарова, эффект декаплинга можно выразить через показатель природоемкости, который отражает объемы затрат природных ресурсов и (или) загрязняющих веществ на единицу конечного результата (в частности, ВВП) [11].

Выделяют два вида показателя «природоемкость» [16]:

- 1) расход природных ресурсов на единицу конечной продукции;
- 2) количество загрязнений в расчете на единицу конечной продукции.

В целом следует отметить, что экономика России чрезвычайно природоемка. По сравнению с зарубежными странами в России наблюдаются гораздо большие затраты природных ресурсов и энергии на производство единицы продукции (энергоемкость в России больше аналогичного показателя в Японии в 11 раз, Германии – в 7 раз, США – в 4 раза)⁴.

В качестве объекта исследования в данной статье выбран Европейский Север Российской Федерации (в него входят республики Коми и Карелия, Ненецкий автономный

округ, Мурманская, Вологодская и Архангельская области) – территория, составляющая около 8,6% территории России. Север имеет исключительно важное значение во всех аспектах жизнедеятельности планеты Земля, прежде всего в климатическом, меконико-биологическом, природно-ресурсном и этнокультурном [17].

Промышленное производство является основой экономического развития Европейского Севера, поэтому региональная экологическая обстановка определяется масштабом и характером воздействия предприятий черной металлургии, химической промышленности, электроэнергетики, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности, машиностроения и металлообработки. Наличие значительного количества промышленных предприятий на территории области обосновывает необходимость экологизации производства.

К ключевым проблемам экономики субъектов Европейского Севера России относятся высокая энергоемкость ВРП и низкая энергоэффективность, что входит в состав сдерживающих факторов перехода к зеленой экономике (*рис.*).

На территории всех субъектов Европейского Севера РФ значение данного показателя превышает средние по России. Частично это обусловлено северной спецификой данных территорий, однако все равно по показателю энергоемкости они уступают другим северным государствам мира (например, Норвегии, Финляндии и др.).

Многие общероссийские проблемы в экологической сфере остаются открытыми и для территорий Европейского Севера, а именно: преобладание «грязных» производств в экономической деятельности; размещение промышленных объектов в крупных городах; рост количества автотранспорта; низкий уровень технического оснащения производств и постоянное увеличение земельных участков для размещения отходов производства и потребления [18].

⁵ Слово «decoupling» в переводе с английского языка означает «развязывание, развязка, расщепление, разъединение, отделение, нарушение связи».

⁴ Каракеян В.И. Экономика природопользования: учебник для бакалавров. М.: ИД Юрайт, 2012. 576 с.

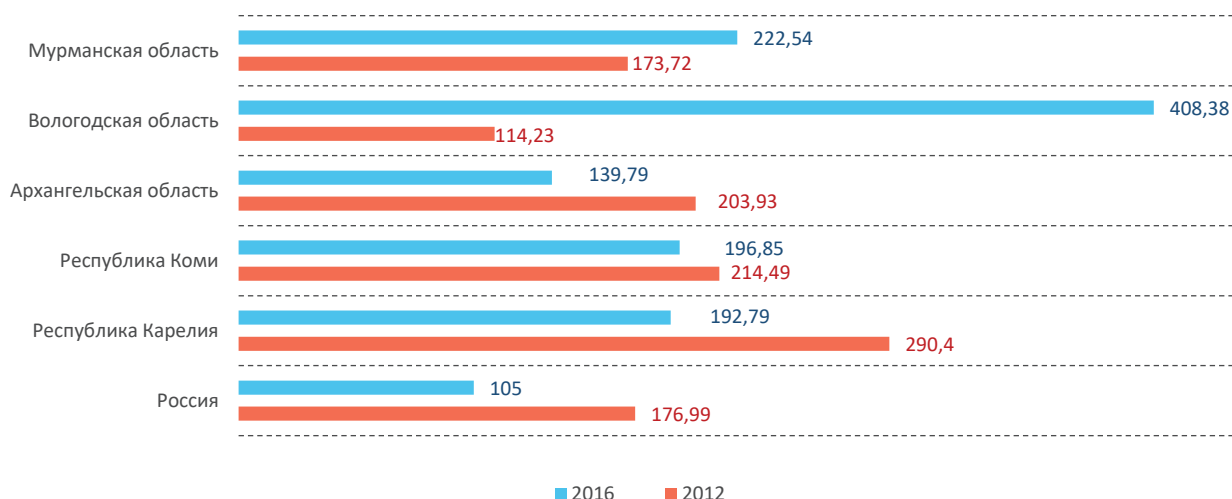

Рис. Энергоёмкость валового регионального продукта, кг у.т. / 10 тыс. руб.

Источник: Федеральная служба государственной статистики.

В 2010–2017 гг. общее количество отходящих загрязняющих веществ от стационарных источников по всем субъектам Европейского Севера снизились почти на 14%. Наибольшее сокращение характерно для Архангельской области (40,3%) и Ненецкого автономного округа (64,5%). В последнем улавливание загрязняющих веществ в течение всего рассматриваемого периода не осуществлялось. В то же время в Вологодской области и Республике Коми произошло увеличение выбросов на 14 и 16% соответственно (табл. 5).

При этом доля уловленных веществ увеличилась в трех субъектах: Республике Коми (57 п. п.), Вологодской (5,5 п. п.) и Архангельской (1,5 п. п.) областях.

Таким образом, результаты проведенного анализа позволяют сделать вывод как о снижении экономической активности в отдельных субъектах ЕСР, так и о снижении эффективности деятельности очистных сооружений, обусловленном в том числе их моральным износом (например, Республика Карелия, Мурманская область).

В Республике Коми и Вологодской области увеличилось и количество выбросов, образованных при производстве, и абсолютное количество уловленных загрязняющих веществ, что свидетельствует о повышении эффективности существующих очистных сооружений. В Архангельской области по-

вышение доли уловленных загрязняющих веществ наблюдалось с уменьшением образования выбросов на 40,3%, что может указывать на модернизацию мощностей в промышленности.

В свою очередь, во всех исследуемых субъектах РФ сброс загрязненных сточных вод увеличился (от 6 до 145%), сокращение данного показателя наблюдается только в Архангельской и Мурманской областях – на 21,3 и 6,2% соответственно (табл. 6).

Наряду с этим в Архангельской, Вологодской и Мурманской областях наблюдается рост объемов оборотной и последовательно используемой воды, свидетельствующий о внедрении на предприятиях безотходных, ресурсосберегающих и экологически чистых технологий, что является одной из предпосылок перехода к зеленой экономике.

На Европейском Севере России по состоянию на 2016 год доля использованных и обезвреженных отходов составляет 21% от общего объема образованных отходов производства и потребления. В 2014 году аналогичный показатель составил 14,6%, в 2012 – 13% (табл. 7).

Лидерами по данному показателю являются Ненецкий автономный округ и Вологодская область (70,8 и 67,7% соответственно). В Ненецком автономном округе увеличению доли используемых и обезвреженных отходов способствовало введение

Таблица 5. Образование загрязняющих веществ (ЗВ), отходящих от стационарных источников, в субъектах Европейского Севера России

Субъект	Показатель	Год						2017 год к 2010 году, %
		2010	2012	2014	2015	2016	2017	
ЕСР	Отходящие ЗВ, тыс. т	7199,0	6118,0	5657,0	5697,0	5648,0	6167,0	85,7
	Доля уловленных ЗВ, %	72,1	70,6	67,6	70,1	71,6	75,9	105,3
Республика Карелия	Отходящие ЗВ, тыс. т	248,0	200,0	175,0	168,0	208,0	219,0	88,3
	Доля уловленных ЗВ, %	56,5	46,5	45,7	42,9	44,2	47,9	84,9
Республика Коми	Отходящие ЗВ, тыс. т	958,0	1101,0	1086,0	976,0	924,0	1115,0	116,4
	Доля уловленных ЗВ, %	37,9	37,5	34,9	37,3	38,4	59,6	157,2
Ненецкий автономный округ	Отходящие ЗВ, тыс. т	282,0	69,0	86,0	102,0	87,0	100,0	35,5
	Доля уловленных ЗВ, %	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Архангельская область	Отходящие ЗВ, тыс. т	951,0	849,0	628,0	599,0	594,0	568,0	59,7
	Доля уловленных ЗВ	72,3	76,3	72,0	73,6	73,4	73,4	101,5
Вологодская область	Отходящие ЗВ, тыс. т	2247,0	2035,0	1602,0	1787,0	1771,0	2566,0	114,2
	Доля уловленных ЗВ, %	78,9	76,8	69,4	74,2	75,1	83,3	105,5
Мурманская область	Отходящие ЗВ, тыс. т	2513,0	1864,0	2080,0	2065,0	2064,0	1599,0	63,6
	Доля уловленных ЗВ, %	88,5	86,1	86,7	86,6	88,8	84,8	95,8

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 437–457.

Таблица 6. Сброс загрязненных вод в водные объекты в субъектах Европейского Севера России, млн м³

Субъект	Показатель	Год						2017 год к 2010 году, %
		2010	2012	2014	2015	2016	2017	
ЕСР	Объем оборотной и последовательно используемой воды	8627,3	8634,1	8501,0	8721,0	8916,4	8464,3	98,1
	Сброс ЗВ	1213,3	1191,1	1134,0	1125,0	1119,4	1283,3	105,8
Республика Карелия	Объем оборотной и последовательно используемой воды	1106,0	1018,0	978,0	963,0	1079,0	1046,0	94,6
	Сброс ЗВ	190,0	177,0	222,0	205,0	221,0	221,0	116,3
Республика Коми	Объем оборотной и последовательно используемой воды	1382,0	1369,0	1497,0	1468,0	1431,0	845,0	61,1
	Сброс ЗВ	117,0	120,0	108,0	117,0	110,0	262,0	145.
Ненецкий автономный округ	Объем оборотной и последовательно используемой воды	10,0	10,0	6,0	14,0	19,0	24,0	140.
	Сброс ЗВ	0,3	0,1	0,0	0,0	0,4	0,3	100,0
Архангельская область	Объем оборотной и последовательно используемой воды	799,0	838,0	848,0	828,0	823,0	886,0	110,9
	Сброс ЗВ	415,0	364,0	336,0	330,0	329,0	325,0	78,3
Вологодская область	Объем оборотной и последовательно используемой воды	3536,0	3658,0	3687,0	3839,0	3956,0	3885,0	109,9
	Сброс ЗВ	152,0	154,0	137,0	145,0	147,0	157,0	103,3
Мурманская область	Объем оборотной и последовательно используемой воды	920,0	1103,0	904,0	1017,0	1022,0	1034,0	112,4
	Сброс ЗВ	339,0	376,0	331,0	328,0	312,0	318,0	93,8

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 437–457.

Таблица 7. Обращение с отходами производства и потребления на территории Европейского Севера России в 2016 году

Субъект	Образование отходов производства и потребления	Использование и обезвреживание отходов производства и потребления		Размещение отходов производства и потребления на объектах, принадлежащих предприятию	
		всего	в % от общего объема образовавшихся отходов производства и потребления	всего	из них захоронено, в % от общего объема размещенных
ЕСР	435408	91292	21,0	362396	83,2
Республика Карелия	134017	17610	13,1	135636	101,2
Республика Коми	5761	1053	18,3	4591	79,7
Ненецкий автономная округ	144	102	70,8	112	77,8
Архангельская область	81036	6308	7,8	74831	92,3
Вологодская область	14859	10059	67,7	3790	25,5
Мурманская область	199591	56160	28,1	143436	84,6

Источник: Основные показатели охраны окружающей среды. 2017: стат. бюл. / Росстат. М., 2017. С. 73–75.

Таблица 8. Размещение отходов производства и потребления* на Европейском Севере России, тыс. т

Территория	Год						2017 год к 2010 году, %
	2010	2012	2014	2015	2016	2017	
Европейский Север	331880	400624	357680	394740	317498	467611,62	93,4
Республика Карелия	85823	129778,6	123459,84	82313,148	115751,58	139007,88	131,2
Республика Коми	5331	5349	5663	6392	4730	20634	97,3
Ненецкий АО	461	2	335	–	112	111,67	2,2
Архангельская область	56822	49740	66982	81524	74727	69300,75	123,5
Вологодская область	4943	4545	10356	98551	486	5241,4	9,4
Мурманская область	223900	210982,3	151243,5	126000	121280	121755	51,8

* Под размещением отходов производства и потребления понимается их хранение и захоронение.
Источник: данные ежегодных докладов органов исполнительной власти субъектов РФ, осуществляющих государственное регулирование в области охраны окружающей среды и природопользования.

двух полигонов для утилизации отходов на Варандейском и Южно-Хыльчюуском месторождениях. В Вологодской области большая доля использованных и обезвреженных отходов обусловлена деятельностью металлургических предприятий. В 2016 году на ПАО «Северсталь» из образовавшихся 6,498 млн т отходов было утилизировано 6,173 млн т (95%).

Количество размещенных отходов в целом уменьшилось на 6,6% (табл. 8). Динамика показателей размещенных отходов главным образом обусловлена количеством отчетов по форме 2-ТП «Отходы», предоставленных в Росприроднадзор. Так, например, в Вологодской области увеличение числа отходов обусловлено воздействием промыш-

ленности г. Череповца (ПАО «Северсталь» и АО «Апатит»). В 2016 году ПАО «Северсталь» размещено 32,99 тыс. т, в 2017 – 370,03 тыс. т, что в 11,2 раза больше, чем в 2016 году. Что касается АО «Апатит» (до 1 ноября 2017 АО «ФосАгро-Череповец»), то в 2016 году данных не представлено, что может быть обусловлено временным хранением отходов на собственной территории; в 2017 году размещено 2,77 млн т отходов производства (53% от общего объема по области).

Аналогичная ситуация отмечалась в 2012 году. Наибольшая доля размещаемых отходов наблюдалась в городе Череповце – 1,2 млн т (из них ОАО «Северсталь» – 989772,8 т), Кадуйском муниципальном районе – 137,5 тыс. т (из них Филиал ОАО «ОГК-2» Черепов-

вещная ГРЭС – 137408,6 т), азотный и фосфорный комплексы ОАО «ФосАгро» отходы производства не размещали. Таким образом, можно сделать вывод о том, что необходимо разработать определенные инструменты, способствующие получению достоверной информации об обращении отходов производства и потребления.

Для реализации устойчивого эколого-экономического регионального развития необходимо достижение эффекта декаплинга – явления, при котором повышается объем производства и уменьшается или не усиливается негативное влияние на окружающую среду. В данной работе предлагается оценить эффект декаплинга через природоемкость – отношение показателя негативного воздействия на окружающую среду (например, выбросы, сбросы, размещенные отходы) к показателю экономической эффективности (например, ВРП). В табл. 9 представлены показатели природоемкости по выбросам загрязняющих веществ в атмосферный воздух за период 2010–2016 гг.⁵

В целом по ЕСР показатель природоемкости по выбросам уменьшился на 22,1%. Максимальное снижение показателя наблюдается в Ненецком автономном округе (на 73,4%). В то же время в Республике Коми природоемкость по выбросам загрязняющих веществ увеличилась на 4,8%, в Республике Карелии – на 4,5%. Снижение природоемкости по выбросам загрязняющих веществ обусловлено увеличением объема уловленных

загрязняющих веществ и некоторым снижением выбросов загрязняющих веществ в атмосферу от предприятий. В целом природоемкость ВРП по выбросам загрязняющих веществ имеет неустойчивую тенденцию к снижению.

Показатели природоемкости по сбросам загрязняющих веществ в водные объекты указаны в табл. 10.

В трех субъектах данный показатель увеличился: в Республике Карелии (на 13,1%), в Республике Коми (на 3,1%) и Ненецком автономном округе (на 14,9%). В целом по Европейскому Северу России за период с 2010 по 2017 год природоемкость снизилась на 9,9%, что обусловлено в том числе увеличением объема оборотной и последовательно используемой воды на предприятиях Вологодской, Архангельской и Мурманской областей.

В 2016 году показатели природоемкости по объему размещенных отходов (табл. 11) увеличились по отношению к показателям 2010 года в Республике Карелии на 31,2% и Архангельской области – на 23,5%. Наименьшее абсолютное значение зафиксировано в Ненецком автономном округе (0,05 т / млн рублей), здесь же отмечается самое большое снижение природоемкости, что обусловлено освоением технологий по обезвреживанию и утилизации отходов производства.

Второй по снижению природоемкости по размещенным отходам является Вологодская область, где уменьшение рассчитывае-

Таблица 9. Природоемкость по выбросам загрязняющих веществ в атмосферу, т / млрд руб.*

Субъект	Год						2016 год к 2010 году, %
	2010	2012	2013	2014	2015	2016	
ЕСР	866,2	760,2	817,3	782,1	721,2	674,7	77,9
Республика Карелия	475,7	464,3	512,8	409,0	411,6	496,9	104,5
Республика Коми	992,4	1127,2	1311,4	1251,7	1102,3	1040,4	104,8
Ненецкий автономный округ	1280,3	330,1	351,4	399,5	433,6	340,5	26,6
Архангельская область	654,6	481,0	405,9	408,5	366,3	369,3	56,4
Вологодская область	1021,2	972,4	1071,9	1024,0	949,1	907,0	88,8
Мурманская область	706,6	632,3	653,9	659,9	652,0	544,8	77,1

* Значение ВРП представлено в постоянных ценах 2016 года.
Рассчитано по: данные Росстата.

⁵ Итоговые значения ВРП за 2017 год по состоянию на февраль 2019 года еще не опубликованы.

Таблица 10. Природоемкость по сбросам загрязняющих веществ в водные объекты, тыс. м³ / млрд руб.

Субъект	Год						2016 год к 2010 год, %
	2010	2012	2013	2014	2015	2016	
ЕСР	522,9	503,9	492,2	484,4	475,9	471,2	90,1
Республика Карелия	836,9	768,1	948,0	955,7	879,0	946,7	113,1
Республика Коми	195,1	196,6	179,6	191,2	210,7	201,1	103,1
Ненецкий автономный округ	1,4	0,5	0,5	0,0	0,0	1,6	114,9
Архангельская область	1032,9	871,2	800,1	779,8	765,1	768,9	74,4
Вологодская область	327,5	316,6	317,9	285,7	298,5	302,3	92,3
Мурманская область	831,7	917,9	808,9	791,4	774,9	732,7	88,1

Рассчитано по: данные Росстата.

Таблица 11. Природоемкость по размещенным отходам, тыс. т / млрд руб.

Субъект	Год						2016 год к 2010 году, %
	2010	2012	2013	2014	2015	2016	
ЕСР	143,0	169,5	215,4	152,8	167,0	133,6	93,4
Республика Карелия	378,0	563,2	555,5	531,5	352,9	495,8	131,2
Республика Коми	8,9	8,8	8,4	10,0	11,5	8,6	97,3
Ненецкий автономный округ	2,1	0,1	0,1	0,1	–	0,05	2,2
Архангельская область	141,4	119,0	131,9	155,5	189,0	174,7	123,5
Вологодская область	10,6	9,3	245,5	21,6	202,9	1,0	9,4
Мурманская область	549,3	515,1	481,8	361,6	297,7	284,8	51,8

Рассчитано по: данные Росстата.

мого показателя определено значительным уменьшением количества размещаемых отходов в 2016 году и высокой долей утилизированных отходов. Следует отметить, что в динамике показателей природоемкости по размещенным отходам также не наблюдается устойчивой тенденции к снижению.

Так как эффект декаплинга подразумевает процесс устойчивого долговременного, прогнозируемого и управляемого рассогласования трендов экономического роста и загрязнения окружающей среды, можно сделать вывод о том, что на Европейском Севере России не наблюдается эффекта декаплинга ни по одному из анализируемых показателей. Также следует отметить, что абсолютные показатели природоемкости экономики Европейского Севера России остаются выше средних по России и миру. Таким образом, несмотря на наметившиеся определенные положительные тенденции к улучшению экологической ситуации, в целом антропогенная нагрузка на окру-

жающую среду территорий Европейского Севера остается высокой.

Главными для снижения природоемкости и нагрузки на окружающую среду являются структурные сдвиги в экономике, модернизация и технологические изменения, широкое использование новых технологий природопользования. Внедрение зеленой экономики предусматривает модернизацию производственно-технологического комплекса в отраслях современной экономики и является существенным стимулом разворачивания в различных секторах инновационных процессов [19].

Для финансового обеспечения защиты окружающей среды от антропогенного воздействия с каждого предприятия-природопользователя взимается определенный набор природоресурсных платежей, одной из функций которых является компенсация за пользование ресурсами и негативное воздействие на окружающую среду (средства, полученные от таких платежей, должны

быть направлены на природоохранную деятельность и воспроизводство природных ресурсов). Для определения выполнения компенсационной функции природоресурсных платежей была рассчитана доля затрат на природоохранную деятельность (табл. 12).

Наибольшая доля затрат от природоресурсных платежей, направленных на природоохранную деятельность, наблюдается в Вологодской области – 8,8%; из федерального бюджета наибольшая доля затрат приходится на Архангельскую область – 25,6%, наименьшая – Коми (0,5%). В целом можно сделать вывод о том, что природоресурсные платежи, взимаемые с промышленных предприятий Европейского Севера РФ, в большей степени выполняют фискальную функцию (на природоохранную деятельность от поступивших средств расходуется не более 2%).

Таким образом, в результате проведенного анализа научной литературы, а также существующих тенденций развития было выявлено, что основными проблемами эколого-экономического развития регионов Европейского Севера России, в том числе ограничивающими возможности перехода к зеленой экономике, являются следующие:

- высокая энергоемкость и природоемкость региональной экономики, что препятствует появлению устойчивого эффекта декарпинга;
- использование морально устарелых производственных технологий, высокий износ очистных сооружений, что обуславливает увеличение сброса загрязняющих веществ и антропогенной нагрузки на природно-хозяйственную систему;

- низкая доля повторно использованных ресурсов в производственном процессе, обезвреженных отходов производства и потребления;

- отсутствие сформированного институционального и финансового обеспечения поддержки мероприятий по переходу к зеленой экономике;

- недостаток объективной информации об объемах антропогенной нагрузки на природу со стороны хозяйствующих субъектов региона (например, об обращении отходов производства и потребления);

- нецеленаправленный и неэффективный расход средств, полученных от природоресурсных платежей.

В решении данных проблем с учетом успешного зарубежного и отечественного опыта, на наш взгляд, эффективным представляется использование следующих инструментов, внедрение которых является одной из первоочередных задач деятельности федеральных и региональных органов власти (табл. 13).

Экологический аудит представляет собой независимую комплексную документированную оценку соблюдения юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем требований, в том числе нормативов и нормативных документов, федеральных норм и правил в области охраны окружающей среды, требований международных стандартов, и подготовку рекомендаций по повышению экологизации производства. Предлагаемый экологический аудит должен быть обязательным, внешним, регулярным (не менее двух раз в год) с последующим выполне-

Таблица 12. Доля затрат на природоохранную деятельность от природоресурсных платежей (2016 год), %

Регион	Всего	Федеральный бюджет	Областной (республиканский) бюджет
Архангельская область (включая Ненецкий АО)	7,6	25,6	5,8
Вологодская область	8,8	15,1	6,8
Мурманская область	3,9	0,0	5,1
Республика Карелия	6,4	4,0	0,0
Республика Коми	0,5	н/д	17,9
Европейский Север России	1,5	0,3	6,7
Источник: расчеты авторов.			

Таблица 13. Инструменты управления процессами перехода к зеленой экономике в регионе

Инструменты	Его задачи
1. Обязательный экологический аудит	1. Соблюдение субъектом нормативно-правовых требований. 2. Анализ и оценка хозяйственных проектов с точки зрения экологии. 3. Идентификация экологических проблем производств. 4. Подготовка рекомендаций для повышения экологизации производства. 5. Определение достоверности предоставляемых данных в Росприроднадзор
2. Создание региональных экологических фондов	1. Источник господдержки для предприятий, реализующих природоохранную деятельность. 2. Целенаправленный расход средств, полученных от природоресурсных платежей 3. Совершенствование очистных технологий и оборудования, используемых на предприятиях
3. Торговля квотами на ограниченное загрязнение	1. Снижение уровня негативного воздействия на окружающую среду (НВОС) путем стимулирования предприятий к внедрению экологически чистых технологий. 2. Ограничение принятия взыскательных мер для направления средств на природоохранные мероприятия

нием всех предписаний. По нашему мнению, данный инструмент поможет предприятиям соответствовать экологическим требованиям, предъявляемым государством. При первичном аудите должен быть составлен перечень рекомендаций и показателей, которые необходимо выполнить, а при вторичном – установлено их выполнение. Это будет являться важным инструментом на первом этапе формирования организационного обеспечения процессов перехода к зеленой экономике.

На наш взгляд, целесообразно вернуться к практике деятельности экологических фондов, упраздненных в 2001 году. Функционирование региональных экологических фондов будет направлено на концентрацию и целенаправленное использование финансовых средств на реализацию инвестиционных проектов, ориентированных на модернизацию производств с учетом обеспечения экологической безопасности производства. При таком подходе природоресурсные платежи будут расходоваться для эколого-экономического развития региона [20].

Поступление средств в фонды может осуществляться за счет:

1) платежей при пользовании природными ресурсами (плата за негативное воздействие на окружающую среду, платежи при пользовании недрами и т. д.);

2) сборов и платежей за пользование природными ресурсами (пользование объектами животного мира, объектами водных биологических ресурсов);

3) штрафов, санкций, возмещения ущерба (денежные взыскания за нарушение законодательства об экологической экспертизе, в области охраны окружающей среды и др.);

4) добровольных отчислений физических и юридических лиц (как отечественных, так и зарубежных).

Деятельность фонда будет выступать в качестве финансового обеспечения поддержки мероприятий по переходу к зеленой экономике в регионе, реализации экологических проектов на принципах государственно-частного партнерства.

Возможно в перспективе применение торговли квотами на ограниченное загрязнение. Квоты следует применять не на эмиссию парниковых газов, а на выбросы, сбросы и размещение отходов в целом. Каждый субъект располагает ограниченным количеством квот (прав) на ограниченный сброс, выброс или размещение отходов. Количество квот для субъекта может рассчитываться исходя из численности его населения, количества промышленных предприятий, антропогенной нагрузки и регламентировать целевой предельный уровень воздействия на окружающую среду. Если уровень воздействия на окружающую среду оказывается ниже целевого предельного, тогда предприятие может продать свои неиспользованные квоты другим фирмам.

Хозяйствующие субъекты, которым не удастся достигнуть целевых показателей, могут запросить возможность продать огра-

ниченное количество квот у предприятий, уменьшивших воздействие ниже целевого уровня. С предприятия, превышающего целевые показатели и не располагающего нужным количеством квот на воздействие на окружающую среду, будут взяты штрафы и плата за сверхлимитные выбросы, сбросы и размещение отходов. Иными словами, данный инструмент будет способствовать снижению уровня негативного воздействия на окружающую среду (НВОС) путем стимулирования предприятий к использованию экологически чистых технологий.

Таким образом, внедрение принципов зеленой экономики в России, на наш взгляд, должно осуществляться через эколого-экономическое развитие, при котором экономический рост сопровождается снижением антропогенной нагрузки на окружающую среду. Следует отметить, что в РФ в настоящее время практически отсутствует институциональное обеспечение перехода к зеленой экономике; сложности также обусловлены высокой природоемкостью экономики, нецеленаправленным расходом средств, полученных от природоресурсных платежей, и значительным уровнем физического и морального износа технических средств, что оказывает влияние на аварийность и вероятность экологических проблем.

На основе анализа зарубежного и отечественного опыта разработаны перспективные инструменты управления процессами перехода к зеленой экономике, а именно: проведение обязательного экологического аудита для установления объективных данных о воздействии на окружающую среду; создание региональных экологических фондов для финансовой поддержки природоохранной деятельности предприятий; торговля квотами на ограниченное воздействие на окружающую среду. Их внедрение на практике позволит перейти экономике на «зеленый» рост.

Научная новизна исследования заключается в использовании методического инструментария расчета эффекта декарбонизации для экономики северного региона в целом, а не для определенной ее сферы (черной металлургии, химической отрасли и т. п.). Это позволило доказать сохранение в регионах Европейского Севера России большинства тенденций, характерных для «коричневого» роста экономики. На основе анализа лучшей мировой практики и с учетом существующих проблем эколого-экономического развития исследуемой территории были научно обоснованы инструменты управления процессами перехода к зеленой экономике в северном регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кальнер В.Д. Рейтинговая индустрия и реалии «зеленой экономики» России. Ч. 2. // Экология и промышленность России. 2013. № 8. С. 53–56. DOI: 10.18412/1816-0395-2013-8-53-56
2. Порозов П.Е. К вопросу перехода к «зеленой» экономике // Европейская зона Российской Арктики: мат-лы Всерос. науч. конф. (с международ. участием): в 2-х ч. Сыктывкар, 2017. С. 240–246.
3. Pearce D., Markandya A., Barbier E. *Blueprint for a Green Economy*. London: Earthscan Publications Ltd., 1989. 192 p.
4. Aceleanu M.I. Green jobs in a green economy: Support for a sustainable development. *Progress in Industrial Ecology*, 2015, no. 9, pp. 341–355.
5. Терешина М.В., Дегтярева И.Н. «Зеленый» рост и структурные сдвиги в экономике: попытка теоретико-методологического анализа // Теория и практика общественного развития. 2016. № 5. С. 246–248.
6. Cameron A. *A guidebook to the Green Economy*. New York, 2012. 65 p.
7. Фюкс Р. Зеленая революция: экономический рост без ущерба для экологии: пер. с нем. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 330 с.
8. Порфирьев Б.Н. Природа и экономика: риски взаимодействия (эколого-экономические очерки) / под ред. В.В. Ивантера. М.: Анкил, 2011. 352 с.
9. Яшалова Н.Н. Зеленая экономика: региональный аспект. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2014. 207 с.

10. Зомонова Э.М. Стратегия перехода к «зеленой» экономике: опыт и методы измерения. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2015. 283 с.
11. Бобылев С.Н., Захаров В.М. «Зеленая» экономика и модернизация. Эколого-экономические основы устойчивого развития // На пути к устойчивому развитию России: бюл. 2012. № 60. С. 3–89.
12. Карпов В.К. «Зеленая экономика» – будущее экономики мира // Теория и практика мировой науки. 2017. № 5. С. 69–76.
13. Селищева Т.А. «Зеленая» экономика как модель устойчивого развития стран ЕАЭС // Проблемы современной экономики. 2018. № 3 (67). С. 6–12.
14. Онищенко М.В. Международный опыт развития «зеленой» экономики // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 3 (36). С. 409–413.
15. Яшалова Н.Н. «Зеленая» экономика: вопросы территории и направления развития // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 11. С. 33–40.
16. Акулов А.О. Эффект декаплинга в индустриальном регионе (на примере Кемеровской области) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 4 (28). С. 177–185.
17. Лаженцев В.Н. Северная специфика научно-исследовательских работ и региональной политики (пример регионов ресурсного типа) // Экономика региона. 2012. № 3. С. 10–21.
18. Скуфьина Т.П. Альтернативы развития российского Севера // Региональная экономика: теория и практика. 2011. № 4. С. 2–10.
19. Проблемы экономического роста территории: монография / Т.В. Ускова [и др.]. Вологда: ИСЭРТ РАН. 2013. 170 с.
20. Лебедева М.А. Механизм формирования экологических фондов на территории Европейского Севера России // Вектор экономики. 2018. № 12. URL: <http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2018/12/regionaleconomy/Lebedeva.pdf>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кожевников Сергей Александрович – кандидат экономических наук, заведующий лабораторией пространственного развития и размещения производительных сил отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах, старший научный сотрудник. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-10.

Лебедева Марина Анатольевна – инженер-исследователь отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: lebedevamarina1@mail.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-10.

Kozhevnikov S.A., Lebedeva M.A.

PROBLEMS OF TRANSITION TO GREEN ECONOMY IN THE REGION (BASED ON MATERIALS OF THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA)

In the context of the need to ensure high rates of economic growth of the country and its regions, one of the promising areas of eliminating the existing environmental, economic and social risks is to ensure sustainable development of territories through the transition to green economy. Despite the significant amount of work devoted to the study of green economy, the management aspects of transition to it at the regional level are still poorly understood. In this regard, the purpose of this work is to study the problems, as well as the development of tools to improve the management

of transition to green economy in the region. The main problems limiting the transition to green economy in the entities of the European North of Russia were identified. Among them are moral and physical deterioration of treatment facilities, increased discharge of pollutants into water, high environmental intensity of the regional economy on emissions and discharges of pollutants, as well as waste production and consumption, high energy intensity and non-target consumption of funds received from natural resource payments. Based on the study of foreign experience in the implementation of the most successful practices of transition to green economy, organizational and financial tools and mechanisms such as mandatory environmental auditing of enterprises, creation of regional environmental funds aimed at supporting the introduction of eco-friendly technologies by economic entities, and emission trading were proposed. The use of these tools is focused on obtaining objective data on the negative impact on the environment, reducing anthropogenic and technology-related load on ecosystems. The results can be useful to the authorities and management bodies for developing measures and areas to ensure sustainable environmental and economic development of the region, as well as for improving the regional environmental policy.

Sustainable development, green economy, decoupling, environmental funds, environmental auditing, environmental and economic development, European North of Russia.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kozhevnikov Sergei Aleksandrovich – Ph.D. in Economics, Head of the Laboratory for Spatial Development and Distribution of Productive Forces at the Department for Issues of Socio-Economic Development and Management in Territorial Systems. Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

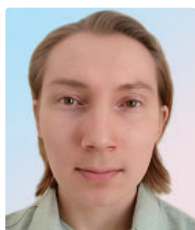
Lebedeva Marina Anatol'evna – Research Engineer at the Department for Issues of Socio-Economic Development and Management in Territorial Systems. Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: lebedevamarina1@mail.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

DOI: 10.15838/ptd.2019.4.102.5

УДК 338.3 | ББК 43.9

© Шишелов М.А.

ОЦЕНКА ПРОИЗВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕНИЯ ДРЕВЕСНОГО БИОТОПЛИВА В РЕСПУБЛИКЕ КОМИ¹

ШИШЕЛОВ МАКСИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук
Россия, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26
E-mail: shishelov.maksim@gmail.com
ORCID: 0000-0002-3568-3636; ResearcherID: N-5586-2016

Цель данной работы – всестороннее изучение отрасли биоэнергетики Республики Коми. Основные задачи – анализ производства и потребления древесного биотоплива в регионе. В исследовании показано, что развитие переработки древесных отходов является общемировым трендом и способно существенно повысить эффективность использования ресурсов в лесном комплексе. Для лесных субъектов России и Республики Коми в частности наращивание мощностей по производству и потреблению древесного биотоплива является основным направлением решения проблемы переработки отходов лесопильных и деревообрабатывающих производств. В то же время выявлено, что в службе государственной статистики данные, характеризующие развитие переработки древесных отходов, не выделены в отдельный вид экономической деятельности и учитываются в скрытой форме по основным видам деятельности предприятий. Это положение существенно ограничивает анализ деятельности отрасли биоэнергетики и эффективности управления ею органов государственной власти. Отсутствие доступной информации потребовало разработки авторской методики исследования процессов производства и потребления древесного биотоплива в отрасли биоэнергетики Коми, основанной на сборе данных из

Для цитирования Шишелов М.А. Оценка производства и потребления древесного биотоплива в Республике Коми // Проблемы развития территории. 2019. № 4 (102). С. 89–104. DOI: 10.15838/ptd.2019.4.102.5

For citation: Shishelov M.A. Evaluation of production and consumption of wood biofuel in the Komi Republic. *Problems of Territory's Development*, 2019, no. 4 (102), pp. 89–104. DOI: 10.15838/ptd.2019.4.102.5

¹ Статья подготовлена по результатам НИР «Анализ рынка потребления древесного биотоплива в Республике Коми и производственных мощностей по производству биотоплива» в рамках победы в конкурсе исследовательских грантов по биоэнергетике АНО ДО «Центр «Экологически чистое производство», г. Москва, 2016 год.

открытых источников, запросах информации в госучреждениях, выборочном интервьюировании руководителей предприятий. Результаты исследования показали, что в 2014–2017 гг. на основе совместной работы правительства республики и предприятий было создано 13 производств топливных гранул и брикетов с совокупной мощностью 95 тыс. т в год, с объемом инвестиций более 186 млн руб. Вместе с тем фактическое производство древесного биотоплива в Республике Коми в данный период было значительно ниже проектного, а основной объем продукции сбывался предприятиями на внутреннем рынке. Ключевыми сегментами потребления являются коммерческий сектор и население, затем следует коммунальная биоэнергетика и бюджетной сферы муниципалитетов региона. Таким образом, полученные данные имеют важное практическое значение для управления развитием производства и потребления древесного биотоплива в Коми.

Переработка отходов, древесное биотопливо, лесной комплекс, биоэнергетика.

Введение

По оценкам Всемирного банка, доля природного капитала в структуре национального богатства России составляет около 70%, в то время как на человеческий капитал приходится 20%, а на физический (произведенный, искусственно созданный) – 10% богатства. В развитых странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) на природный капитал приходится всего около 5%, на человеческий и физический – соответственно 85% и 10% [1]. Огромный природно-ресурсный потенциал России имеет глобальное значение. Леса формируют 1/5 национального богатства страны [2] и имеют существенное значение для настоящего и будущего всего человечества: на их долю приходится более 20% площади лесов планеты, и следовательно, они играют важную экологическую и экономическую роль на местном, национальном и глобальном уровне. Однако вклад лесного комплекса (ЛК) в ВВП составляет всего 1%, в промышленную продукцию – 4%, в численность занятых – 1%, в экспортную валютную выручку – 2%. Все эти факты свидетельствуют о том, что лесной потенциал России существенно недоиспользуется [3].

Развитие биоэнергетики на федеральном и региональном уровне с использованием в качестве основного сырья древесных отходов является одним из базовых условий повышения ресурсоэффективности ЛК России, главенствующего принципа зеленой экономики. Сами по себе отрасли лесной промышленности при должном уровне развития очень рационально управляют ресур-

сами. Древесина используется в качестве сырья в процессе производства, а затем отходы применяются для выпуска биотоплива и когенерации возобновляемой энергии из биомассы. Это позволяет комплексу быть гораздо менее зависимым от энергии и получать дополнительный доход от продажи возобновляемого топлива².

Общемировые тенденции развития энергии на базе древесины таковы, что рынки продолжают расти прежде всего за счет увеличивающегося спроса в европейском регионе и формирующихся новых рынков Азии. Страны Европы являются крупнейшими потребителями биотоплива в мире, с 2002 по 2012 год спрос с их стороны увеличился на 45,6%, а доминирующие позиции в торговле энергоносителями на базе древесины заняли топливные древесные гранулы. В 2012 году основными экспортёрами древесных гранул в Европу являлись Соединенные Штаты, за которыми следовали Канада и Российская Федерация³.

В 2016 году чистый экспорт топливных древесных гранул Российской Федерации увеличился по сравнению с 2015 годом на 15,4% и несколько превысил 1 млн т, при этом его основным направлением являлась Европа. Две трети объема экспорта в 2016 году приходилось на пять крупнейших экспортных партнеров – Данию, Швецию, Ре-

² Ресурсоэффективная Европа. URL: http://ec.europa.eu/environment/resource_efficiency/index_en.htm

³ Ежегодный обзор рынка лесных товаров, 2012–2013 годы // Женевское исследование по сектору лесного хозяйства и лесной промышленности № 33. ООН, Женева, 2013. 214 с.

спублику Корею, Бельгию и Соединенное Королевство. Снижение курса рубля повысило конкурентоспособность российских производителей топливных древесных гранул в целом и тех из них, кто находится в отдаленных районах в частности⁴.

Производство и потребление древесного биотоплива является почти неисследованным вопросом деятельности ЛК республики. Отдельные вопросы развития отрасли освещены в журналах Леспроминформ [4; 5]. Попытки оценки объема образующихся древесных отходов в свое время принимались в работах сотрудников ИСЭ и ЭПС КНЦ УрО РАН и хоздоговорах на выполнение НИР со стороны Министерства инвестиций, промышленности и транспорта РК.

На общероссийском уровне проблемы использования древесных отходов также недостаточно изучены. Большинство публикаций направлено на описание технологического процесса производства древесного биотоплива [6–9] или перспектив ЛК страны и регионов по его выпуску [10–13]. В работах других авторов, посвященных развитию отечественного ЛК, использованию и потреблению древесных отходов внимание почти не уделяется [14–17].

В странах Европейского союза, напротив, вопросы переработки древесных отходов всесторонне изучены. Приняты основополагающие стратегии и программы развития биоэнергетических и биохимических отраслей, издаются всеобъемлющие аналитические доклады [18; 19]. В работах авторов различные аспекты производства и потребления древесного биотоплива освещены всесторонне [20; 21].

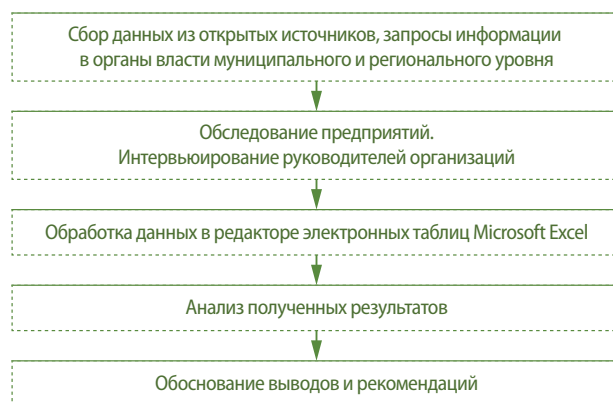
Данное обстоятельство делает актуальным исследование, заключающееся в комплексном изучении производства и потребления древесного биотоплива в РК, а новизна работы не вызывает сомнений.

Методика исследования

Выполнение работы сопровождалось сбором и обобщением значительного объема

разрозненных данных, усложняемыми тем, что официальные органы государственной статистики России не выделяют в качестве отдельного вида деятельность предприятий, занимающихся производством древесного биотоплива. А ключевые показатели функционирования, такие как количество организаций, объем отгруженной продукции и производства, учитываются в смежных видах экономической деятельности (ВЭД). Так, на примере РК было выявлено, что хозяйственные результаты предприятий по производству древесного биотоплива учитываются в ВЭД «Производство целлюлозы, древесной массы, бумаги, картона и изделий из них».

Отсутствие комплексных исследований рынка производства и потребления древесного биотоплива в РК и России в целом, апробированных подходов, а также доступной информации потребовало разработки авторской методики, позволившей комплексно подойти к решению поставленных задач и достичь цели исследования (рис. 1).

Рис. 1. Методика исследования развития производства и потребления древесного биотоплива в Республике Коми

Источник: составлено автором.

1. На первом этапе работы проводились сбор данных из открытых источников, формирование информационных запросов в муниципальные и региональные органы власти, получение данных, на основе которых был сформирован перечень производителей древесного биотоплива РК.

⁴ Ежегодный обзор рынка лесных товаров, 2016–2017 годы // Женевское исследование по сектору лесного хозяйства и лесной промышленности № 41. ООН, Женева, 2013. 188 с.

2. Следующим шагом стало обследование предприятий, включающее в себя интервьюирование руководителей организаций и экспертов развития отрасли биоэнергетики, в результате которого опрошено 10 из 13 собственников предприятий, а также 5 экспертов.

3. На третьем этапе производилась обработка полученных данных посредством текстового процессора Microsoft Excel, в результате которой были определены суммарные производственные мощности древесного биотоплива в РК, уровень использования оборудования и объемы потребления по ключевым сегментам.

4. Четвертым шагом стал анализ особенностей развития производства древесного биотоплива в ЛК РК, а также потребления в коммунальной биоэнергетике региона, объектами бюджетной сферы, населением и организациями.

5. На заключительном этапе выделены проблемы производства и потребления древесного биотоплива в РК, обоснованы выводы и рекомендации.

Таким образом, предложенная методика позволила решить задачи, поставленные в исследовании, провести комплексную оценку производства и потребления древесного биотоплива в Республике Коми. Основными источниками информации выступили данные предприятий, Министерства инвестиций, промышленности и транспорта РК и Коми тепловой компании.

Анализ полученных результатов

Общая характеристика отрасли

Первые попытки запуска производства по переработке древесных отходов в биотопливо предпринимались на территории республики в 2006 году. Однако заметным явлением биоэнергетика на территории региона стала несколько лет назад. Перевод котельных ОАО «Коми тепловая компания» (КТК), которые до этого работали на угле, мазуте или электричестве, на биотопливо сформировал устойчивый спрос на продукцию и послужил катализатором для появления производств, занимающихся переработкой древесных отходов (рис. 2).

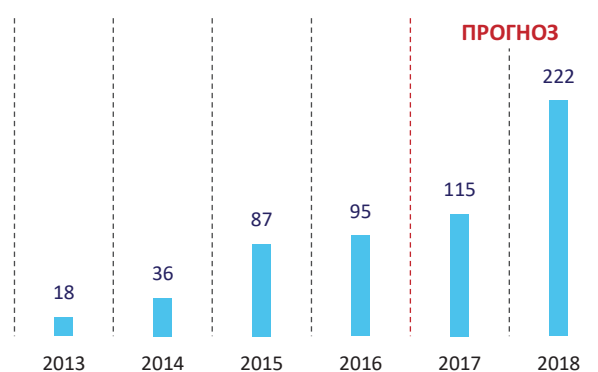

Рис. 2. Динамика развития производства древесного биотоплива в Республике Коми в 2013–2018 гг., тыс. т

Составлено по: данные Министерства инвестиций, промышленности и транспорта РК.

В 2016 году правительством региона утверждена «Дорожная карта развития биоэнергетики РК до 2020 года»⁵. В результате ее реализации создано 13 производств топливных гранул и брикетов с общей мощностью около 95 тыс. т в год, на которых занято более 130 человек (табл. 1).

Анализ представленных данных выявил следующую картину распределения существующих мощностей по производству древесного биотоплива:

- лидером по проектному выпуску продукции является Троицко-Печорский район с объемом 36 тыс. т / год, который поровну поделили «ПечораЭнергоРесурс» с топливными гранулами и «Азимут» с брикетами; на предприятиях занято 24 чел., объем инвестиций в создание производств составил 77,4 млн руб.;

- на втором месте располагается Усть-Куломский район с годовым выпуском в размере 21,5 тыс. т / год. На «ТБ Усть-Кулом» приходится 10 тыс. т / год брикетов, чуть большее количество продукции – на «ИП Белый», производящий брикеты и пеллеты. На предприятиях трудятся 38 чел., а сумма инвестиций составила 48,9 млн руб.;

- в городском округе (ГО) Сыктывкара сосредоточено 5 из 13 ныне действующих предприятий: «Веста», «Лес-Инвест», «Гудшип» (выпускают пеллеты), «СевЛесПил» и

⁵ http://www.biotoprk.ru/files/docs/gos_p_min-prom_rasp_n269p.pdf

Таблица 1. Характеристика действующих предприятий в 2017 году

№	Название организации	Район	Продукция	Мощность тыс. т / год (проект.)	Мощность тыс. т / год (факт.)	Зан., чел.	Инвест., млн руб.
1	«ПечораЭнергоРесурс»	Троицко-Печорский	Пеллеты	18	12	12	54
2	«Азимут»		Брикеты	18,04	3	16	23,4
3	«ТБ Усть-Кулом»	Усть-Куломский	Брикеты	10	9	30	13,9
4	«ИП Белый»		Брикеты/пеллеты	11,52	11	8	35
5	«СевЛесПил»	г. Сыктывкар	Брикеты	7,32	6,7	4	6,4
6	«Веста»		Пеллеты	5,4	3	15	4,1
7	«Лес-Инвест»		Пеллеты	4	3,75	16	15
8	«Гудшип»		Пеллеты	3,2	1	4	3,8
9	«ГУФСИН, г. Сыктывкар»		Брикеты	3,38	3,1	10	7
10	«Вендинга-лес»	Удорский	Брикеты	3,38	1	9	7
11	«НордБери»		Брикеты	3,38	0	9	7
12	«ИП Шихсаидов Ш.А.»		Брикеты	3,38	0	6	7,5
13	«Фасад плюс»	Усть-Вымский	Брикеты	3,24	2,31	8	2,5
Итого по Коми				94,78	55,86	133	186,6

Составлено по: данные предприятий, Министерства инвестиций, промышленности и транспорта РК.

«ГУФСИН Сыктывкар» (брикеты); объемы производства на предприятиях – от 3 до 5 тыс. т / год, суммарный – 23,3 тыс. т / год, занято 39 чел., инвестировано 36,3 млн руб.;

– «Вендинга-Лес», «ИП Шихсаидов» и «НордБери» ведут свою деятельность в Удорском районе, обладая совокупной мощностью чуть более 10 тыс. т / год брикетов, формируя занятость для 24 жителей района; на создание линий затрачено 21,5 млн руб.;

– предприятие «Фасад плюс» находится в пгт Жешарт Усть-Вымского района на территории «Жешартского фанерного комбината», перерабатывает отходы, образующиеся при производстве фанеры, в топливные брикеты; годовой объем отгрузки составляет 3,2 тыс., занятость – 8 чел., инвестиции – 2,5 млн руб.

Таким образом, максимальные мощности по производству древесного биотоплива республики сосредоточены в Троицко-Печорском районе, затем следуют г. Сыктывкар, Усть-Куломский, Удорский и Усть-Вымский районы. Наибольшая локализация производства наблюдается в столице региона – 5 из 13 предприятий. В течение 2017–2020 гг. планируется ввод в эксплуатацию ряда дополнительных линий на действующих пред-

приятиях и создание новых, что в конечном итоге приведет к более чем двукратному росту объемов производства [17].

Фактический объем выпуска древесного биотоплива в 2017 году, по данным, представленным предприятиями, составил 55,8 тыс. т, из которого 85% реализовано на территории региона, 11% экспортировано и 4% вывезено в другие субъекты России (рис. 3).

Рис. 3. Структура сбыта древесного биотоплива производителями Республики Коми в 2017 году
Составлено по: данные предприятий.

В 2017 году внутренний спрос обеспечили 12 предприятий, значительная часть из которых удовлетворяла потребности в топливных пеллетах и брикетах организаций и населения г. Сыктывкара. Предприятия, расположенные в муниципалитетах республики, поставляли свою продукцию на котельные Коми тепловой компании (КТК) и в столицу региона, частично реализовали населению районов. Экспортировали древесное биотопливо два производителя республики. «ПечораЭнергоРесурс» 50% выпускаемых пеллет реализует за рубежом, а другую половину на территории Коми, «Фасад плюс» весь объем вывозит в субъекты России.

Производственные мощности

На предприятиях РК, выпускающих древесное биотопливо, применяются как отечественное, так и зарубежное оборудование и все возможные его комбинации (табл. 2).

Производители древесного биотоплива республики используют прессы 7 различных типов, мощностью от 450 до 2000 кг/час. На 3 из 13 предприятий применяются отечественные прессы разработки компании «Доза-Гран», остальные изготовлены немец-

кими, датскими и латвийскими компаниями. На большинстве производств функционирует одна технологическая линия, исключение – «Азимут», где уже запущено 2 дополнительных. Многие из предприятий планируют увеличить объема выпуска продукции.

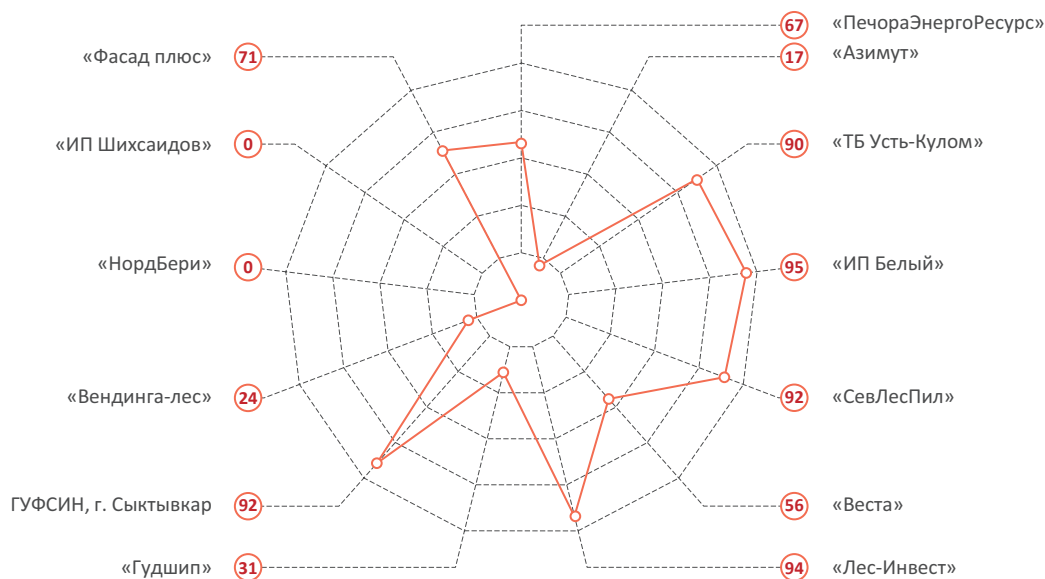
Фактическое производство биотоплива на перерабатывающих древесные отходы предприятиях Коми, по данным, предоставленным предприятиями, в 2017 году оказалось значительно ниже проектного – 55,8 против 94,8 тыс. т. С одной стороны, неполное использование производственных мощностей объясняется желанием собственников увеличить срок службы оборудования, изнашивающегося от эксплуатации при полной загрузке, с другой стороны, воздействие оказывают другие факторы, такие как локальное отсутствие спроса, поломка оборудования, дефицит финансовых средств, нехватка сырья и работников, сезонные колебания температуры и влажности. Уровень использования производственных мощностей в разбивке по предприятиям представлен на рис. 4.

Загрузка производственных мощностей в среднем по отрасли за анализируемый период составила около 56% и изменялась от

Таблица 2. Характеристика используемого оборудования

Название организации	Оборудование (пресс)	Количество линий, ед.	Производ., кг/час	Продукция	Стандарты качества / форм-фактор
«ПечораЭнергоРесурс»	RMP-660	1	2000	Пеллеты	DNplus / Цилиндр
«Азимут»	RUF-600, ВР-420А, Доза-Гран	3	2000	Брикеты	RUF, Nestro / Прямоугольник, Цилиндр
«ТБ Усть-Кулом»	Nielsen ВР 5000	1	1200	Брикеты	Nestro / Цилиндр
«ИП Белый»	MUNCH	1	1500	Брикеты/пеллеты	RUF, DNplus / Прямоугольник, Цилиндр
«СевЛесПил»	Nielsen ВР / Andritz	2	1500	Брикеты/пеллеты	Nestro, ENplus / Цилиндр
«Веста»	Доза-гран	1	500	Брикеты	DNplus / Цилиндр
«Лес-Инвест»	ВР-420А	1	800	Пеллеты	DNplus / Цилиндр
«Гудшип»	Доза-гран	1	500	Пеллеты	DNplus / Цилиндр
«ГУФСИН, г. Сыктывкар»	ВР-420А	1	900	Брикеты	RUF / Прямоугольник
«Вендинга-лес»	ВР-420А	1	800	Брикеты	Nestro / Цилиндр
«НордБери»	ВР-420А	1	800	Брикеты	Nestro / Цилиндр
«ИП Шихсаидов»	ВР-420А	1	800	Брикеты	Nestro / Цилиндр
«Фасад плюс»	ВР-420А	1	450	Брикеты	RUF/ Прямоугольник

Составлено по: данные предприятий.

Рис. 4. Использование производственных мощностей производителями биотоплива Республики Коми в 2017 году, %
Составлено по: данные предприятий.

0 до 95% по предприятиям. О самых низких значениях сообщили «НордБери», «ИП Шихсаидов», «Вендинга-лес», «Азимут» и «Гудшип», что было обусловлено для первых трех полным и частичным отсутствием сбыта продукции (предприятия расположены в Удорском районе, спрос населения 500 т в год полностью удовлетворен, КТК на данный момент приобретает только 250 т в году «Вендинга-лес»), доводкой введенных в эксплуатацию дополнительных линий – для второго и нехваткой средств для приобретения линии сушки и транспортировки сырья (продукция производится из сухих опилок, вручную подаваемых в пресс) – для третьего. Близкие к заявленным характеристикам объемы производства продукции указали только 5 из 13 предприятий. В целом при использовании оборудования на 56% от проектной мощности производители древесного биотоплива РК выпустили 22,5 тыс. т топливных брикетов и 33,2 тыс. т пеллет.

При проектном выходе 95 тыс. т готовой продукции в год отрасль производства древесного биотоплива должна перерабатывать около 130 тыс. т отходов, что составляло бы менее 10% от всего образующегося объема в ЛК республики. На получение 1 т брикетов или пеллет в разбивке по организациям рас-

ходуется от 1,2 до 1,4 т сырья (опилок или горбыля) в зависимости от оборудования и его исходной влажности. Технологическая эффективность использования древесных отходов на большинстве производств максимальна, за исключением «Гудшип» (отсутствует сушилка и линия подачи), а все возможные резервы роста объемов выпуска продукции при существующем оборудовании заключаются в повышении степени его загрузки и корректировке исходных параметров. Увеличение выхода продукции без ввода дополнительных мощностей при функционировании в режиме максимума дает лишь кратковременный эффект, за которым следуют поломки и длительные простои производства. На данный момент большая часть производителей древесного биотоплива региона работает в оптимальном режиме, однако у многих предприятий остаются резервы на увеличение производительности за счет повышения загрузки производственных мощностей.

Надежность и ремонтпригодность являются важными характеристиками оборудования. Данные, собранные в процессе интервьюирования руководителей предприятий, отражают, что производственные линии, состоящие полностью из зарубежных ком-

понентов, являются самыми надежными, но в то же время наиболее сложными в ремонте и дорогостоящими. Выпуск древесного биотоплива преимущественно на импортном оборудовании ведут «ПечораЭнергоРесурс», «ИП Белый» и «ГУФСИН Сыктывкар». У остальных предприятий мощности состоят из всевозможных комбинаций иностранного и отечественного оборудования. Как правило, прессы и сушильные камеры импортные, за исключением 3 организаций с комплексами «Доза-гран», а дробильные установки, линии транспортировки и другие составляющие – отечественные. Положительными характеристиками российского оборудования помимо значительно более доступной цены является его 100% ремонтпригодность. По словам руководителей предприятий, «оно ломается часто, но чинится тут же, кувалдой и разводным ключом».

Производство всех производителей древесного биотоплива республики соответствует международным стандартам качества (см. табл. 2). На 7 предприятиях выпускают брикеты марки «Nestro» и на 4 «RUF», соответствующие стандарту качества «DIN 51731», а также пеллеты стандарта «DNplus» тоже на 4 и «ENplus» на 1. Ключевой характеристикой древесного биотоплива для потребителей является теплоотдача, в большей степени зависящая от плотности продукции, определяемой качеством исходного сырья (опилки должны быть сухие), нежели от других параметров, и оборудования, на котором оно прессуется. Производители брикетов и пеллет республики используют различные типы прессов и сушильных камер для подготовки сырья, поэтому их продукция по теплотворности неоднородна.

Кроме того, готовые брикеты или пеллеты подразделяют на «бытовые» и «промышленные». Первые преимущественно произведены из чистых опилок и стружки и, как следствие, имеют очень низкое содержание смол, коксующих отопительное оборудование. Содержание смолы критично для бытовых котлов, поэтому такой вид продукции востребован за рубежом, где потребление частных домовладений находится на высо-

ком уровне. Вторыми, в свою очередь, называют продукцию предприятий с высокой долей коры и прочих смолянистых отходов из-за содержания их в составе сырья. Продукцию только 4 производителей древесного биотоплива республики, использующих в качестве сырья преимущественно опилки, стружку и шлифовальную пыль – «Гудшип», «Севлеспил», «Фасад Плюс» и «ГУФСИН Сыктывкар» – можно отнести к первой категории. Остальные 9 предприятий применяют разнообразные комбинации опилок, щепы и прочих отходов.

Структура потребления древесного биотоплива

Устойчивый спрос на древесное биотопливо в РК и за ее пределами является необходимым условием для развития отрасли переработки отходов регионального ЛК. И если до недавнего времени производители брикетов и топливных гранул испытывали трудности, связанные со сбытом продукции, то в настоящее время положение кардинально изменилось. В отопительный сезон 2017 года фактическое потребление древесного биотоплива на территории Коми превысило возможности предприятий (за исключением Удорского района) по выпуску продукции, в результате возник дефицит, вызвавший рост отпускных цен с 5 до 9 тыс. руб. за т пеллет и брикетов в ГО Сыктывкара.

Драйвером развития переработки древесных отходов стала реализация одной из основных задач «Дорожной карты развития биоэнергетики РК на 2016–2020 годы» – строительства (реконструкции) коммунальных котельных, использующих в качестве основного вида топлива брикеты и пеллеты. Также имел значение бурный рост спроса в столице региона со стороны коммерческого сектора и населения.

Замена традиционных видов топлива (угля, мазута, электричества) в жилищно-коммунальном комплексе региона (ЖКХ), коммерческом и частном секторе на различные виды древесного биотоплива позволяет существенно снизить издержки на отопление, поддерживать социально приемлемые

тарифы на тепловую энергию для населения и экономить значительную часть республиканского бюджета. Сравнительная характеристика древесного биотоплива с другими видами топлива представлена в *табл. 3*.

Пеллеты и брикеты являются первыми в рейтинге по доступности стоимости выработки тепла для потребителя. Одна тонна качественных топливных брикетов или гранул заменяет 1,3 т угля или 2,5 т дров. К другим их преимуществам относится почти полное отсутствие зольности по сравнению с твердыми видами топлива и выбросов углекислого газа.

Экономические и экологические выгоды от использования древесного биотоплива в ЖКХ, коммерческом секторе и частными домохозяйствами обуславливают стремительный рост спроса на него в развитых странах мира, России и РК в частности. Объемы потребления древесного биотоплива в процентном соотношении коммунальной биоэнергетикой региона, объектами бюджетной сферы, а также населением и организациями представлены на *рис. 5*.

Согласно данным, представленным на *рис. 5*, коммерческий сектор и население потребляют 54% реализуемого на внутреннем рынке древесного биотоплива, что составляет почти 25,4 тыс. т в год. На коммунальную

биоэнергетику и объекты бюджетной сферы приходится 32 и 14% с объемами 15,2 и 6,9 тыс. т продукции соответственно.

Коммунальная биоэнергетика

РК постепенно отказывается от угля и мазута в тех районах, где их использование невыгодно. Например, на юге региона нет железнодорожного сообщения, поэтому доставка угля, несмотря на то что он произведен в регионе, обходится в три раза дороже, чем производство и использование местного биотоплива.

По данным «КТК», в отопительный сезон 2017 года 59 котельных предприятий в 7 районах республики использовали древесное биотопливо. Из них 38 отапливались брикетами и пеллетами, потреблено 15,2 тыс. т, 21 – щепой и дровами совокупным объемом 108 тыс. куб. м в год. 9 котельных снабжали теплоэнергией сугубо объекты бюджетной сферы (школы, садики, дома культуры, ФАПы) в различных муниципалитетах республики.

В Усть-Куломском районе, одном из первых в зарождающейся отрасли коммунальной биоэнергетики регионе, была создана полная биотопливная цепочка. Здесь на паритетных началах была устроена площадка хранения древесных отходов – 20% вложил муниципалитет и 80% республика. Адми-

Таблица 3. Сравнительная характеристика древесного биотоплива с традиционными видами топлива

Вид топлива	Средний вес топлива для производства 17000 МДж энергии	Сравнительная цена получения энергии для потребителя в среднем по России, руб.
Топливные брикеты	1000 кг	2200
Древесина	1600 кг	2200
Газ	478 м ³	3500
Дизельное топливо	500 л	8000
Мазут	685 л	5500
Уголь каменный	1000 кг	2800

Составлено по: <http://www.biointernational.ru/tiekhnologhiia-proizvodstva-biotopliva>

Рис. 5. Объемы потребления древесного биотоплива в Республике Коми по сегментам в % соотношении в 2017 году
Рассчитано по: данные предприятий.

нистрация района смогла найти предпринимателя, который создал бизнес по переработке этих отходов в топливные брикеты. В результате сотрудничества администрации и «КТК» котельные начали переводить с угля на брикеты. На сегодняшний день в муниципалитете действует 8 объектов коммунальной биоэнергетики на брикетах/пеллетах и 9 на дровах / топливной щепе. Структура распределения котельных «КТК» по виду потребляемого топлива и районам РК представлена в *табл. 4*.

Благодаря пилотному для субъекта проекту создания полной цепочки производства и потребления древесного биотоплива Усть-Куломский район получил наибольшее развитие коммунальной биоэнергетики. На территории муниципалитета котельные «КТК» и подведомственные бюджетной сфере снабжают теплоэнергией объекты 17 населенных пунктов, среди которых администрации, дома культуры, библиотеки, ФАПы, поликлиники, школы, детские сады, коммерческий, частный сектор и другие объекты.

Далее следуют Сыктывдинский и Корткеросский районы, уступая совокупным числом объектов коммунальной биоэнергетики, они превосходят Усть-Куломский количеством котельных, использующих в качестве основного топлива брикеты и пеллеты (13 и 9 соответственно против 7 у первого). Однако особенностью биоэнергетики данных муниципалитетов является то, что отпуск тепла

и потребление древесного биотоплива их коммунальной сферой ниже по сравнению с Усть-Куломом на 21 и 12%. Объясняется это тем, что у первого на брикеты и пеллеты переведены крупные котельные, обеспечивающие централизованным отоплением населенные пункты района. В Сыктывдинском и Корткеросском районах коммунальная биоэнергетика, наоборот, представлена в виде малых котельных объектов бюджетной сферы (школ, домов культуры, детских садов, библиотек и т. д.).

В Прилузском и Троицко-Печорском районах функционирует всего по одному объекту коммунальной биоэнергетики, использующему в качестве сырья топливные брикеты. Однако в данных муниципалитетах функционируют котельные на дровах и щепе (4 и 2 соответственно), которые, как и обычные угольные, в результате простого усовершенствования (замена колосников) могут использовать брикеты.

На 2017 год в республике действовали 2 пеллетные котельные «КТК». Первая централизованная в Печорском районе в п. Зеленоборск, потребляющая 633 т/г топливных гранул, и вторая в п. Югыдъяг – 340 т/г, снабжающая теплом поликлинику населенного пункта. В целом на пеллеты переводят и планируют в «Дорожной карте развития Биоэнергетики РК» малые котельные объектов бюджетной сферы, что с позиции экономической эффективности является очень целесообразным.

Таблица 4. Распределение котельных «КТК» по виду потребляемого топлива и районам Республики Коми в 2017 году

Муниципальный район	Объекты коммунальной биоэнергетики	Брикеты	Пеллеты	Щепа	Дрова
Усть-Куломский	17	7	1	0	9
Сыктывдинский	13	13	0	0	0
Корткеросский	9	9	0	0	0
Койгородский	7	5	0	1	1
Прилузский	5	1	0	0	4
Троицко-Печорский	3	1	0	0	2
Удорский	3	0	0	2	1
Ижемский	1	0	0	0	1
Печора	1	0	1	0	0
Итого	59	36	2	3	18

Составлено по: данные предприятий.

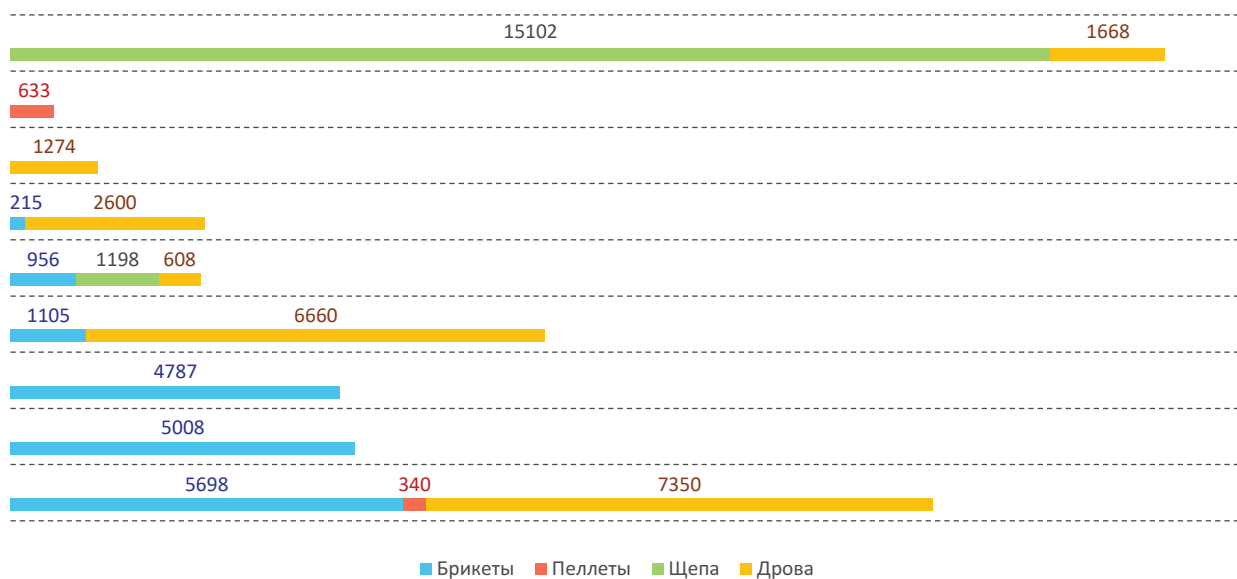

Рис. 6. Структура и объемы потребления древесного биотоплива коммунальной биоэнергетикой муниципалитетов республики в 2017 году, т/г
 Рассчитано по: данные предприятий.

В коммунальной биоэнергетике Удорского и Ижемского районов в качестве топлива используют только щепу и дрова (см. табл. 4). Объемы и структура потребления древесного биотоплива по муниципалитетам РК представлены на рис. 6.

Приведенные на диаграмме данные наглядно характеризуют структуру потребления древесного биотоплива в муниципалитетах республики. Лидерами по использованию в качестве сырья брикетов являются районы с наибольшим количеством котельных на данном виде топлива: Усть-Куломский, Корткеросский и Прилузский. В 6 из 9 муниципалитетов региона объекты коммунальной биоэнергетики вырабатывают теплоэнергию на щепе и дровах. Данные виды топлива хоть и значительно уступают по теплотворности брикетам и пеллетам, однако при определенных условиях (высокие объемы поставок по низкой цене) их использование является более экономически выгодным по сравнению с первыми. Пеллеты, как уже говорилось выше, получили применение только на двух котельных населенных пунктов Печорского и Усть-Куломского районов.

Объекты коммунальной биоэнергетики Коми древесным биотопливом обеспечивают 6 из 13 производителей региона: ИП «Белый»,

ТБ «Усть-Кулом», «Вендинга-лес», «Севлеспил» и «Азимут». Более 75% поставок приходится на два первых предприятия: ИП «Белый» (7427 т) и «ТБ Усть-Кулом» (6932 т), остальные объемы распределяются между оставшимися 4.

Объекты бюджетной сферы

Из 59 котельных «КТК» 9 – малые снабжающие теплом сугубо объекты бюджетной сферы (школы, детские сады, дома культуры, библиотеки, поликлиники, ФАПы и др.) Усть-Куломского, Корткеросского, Койгородского, Прилузского и Сыктывдинского районов с общим объемом потребления 3,9 тыс. т древесного биотоплива в год (табл. 5).

Перевод котельных объектов бюджетной сферы на древесное биотопливо с угля и электричества активно начался в регионе с 2016 года, этот опыт положительно зарекомендовал себя как экономический и энергосберегающий.

Кроме котельных «КТК» в республике функционирует еще 7 объектов коммунальной биоэнергетики бюджетной сферы, подведомственных муниципальному району Корткеросский, в домах культуры сел Позтыкерес, Усть-Лэкчим, Нившера, Додзь, поселков Подтыбок и Визябож. На биотопливо переведена также муниципальная котель-

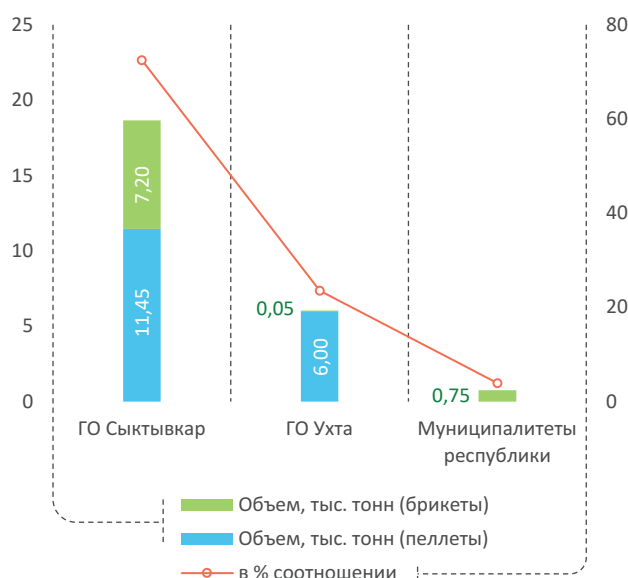
Таблица 5. Распределение котельных объектов бюджетной сферы по населенным пунктам муниципалитетов республики

Муниципальный район	Населенный пункт / объект	Потребление биотоплива в 2017 году, т
Сыктывдинский	Ясног / школа	615
	Ыб / школа	324
	Пажга / школа	277
Корткеросский	Сторожевск / школа	717
	Сторожевск / спец. школа	366
Прилузский	Черемуховка / интернат	215
	Вухтым / школа	900
Койгородский	Кажым / школа	100
Усть-Куломский	Югыдъяг / поликлиника	340
Итого	9	3854
Составлено по: данные предприятий.		

ная в селе Пезмег Усть-Куломского района, которая отапливает клуб, фельдшерский пункт и детский сад. Совокупный объем потребления биотоплива данными объектами составляет около 3 тыс. т, а суммарный с учетом «КТК» – 6,9 тыс. т. На переоборудованных под использование брикетов и пеллет котельных снижение затрат на покупку только одного топлива составило от 3 до 4 раз, а с учетом косвенных показателей (экономия за счет высвобождения работников и др.) достигает 5–6 раз.

Коммерческий сектор и население. В 2017 году организации и население обеспечили самый высокий спрос на выпускаемое в РК древесное биотопливо. И если до недавнего времени производители топливных брикетов и пеллет региона сталкивались с проблемой сбыта своей продукции и видели выход из ситуации только во внутреннем и внешнем экспорте, то сегодня ситуация кардинально изменилась. Коммерческий и частный секторы, оценив выгоду использования биотоплива, составляющую по сравнению с электроэнергией до 4 раз, начали переоборудовать свои отопительные мощности под новый экономически эффективный вид топлива.

Выполнить оценку спроса отдельно по секторам не представилось возможным, в силу того что предприятия не ведут учет реализованной продукции по группам покупателей, поэтому данные объема потребления представлены в общем виде. За указанный период 9 из 13 ныне действующих на 2017 год предприятий по переработке древесных отходов реализовали на территории республики юридическим и физическим лицам более 25,45 тыс. т древесного биотоплива, из которого 66% пришлось на пеллеты и 34% на брикеты. География и объемы потребления представлены на рис. 7.

Рис. 7. Объемы потребления древесного биотоплива субъектами Республики Коми в 2017 году
Рассчитано по: данные предприятий.

Как показывают данные на рис. 7, 72,5% всего объема потребления древесного биотоплива коммерческим и частным сектором республики приходится на ГО Сыктывкар, 23,6% – ГО Ухта и 3,9% – на муниципалитеты региона. За 2016–2017 гг. организации и население г. Сыктывкара для обеспечения себя теплоэнергией приобрели у предприятий 11,5 тыс. т пеллет и 7,2 брикетов. Топливные гранулы в столице республики и г. Ухте пользуются популярностью у коммерческого сектора и владельцев частных домов большой площади постоянного проживания. Пеллеты

как вид топлива по сравнению с брикетами изначально требуют более существенных вложений для своего использования (установка специализированного дорогостоящего котла), но в дальнейшем менее сложные в эксплуатации за счет автоматизированной подачи топлива (один раз в несколько дней) и возможности дистанционной регулировки параметров (температуры, влажности и т. д.). Брикет, в свою очередь, за счет своей доступности (возможности использования взамен обычных дров) получили распространение в основном у владельцев загородных домов выходного пребывания, дачников и жителей муниципалитетов республики. Территориальное распределение потребления брикетов схоже с распределением пеллет: 90% приходится на ГО Сыктывкар, 9% – муниципалитеты республики, 1% – на ГО Ухта.

Коммерческому сектору и населению древесное биотопливо реализуют 9 из 13 предприятий отрасли. Основной объем поставок – 16,5 из 25,5 тыс. т – приходится на 3 предприятия «Севлеспил», «Лес-Инвест» (ГО Сыктывкар) и ПечораЭнергоРесурс (ГО Ухта). Остальное количество перераспределяется между оставшимися шестью производителями (табл. 6).

«Севлеспил», «Лес-Инвест», «Веста», «Гудшип», «ИП Белый» и «ТБ Усть-Кулом» обеспечивают древесным биотопливом коммерческий сектор и население ГО Сыктывкар, «ПечораЭнергоРесурс» – ГО Ухта, «Азимут»

и «Вендинга-лес» – Троицко-Печорский и Удорский районы. В отопительный сезон 2017 года спрос на топливные гранулы и брикеты со стороны организаций и частных домохозяйств превысил возможности производителей биотоплива республики, поэтому компанией «Брикет-Коми» и другими поставщиками на территорию региона было дополнительно ввезено до 500 т готовой продукции из соседней Кировской области.

Выводы

В исследовании «Оценка производства и потребления древесного биотоплива в Республике Коми» выполнено изучение особенностей развития производства топливных гранул и брикетов в ЛК региона. Детально рассмотрено потребление древесного биотоплива в коммунальной биоэнергетике, бюджетной сфере, населением и организациями республики.

Обобщая результаты исследования можно сделать вывод, что отрасль переработки древесных отходов в Республике Коми динамично развивается. В то же время ее деятельность ограничивают проблемы, касающиеся процесса выпуска и реализации продукции, снабжения сырьем, подбора и обучения персонала, получения объективной информации о качестве и стоимости оборудования различных производителей.

Научным вкладом автора в развитие теоретической и прикладной науки является

Таблица 6. Объемы и доли поставок биотоплива предприятиями республики коммерческому сектору и населению в 2017 году

Поставщик	Объем, тыс. т	Доля предприятий, %	Рынок
«СевЛесПил»	6,7	26,3	ГО Сыктывкар
«ПечораЭнергоРесурс»	6,0	23,5	ГО Ухта
«Лес-Инвест»	3,8	14,7	ГО Сыктывкар
«Веста»	3,0	11,8	ГО Сыктывкар
«ИП Белый»	2,9	11,4	ГО Сыктывкар
«ТБ Усть-Кулом»	1,8	7,1	ГО Сыктывкар
«Гудшип»	1,0	3,9	ГО Сыктывкар
«Вендинга-лес»	0,3	1,2	МР Удорский
«Азимут»	0,1	0,2	МР Троицко-Печорский
Итого	25,5	100	
Рассчитано по: данные предприятий.			

предложение методики, позволившей на фоне отсутствия данных официальной статистики выполнить фактическую оценку производства и потребления древесного биотоплива в РК.

Значимость выполненной работы заключается в получении объективных данных для РК об объемах производства и потребления древесного биотоплива. Результаты

исследования будут полезны госслужащим, ученым, преподавателям и студентам, занимающимся проблемами развития ЛК, в частности, производством и реализацией древесного биотоплива. Продолжением данного исследования должно стать выявление проблем и перспектив развития отрасли биоэнергетики региона.

Автор выражает благодарность генеральному директору центра «Экологическое производство» Я.А. Цыганкову, первому заместителю министра инвестиций, промышленности и транспорта Республики Коми в 2010–2017 гг., канд. экон. наук А.А. Гибезу и начальнику отдела лесопромышленного комплекса А.Н. Кривошеину за поддержку данного исследования и критические замечания по авторским текстам, а также всем сотрудникам органов государственной власти и руководителям предприятий, представившим необходимую для выполнения работы информацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Навстречу «зеленой» экономике: пути к устойчивому развитию и искоренению бедности. М.: ЮНЕП, 2011. 739 с.
2. Кашин В.И. Природные ресурсы как часть национальных богатств России // Использование и охрана природных ресурсов в России. 2009. № 5. С. 2–5.
3. Шишелов М.А. Особенности и проблемы развития лесной промышленности Российской Федерации // Научное обозрение. 2015. № 11. С. 229–238.
4. Биоэнергетика в Республике Коми: заметки о путешествии в край небес, снегов и пармы // Леспроминформ. 2016. № 8. С. 62–75.
5. Как живет ЛПК республики? // Леспроминформ. 2017. № 7. С. 52–58.
6. Кузнецов Г.В., Кулеш Р.Н. Повышение энергоэффективности термической конверсии древесной биомассы // Изв. Том. политехн. ун-та. 2012. № 4. С. 22–25.
7. Морозов Д.К., Морозова И.В., Васильев С.Б. Использование мягких отходов лесопиления с целью производства топливных брикетов // Resources and Technology. 2018. № 3. С. 1–28.
8. Исследование процесса термического разложения и горения углей, древесного топлива и гидролизного лигнина термическими методами анализа / П.А. Марьяндышев [и др.] // Химия твердого топлива. 2016. № 3. С. 30–39.
9. Мачина А.Е. Методические положения по расчету экономически доступных отходов лесопиления для их последующей переработки в биотопливо // Транспортное дело России. 2018. № 2. С. 29–31.
10. Грачев В.В. Перспективы развития биоэнергетики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2009. № 4. С. 49–60.
11. Луговая Д.Л. Принципы устойчивого производства древесного биотоплива // Устойчивое лесопользование. 2013. № 4. С. 36–42.
12. Проблемы формирования и использования древесных отходов в лесном комплексе России / В.П. Корпачев [и др.] // Хвойные бореальной зоны. 2016. № 1–2. С. 52–55.
13. Травникова Ю.А., Ершов С.В. Тенденции производства и использования биотоплива в Архангельской области // Современные аспекты экономики. 2014. № 6. С. 34–40.
14. Антонова Н.Е. Лесопользование на Дальнем Востоке: возможности и препятствия движения к «зеленой экономике» // Мат-лы науч. семинара (оз. Байкал, Малое Море, 27 июля – 1 августа 2015 г.). Иркутск: Изд-во Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2016. С. 203–217.

15. Буданов И.А., Устинов В.С. Процессы и механизмы перспективного развития комплекса конструкционных материалов России // Проблемы прогнозирования. 2013. № 1. С. 22–37.
16. Большаков Н.М. Реструктуризация лесопромышленного комплекса Республики Коми: опыт, проблемы, перспективы. Сыктывкар: СЛИ, 2001. 92 с.
17. Бузыкин А.И., Пшеничникова Л.С. Ресурсно-экологическая основа лесного комплекса Восточной Сибири // География и природные ресурсы. 2012. № 1. С. 79–86.
18. *A sustainable bioeconomy for Europe: strengthening the connection between economy, society and the environment*. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2018. 107 p.
19. *Bioenergy from Finnish forests: Sustainable, efficient and modern use of wood*. International Renewable Energy Agency and MEAE, 2018. 36 p.
20. Zurba M., Bullock R. Bioenergy development and the implications for the social wellbeing of Indigenous peoples in Canada. *Journal of the Human Environment*, 2019, vol. 10, pp. 1–11.
21. Hassan M., Villa A., Kuittinen S. An assessment of side-stream generation from Finnish forest industry. *Journal of Material Cycles and Waste Management*, 2019, vol. 21, pp. 265–280.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шишелов Максим Александрович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник лаборатории проблем территориального развития. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Россия, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26. E-mail: shishelov.maksim@gmail.com. Тел.: +7(8212) 44-06-64.

Shishelov M.A.

EVALUATION OF PRODUCTION AND CONSUMPTION OF WOOD BIOFUEL IN THE KOMI REPUBLIC

The purpose of this work is to comprehensively study the bioenergy industry of the Komi Republic. The main objective is to analyze production and consumption of wood biofuels in the region. The study shows that the development of wood waste processing is a global trend and can significantly improve the efficiency of resource use in the forest complex. For the forest subjects of Russia and the Komi Republic, in particular, increased capacity in production and consumption of wood biofuels is the main area of addressing the problem of waste processing of sawmills and woodwork industries. At the same time, it was revealed that in the state statistics service the data characterizing the development of wood waste processing are not classified to a separate type of economic activity and are taken into account in a hidden form by the main activities of enterprises. This provision significantly limits the analysis of bioenergy activity and efficiency of its management by public authorities. Lack of available information required the development of the author's methodology for the study of production and consumption of wood biofuels in the Komi bioenergy sector based on the collection of data from open sources, requests for information in state institutions, selective interviewing of heads of enterprises. The research results show that in 2014–2017, based on joint work of the government of the Komi Republic and enterprises, 13 productions of fuel pellets and briquettes were created with a total capacity of 95,000 tons per year, with an investment of more than 186 million rubles. However, the actual production of wood biofuel in the Komi Republic in this period was significantly lower than planned, and the main volume of production was sold to

enterprises in the domestic market. The key segments of consumption are commercial sector and the population, followed by municipal bioenergy and the budget of region's municipalities. Thus, the obtained data are of practical importance for the management of production and consumption development of wood biofuels in the Komi Republic.

Recycling of waste wood, biofuels, forestry, bioenergy.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shishelov Maksim Aleksandrovich – Ph.D. in Economics, Senior Research Associate at the Laboratory of Issues of Territorial Development. Federal State Budgetary Institution of Science Institute Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Science Center, Ural Branch of RAS. 26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation. E-mail: shishelov.maksim@gmail.com. Phone: +7(8212) 44-06-64.

DOI: 10.15838/ptd.2019.4.102.6

УДК 338.48 | ББК 75.81

© Кириллова С.А., Герасимова Л.А.

ФОРМИРОВАНИЕ ТУРИСТСКОГО БРЕНДА ТЕРРИТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ МЕЛЕУЗОВСКОГО РАЙОНА)¹

КИРИЛЛОВА СВЕТЛАНА АЛЕКСАНДРОВНА

ИСЭИ УФИЦ РАН

Россия, 450054, г. Уфа, пр-т Октября, д. 71

E-mail: isei@anrb.ru

ORCID: [0000-0002-0622-5185](https://orcid.org/0000-0002-0622-5185); ResearcherID: [O-4905-2015](https://orcid.org/O-4905-2015)

ГЕРАСИМОВА ЛЮДМИЛА АЛФИСОВНА

ИСЭИ УФИЦ РАН

Россия, 450054, г. Уфа, пр-т Октября, д. 71

E-mail: isei@anrb.ru

ORCID: [0000-0001-6609-9419](https://orcid.org/0000-0001-6609-9419); ResearcherID: [K-3433-2018](https://orcid.org/K-3433-2018)

Усиление конкуренции между разноуровневыми территориальными образованиями за сокращающиеся объемы различных видов ресурсов, особенно за человеческий и инвестиционный капитал, обуславливает целесообразность перенесения на мезоуровень подходов, эффективно применяющихся на микроуровне и способствующих усилению конкурентоспособности территории, ее возможностей по привлечению и удержанию населения и трудовых мигрантов, туристов и инвесторов. Целесообразным в связи с этим представляется применение принципов стратегического маркетинга, в числе активов которого инструментарий брендинга, обеспечивающий создание и продвижение бренда территории. Наличие туристского бренда террито-

Для цитирования Кириллова С.А., Герасимова Л.А. Формирование туристского бренда территории (на примере Мелеузовского района) // Проблемы развития территории. 2019. № 4 (102). С. 105–117. DOI: 10.15838/ptd.2019.4.102.6

For citation: Kirillova S.A., Gerasimova L.A. Forming the tourist brand of a territory (example of Meleuzovsky district). *Problems of Territory's Development*, 2019, no. 4 (102), pp. 105–117. DOI: 10.15838/ptd.2019.4.102.6

¹ Данное исследование выполнено в рамках Государственного задания ИСЭИ УФИЦ РАН № 007-00256-18-01 на 2019 год.

рии является залогом ее узнаваемости, уникальности, значимых конкурентных преимуществ. В статье в рамках апробации маркетинговых подходов к формированию бренда территории с позиций рассмотрения ее как особого вида товара с мультиполезной потребительной стоимостью на примере Мелеузовского района разработаны концепция туристского бренда района с ориентацией на его уникальные природные ресурсы, дружелюбность и открытость, чистая вода и свежий воздух, семейный отдых в гармонии с природой, бренд-нейм «Aqua Terra – Aqua Нугуш» и его цветовая визуализация, предложения по продвижению туристского бренда. При разработке концепции бренда учтены как объективные характеристики муниципального района, его территориальная индивидуальность, так и субъективное мнение респондентов, принявших участие в проведенном социологическом опросе, по поводу особенностей и конкурентных преимуществ района. Научная новизна статьи заключается в развитии теоретических основ территориального маркетинга в части уточнения категории «бренд территории» с последующим ее использованием в качестве основы для формирования туристского бренда территории. Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы органами местного самоуправления Мелеузовского района в рамках реализации Стратегии социально-экономического развития муниципального района Мелеузовский район Республики Башкортостан до 2030 года.

Бренд территории, туризм, туристско-рекреационный кластер, модель идентичности территории, концепция бренда, визуализация бренда, направления продвижения бренда.

Введение

Спецификой современного этапа развития является усиление конкуренции между территориями – странами, регионами, городами – за сокращающиеся объемы различных ресурсов, особенно за человеческий и инвестиционный капитал. В этой конкурентной борьбе побеждает территория, сумевшая привлечь и удержать население, трудовых мигрантов, обладающих нужными компетенциями, туристов (гостей, посетителей), инвесторов.

Благоприятный климат, выгодное географическое положение, наличие полезных ископаемых уже не могут гарантировать успех и процветание территории. «Недостаточно иметь «благоприятный инвестиционный климат», «высокое качество жизни» или «уникальные туристические достопримечательности» – их нужно еще и умело «продать» потенциальному инвестору, жителю или туристу» [1, с. 77].

Одним из значимых факторов позиционирования и развития территории, нацеленных на повышение ее рейтинга и конкурентоспособности, ее значимым конкурентным преимуществом выступает узнаваемый бренд территории.

Роль туризма в развитии экономики давно не подвергается сомнению, а с учетом долго-

срочного действия санкций западных стран, террористических угроз значимость развития внутреннего и въездного туризма лишь возрастает [2, с. 35]. Все больше регионов и муниципалитетов в нашей стране активизируют деятельность в этой сфере, считая необходимым создание туристского бренда территории, капитализирующего ее туристский потенциал.

В связи с вышеизложенным целью исследования является формирование туристского бренда Мелеузовского района, обуславливающее необходимость решения следующих задач: анализ категории «бренд территории», изучение сложившейся практики формирования брендов, разработка туристского бренда муниципального района и предложений по его продвижению.

Степень разработанности проблемы

Одним из инструментов «продажи» территории является брендинг, целевая задача которого – разработка и реализация комплекса маркетинговых мероприятий по формированию устойчивых предпочтений потребителей того или иного бренда. Заместительный из сферы бизнеса и широко используемый за рубежом для развития территорий, в настоящее время он распространяется и в России.

В связи с многоаспектностью трактовки ключевой категории «бренд территории» как зарубежными, так и российскими исследователями необходимым является четкое понимание значения этой категории. Чаще всего многочисленные определения бренда, встречающиеся в литературных источниках, условно структурируются с позиций четырех основных подходов:

1) дополнения к территории (товару, продукту), позволяющего идентифицировать территорию (товар, продукт) и отличать ее от конкурентов [3–8];

2) потребительских свойств территории (товара, продукта) [9; 10, с. 36; 11, с. 7];

3) предложения стейкхолдеров потребителям территории, обещания производителя товара, продукта потребителю [12–14];

4) добавленной ценности, стоимости бренда [15, с. 53; 16, с. 39; 17].

С нашей точки зрения, в представленных формулировках исследуемой категории есть определенные неточности, связанные с отсутствием, например, акцента на объективно-субъективной природе бренда, упоминания о целевых группах потребителей, для которых формируется бренд. По нашему мнению, наиболее точно бренд территории можно определить как вербально-визуальный конструкт, созданный для целевой группы потребителей и трансформирующий объективно существующие уникальные характеристики территории в субъективные эмоционально-позитивные образы, гарантирующие удовлетворение потребительских запросов этой группы.

В целях формирования бренда применяются различные модели, использующие, в принципе, схожий набор элементов. Так, Бурманн, Джост-Бенц и Райли сконструировали модель формирования капитала бренда, базирующуюся на определении бренда в рамках первого подхода – на его идентичности и имидже в глазах целевой аудитории [18]. Другая их модель основывается на элементах внешней силы бренда и ее влиянии на потребителей [18]. Бурманн и Зеplin разработали модель, акцент в которой сделан на внутренней силе бренда и очередности

влияния ее факторов на психологию поведения потребителей [19]. Очевидно, что, несмотря на отсутствие какой-либо универсальной модели, все вышеупомянутые описывают один и тот же объект.

Качество разработки бренда, его конкурентоспособность зависят от многих факторов: его узнаваемости, доступности информации о нем, ассоциаций, возникающих при контакте с брендом, доступности понимания бренда большинством потребителей, соответствия заявленного набора характеристик ожиданиям потребителей, обеспечения контакта с целевой аудиторией.

С учетом вышеизложенного разработка туристского бренда Мелеузовского района включала следующие, последовательно реализуемые этапы:

- формирование модели идентичности территории, то есть исследование ее с позиции понимания того, как жители и гости видят территорию, что чувствуют при ее упоминании, как воспринимают название территории, с чем оно ассоциируется и т. д.;
- разработка концепции, ключевой идеи бренда;
- разработка образа (имиджа) бренда.

Модель идентичности Мелеузовского района

Мелеузовский район – один из наиболее перспективных муниципальных районов Республики Башкортостан для активного развития туризма. Сочетание богатых природных ресурсов, экологически чистой окружающей среды, памятников природы, культуры и истории, выгодное географическое положение позволяют говорить о высоком туристском потенциале территории:

- значительное количество природных, культурно-исторических и археологических объектов, расположенных преимущественно в экологически чистой местности, в границах особо охраняемых природных территорий (далее – ООПТ), в числе которых национальный парк «Башкирия», являющийся федеральным государственным природоохранным, эколого-просветительским и научно-исследовательским учреждением, го-

сударственный природный зоологический заказник «Кунгак», ботанические памятники природы «Сосновый дол» и «Сосняки у деревни Озерки». Перечисленные ООПТ дополняют другие уникальные природные объекты: урочища Кургашлы, Акаваз и Пятилистник, скала «Муйнак-Таш» и «Чертов Палец», скала Вождей, Антониева скала и пещера. Особенно популярные у отдыхающих эти аттрактивные объекты формируют 7 экочудес Мелеузовского района.

На территории Мелеузовского района располагается более 70 региональных памятников истории, археологии и архитектуры (здание заводоуправления в с. Воскресенском, Воскресенская церковь, памятники археологии в окрестностях с. Дарьино (сарматское захоронение «Могильный курган», «Дарьинская стоянка», «Самарское селище», датированное первым тысячелетием до н. э., «Красный яр») и др.). В числе объектов культурного наследия федеральный памятник архитектуры – комплекс Воскресенского медеплавильного завода;

- транспортная доступность Мелеузовского района и якорного туристского объекта района – Нугушского водохранилища, расположенных соответственно в 223,0 и 258,3 км от города-миллионника Уфы. Расстояние от Нугушского водохранилища до городов Салавата, Ишимбая, Кумертау – менее 100 км, что в увязке с удобной логистикой создает дополнительные преимущества для развития здесь видов туризма, ориентированных на многодневный и всесезонный отдых;

- развитая туристская инфраструктура, представленная 44 ед. коллективных средств размещения (далее – КСР), в том числе 37 ед. – на Нугушском водохранилище с единовременной вместимостью 2411 койко-мест, объектами питания (около 20 кафе и ресторанов), объектами культурного досуга и развлечений (47 сельских домов культуры и клубов сел района, МАУ «Городской дворец культуры» г. Мелеуза с кинозалом на 70 мест, Мелеузовский историко-краеведческий музей, музей Д.М. Булякова (д. Смаково), Партизанский историко-краеведческий музей (с. Дарьино), Воскресенская картинная галерея, филиал

Художественного музея им. М.В. Нестерова (с. Воскресенское) и др.), 11 туристическими агентствами, а также предприятиями, предоставляющими экскурсионные услуги, поставщиками сувенирной продукции.

Ретроспективный анализ развития туризма в Мелеузовском районе свидетельствует о сходстве с основными мировыми, российскими и республиканскими трендами. Аналогично российским и республиканским тенденциям структура туристского потока в районе создается практически полностью за счет внутреннего туризма, доля которого на протяжении исследуемого периода составляла практически 100,0% в общей численности туристов.

Развитие туризма в районе характеризуют следующие позитивные тенденции:

- рост туристского потока внутреннего и въездного туризма в 2010–2017 гг. с 180,0 до 238,22 тыс. чел., больше половины из которых, согласно данным социологического опроса, приехали отдохнуть на Нугушское водохранилище не впервые;

- увеличение единовременной вместимости с 1411 до 2411 койко-мест, то есть в 1,71 раза, превышающее средний по республике рост числа койко-мест за тот же период в 1,05 раза и отражающее растущую востребованность туристского продукта Мелеузовского района;

- увеличение вклада туристической индустрии в экономику Мелеузовского района с 8,5 млн руб. в 2010 году до 15,57 млн руб. в 2017 году (в сопоставимых ценах 2010 года) с ростом доли в общем объеме платных туристских услуг по Республике Башкортостан с 0,35 до 0,56%.

Несмотря на позитивную в целом динамику развития туризма, за пределами региона Мелеузовский район остается неизвестным как привлекательное направление для туризма и отдыха, что обуславливает целесообразность применения инструментов территориального, в том числе туристического, маркетинга с разработкой туристского бренда для продвижения муниципального района как туристской территории.

В целях сбора предложений для формирования туристского бренда в рамках разработки Стратегии социально-экономического

развития муниципального района Мелеузовский район Республики Башкортостан до 2030 года в июне 2018 года был проведен ситуационный формализованный анкетный социологический опрос жителей и гостей района. В соответствии с классификацией, принятой в прикладной социологии, данный опрос являлся по числу респондентов выборочным, по типу проведения – очным, по характеру использования информации – анонимным. При проведении социологического опроса был использован метод детерминированной выборки, предусматривающий отбор респондентов по качественным характеристикам. Применение данного типа преднамеренной выборки обусловлено тем, что целью исследования являлось не описание мнений генеральной совокупности, а изучение комплекса представлений об образе района, необходимых для формирования его туристского бренда. Предпочтение при выборе респондентов помимо туристов и гостей района отдавалось лицам, работающим в сфере туризма муниципального района, и жителям основных туристских локаций.

При разработке инструментария – опросного листа – был использован опыт исследований, проводимых ранее в данной области [20; 21], учтены особенности географического положения и специфические характеристики социально-экономического развития района. Основные задачи, которые решались в рамках опроса: поиск сильных и слабых сторон, возможностей и угроз развитию туризма, выявление основных ассоциаций, связанных с районом, определение наиболее привлекательных мест для отдыха и основных достопримечательностей. При этом в анкете не использовались термины, напрямую связанные с брендингом. Применение соответствующих формулировок вопросов нацеливалось на обеспечение максимальной доступности и ясности восприятия поставленных задач без искажения содержания. Смысловые блоки анкеты были разделены на следующие группы вопросов: 1) основные ассоциации, связанные с районом, его названием, цветовые ассоциации; 2) преимущества и недостатки по сравнению с другими муниципаль-

ными районами Республики Башкортостан; 3) достопримечательности района; 4) группы потенциальных потребителей туристского продукта района; 5) приоритетные направления развития туризма; 6) конкурентные преимущества и притягательность района для туристов. Для более подробного описания наиболее содержательных аспектов предмета исследования использованы открытые вопросы, в частности, относительно мифов, легенд и исторических событий, связанных с районом.

В исследовании участвовали 167 респондентов. Было опрошено 50,8% мужчин и 49,2% женщин. Основной контингент выборки составили респонденты в возрасте до 40 лет (69,8%), поскольку данная возрастная группа преобладает в числе как отдыхающих, так и работающих в сфере туризма.

В результате анализа данных, полученных по итогам проведенного исследования, был выявлен ряд важных аспектов для уточнения модели идентичности муниципального образования, формирования его имиджа как территории, перспективной для развития туризма, создания и продвижения бренда за пределы республики. В частности, это представления респондентов о Мелеузовском районе, ассоциации, возникающие у них при упоминании о районе.

На вопрос «Какие эмоции и представления вызывает у Вас Мелеузовский район?» респонденты преимущественно выбрали такие варианты ответов, как «дружественный», «открытый» (86,4%), «комфортный», «удобный» (83,8%), «ответственный», «неравнодушный» (83,3%) (рис. 1).

Положительные ассоциации у респондентов связаны прежде всего с Нугушским водохранилищем (30,1%), позитивом, теплом и счастливыми людьми (24,1%), природой, большими просторами (20,5%) (рис. 2).

Основной достопримечательностью муниципального района является Нугушское водохранилище. Несмотря на то что в районе есть множество других исторических, культурных и природных достопримечательностей, их популярность среди туристов значительно ниже (рис. 3).

Рис. 1. Распределение ответов респондентов относительно ключевых характеристик Мелеузовского района, %

Источник: данные социологического опроса «Формирование туристского бренда муниципального района Мелеузовский район Республики Башкортостан», 2018 год

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос об ассоциациях с Мелеузовским районом, %

Источник: данные социологического опроса «Формирование туристского бренда муниципального района Мелеузовский район Республики Башкортостан», 2018 год

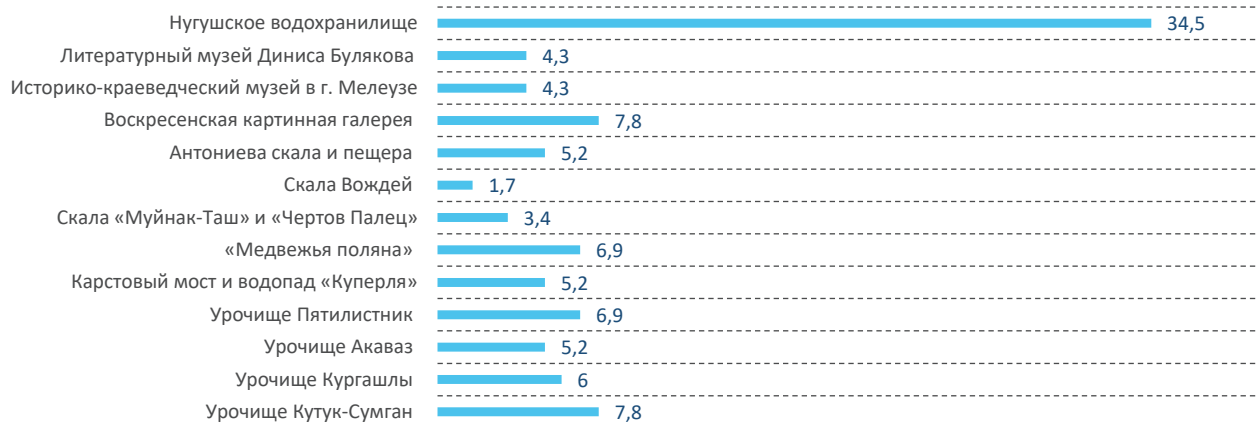
Отдых на территории водохранилища является приоритетной целью для гостей, об этом свидетельствуют ответы 33,0% респондентов. Остальные участники опроса выбра-

ли в основном варианты ответов: посещение родственников (29,0%), охота и рыбалка (18,0%) (рис. 4).

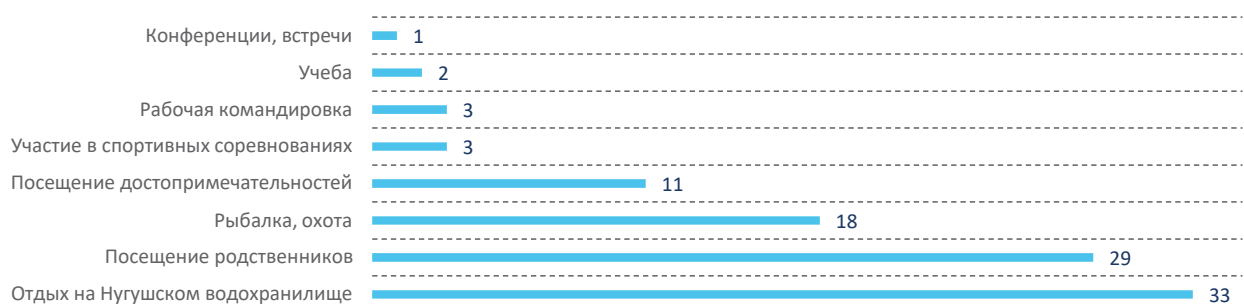
Самыми популярными видами туризма, по результатам опроса, являются водный (26,3%), оздоровительный (22,2%), экскурсионно-познавательный (14,1%) и пляжный (12,1%) (рис. 5).

Рассмотрение наиболее притягательных черт Мелеузовского района с точки зрения населения и гостей района позволяет выделить три основные группы ответов респондентов: «Малая Родина, родной дом и семья» (38,3% респондентов); «Место для спокойного отдыха на природе» (27,9%); «Благоприятная для жизни социальная и природная среда» (21,3%) (рис. 6).

Важное значение для формирования туристского бренда имеет название района, представляющее собой уникальный ресурс идентичности места, ассоциирующееся прежде всего с рекой Мелеуз и Нугушским водохранилищем. Название района, производное от гидронима «Мелеуз», включает

Рис. 3. Основные достопримечательности Мелеузовского района, по мнению респондентов, %
 Источник: данные социологического опроса «Формирование туристского бренда муниципального района Мелеузовский район Республики Башкортостан», 2018 год

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос «С какой целью Вы приезжаете в Мелеузовский район», %
 Источник: данные социологического опроса «Формирование туристского бренда муниципального района Мелеузовский район Республики Башкортостан», 2018 год

Рис. 5. Наиболее приоритетные направления развития туризма, по мнению респондентов, %
 Источник: данные социологического опроса «Формирование туристского бренда муниципального района Мелеузовский район Республики Башкортостан», 2018 год

Рис. 6. Представления респондентов о Мелеузовском районе, %
 Источник: данные социологического опроса «Формирование туристского бренда муниципального района Мелеузовский район Республики Башкортостан», 2018 год

в себе смысловой подтекст, связанный с живописными местами, благоприятной экологией, отдыхом на природе (рис. 7).

Результаты опроса свидетельствуют о том, что Нугушское водохранилище, качество природной среды являются главными элементами характеристики Мелеузовского района – отличием от прочих. Лишь незначительная часть опрошенных считает, что он похож на другие районы: Салаватский (7,5%), Кугарчинский (6,0%) и Ишимбайский (4,5%), что также указывает на уникальность места.

Результаты опроса подтверждают, что Мелеузовский район является притягательным местом для самых разных групп потребителей его туристского продукта. Тем не менее в наибольшей степени это место востребовано для отдыха с семьей и друзьями: большинство респондентов приехали отдыхать с семьей (37,1%), с друзьями (22,9%), с коллегами (17,1%), в одиночку (14,3%), 8,6% выбрали ответ «другое».

Наличие в Мелеузовском районе множества объектов туристской аттракции, территорий, свободных от промышленного производства, пригодных для отдыха и активной рекреации, в сочетании с развитой туристской и обеспечивающей инфраструктурой создает возможность формирования в муниципальном районе комплексного всепогодного туристского продукта с предоставлением отдыхающим из Башкортостана

и других российских регионов, а также зарубежным гостям туристских услуг высокого уровня.

На основании вышеизложенного были выделены следующие основные группы, объединяющие ключевые факторы туристской идентичности территории Мелеузовского района:

- природная среда (водные объекты, национальный парк «Башкирия»);
- основные объекты туристской аттракции (Нугушское водохранилище);
- имя (Нугуш, Мелеуз, водная стихия);
- отдых (туризм, семья);
- эмоции (дружественный, открытый, комфортный, удобный).

Концепция бренда

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что ключевым элементом идентичности Мелеузовского района является Нугушское водохранилище, обеспечивающее устойчивые ассоциации с муниципальным образованием, узнаваемость и привлекательность района в настоящее время и в будущем. На основе сформированной модели идентичности целесообразно включить в структуру туристического бренда района четыре основных элемента: Нугушское водохранилище, природную среду, эмоциональное восприятие района (дружественный, открытый) и в качестве подкрепляющего элемента семейный отдых (рис. 8).

Рис. 7. Анализ мнений, касающихся ассоциаций, вызываемых названием района, %

Источник: данные социологического опроса «Формирование туристского бренда муниципального района Мелеузовский район Республики Башкортостан», 2018 год

Рис. 8. Структура туристского бренда Мелеузовского района

На основе ключевого элемента идентичности района предложена концепция туристского бренда района с ориентацией на уникальные природные ресурсы – дружелюбность и открытость, чистая вода и свежий воздух, семейный отдых в гармонии с природой. Рекреационные ресурсы не ограничиваются только Нугушским водохранилищем. Атриактивные объекты сконцентрированы в экологически чистой местности на территории национального парка «Башкирия», что делает отдых на Нугуше интересным и разнообразным.

Образ бренда. Визуализация

Образ бренда – один из важнейших элементов его структуры, он во многом определяет качество восприятия бренда потребителями (привлекает или отталкивает). «Имидж бренда – это образ бренда, сложившийся в сознании потребителя, представление последнего о достоинствах или недостатках товара» [22].

Образ бренда складывается из набора атрибутов, которые сопровождают бренд на протяжении всей его жизни, и включает две основные составляющие – материальную и нематериальную. Если материальная составляющая представляет собой территорию или товар (продукт), для которых разрабатывается бренд, то к нематериальной традиционно

относятся такие его визуальные идентификаторы, как имя бренда (brand name), слоган, логотип, цвета бренда, которые будут с ним ассоциироваться. Задачей визуализации бренда является обеспечение его узнаваемости, создание ассоциаций, вызываемых брендом, различных вербально-смысловых конструктов, формируемых на его основе.

Принятие Нугушского водохранилища в качестве ключевого элемента идентичности Мелеузовского района, а также основные ассоциации района с водными просторами «Башкирского моря» позволили сформировать имя бренда «Aqua Terra – Aqua Нугуш». Включенный в бренд-нейм элемент «Терра» легко запоминается, а также ассоциирует территорию Мелеузовского района с Республикой Башкортостан с ее новым туристским брендом – «Терра Башкирия».

Цветовое решение визуального образа бренда, его логотипа предложено формировать исходя из высказанных респондентами предпочтений относительно цветов, с которыми, по их представлениям, может быть связан образ Мелеузовского района (рис. 9): сочетание зеленого (олицетворение развития, роста, спокойствия, уверенности), синего (цвет спокойствия и удовлетворенности),

Рис. 9. Распределение ответов на вопрос о выборе цвета, который в большей степени ассоциируется с Мелеузовским районом, %

Источник: данные социологического опроса «Формирование туристского бренда муниципального района Мелеузовский район Республики Башкортостан», 2018 год.

белого (символ гармонии, вдохновения, чистоты) и красного (воплощение активных действий, успеха, целенаправленности, эмоциональности, жизненной силы).

Три цвета из выбранных четырех – зе-

леный, синий и белый – созвучны с цветами герба Мелеузовского района. Они гармонируют с предложенной концепцией бренда и отсылают к естественным цветам, ассоциирующимся с водными просторами Нугушского водохранилища, лесными массивами национального парка, окружающего рукотворное море, с белыми птицами, парящими над водоемом.

Предложения по продвижению туристского бренда

Продвижение туристского бренда может быть осуществлено в несколько этапов:

- постановка целевых задач (повышение узнаваемости бренда, создание положительного имиджа района, завоевание доли рынка);
- определение ключевой и целевой аудитории (органы МСУ, потенциальные инвесторы, эксперты, потенциальные потребители туристского продукта муниципального района);
- определение инструментов продвижения (реклама, связи с общественностью (PR), стимулирование сбыта, персональные продажи, спонсорство, прямой маркетинг);
- разработка маркетинговой стратегии, в рамках которой будут выполнены работы по созданию основного коммуникационного сообщения, определению точной информации, которую необходимо довести до целевой аудитории, разработке поэтапного плана ее доведения;
- определение бюджета реализации стратегии;

– оценка эффективности реализации маркетинговой стратегии с определением степени достижения поставленных целей.

В числе основных инструментов продвижения туристского бренда района предлагаются следующие:

- проведение рекламных кампаний в средствах массовой информации (в прессе, по радио и на телевидении, с использованием средств наружной рекламы);
- использование возможностей интернета (в частности, социальных сетей: ВКонтакте, Instagram, Твиттер, Ютуб, Фейсбук) в работе туристического портала Республики Башкортостан, в создании специализированного интернет-сайта для обеспечения жителей и гостей Мелеузовского района информацией;
- формирование маркетинговой политики;
- участие в значимых конференциях, форумах, выставках, фестивалях, семинарах, выставочных мероприятиях, профильных презентациях;
- спонсорство, нацеленное на поддержку бренда.

Вывод

Таким образом, в части практической значимости предпринятого исследования можно отметить разработку на принципах стратегического маркетинга концепции туристского бренда Мелеузовского района с бренд-неймом «Aqua Terra – Aqua Нугуш», одобренной основными стейкхолдерами территории – жителями, субъектами малого и среднего бизнеса, органами муниципального самоуправления на сессиях Совета Мелеузовского района, посвященных обсуждению и утверждению Стратегии социально-экономического развития Мелеузовского района до 2030 года. Теоретическая значимость статьи заключается в развитии теоретических основ территориального маркетинга в части уточнения категории «бренд территории» с использованием ее в качестве основы для формирования туристского бренда территории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Визгалов Д.В. Маркетинг города. М.: Фонд «Институт экономики города», 2008. 110 с.
2. Ускова Т.В., Егоров В.К., Леонидова Е.Г. Туризм в Российской Федерации: возможности для импортозамещения // Проблемы развития территории. 2016. № 4 (84). С. 32–46.
3. Kotler P., Armstrong G. *Principles of Marketing. Global ed.* Harlow: Pearson Education Limited, 2014. 736 p.
4. *Dictionary of Marketing Terms. In: American Marketing Association.* Available at: <https://www.ama.org/resources/Pages/Dictionary.aspx>
5. Батуева Т. Хочешь привлечь инвестора – подчеркни свое отличие! // Губернский деловой журнал. URL: <http://www.gubernskiy.ru/archive/2009/3/1737>
6. Кошелев А.А. «Брендинг территорий»: к вопросу о теоретико-методологических аспектах определения понятия // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. «Социология. Политология». 2017. Т. 17. Вып. 2. С. 133–135. DOI: 10.18500/1818-9601-201717-2-133-135. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/brending-territoriy-k-voprosu-o-teoretiko-metodologicheskikh-aspektah-opredeleniya-ponyatiya>
7. McDonald M., Wilson H. *Marketing Plans: How to Prepare Them, How to Use Them.* 7th ed.: John Wiley & Sons, 2011. 592 p.
8. Anholt S. *Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions.* Basingstock: Palgrave Macmillan, 2007. 147 p.
9. Feldwick R. *What is Brand Equity Anyway?* Henley-on-Thames: World Advertising Research Centre, 1999. 160 p.
10. Визгалов Д. Бренддинг города. М.: Институт экономики города, 2011. 160 с.
11. Чернатони Л., де Мак Дональд М. Бренддинг. Как создать мощный бренд: пер. с англ. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. 559 с.
12. Калинин В. Ценность бренда потребительского кооператива // Микроfinance+. 2012. № 4. С. 27–30.
13. Jacoby J., Chestnut R.W. *Brand Loyalty: Measurement and Management.* New York: Wiley, 1979. 268 p.
14. Важенина И.С. Имидж и бренд региона: сущность и проблемы формирования // Экономика региона. 2008. № 1. С. 49–58.
15. Роль рекламы в создании сильных брендов: пер. с англ. / под ред. Дж.Ф. Джоунса. М.: Вильямс, 2005. 496 с.
16. Элвуд А. Основы брендинга: 100 приемов повышения ценности товарной марки: пер. с англ. Т. Новиковой. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2002. 335 с.
17. Фельдвик П. В любом случае, что такое капитал бренда и как вы его измеряете? // Международ. журн. исслед. рынка. 1996. Вып. 38. № 2. URL: https://www.warc.com/content/paywall/article/jmrs/what_is_brand_equity_anyway_and_how_do_you_measure_it/13669
18. Келлер К. Стратегический бренд-менеджмент. М., 2016. 704 с.
19. Иванов Л. Маркетинговый конвейер. Книга директора по маркетингу 2.0. М.: Иванов и партнеры, 2014. 210 с.
20. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Как провести социологическое исследование. М.: Политиздат, 1990. 288 с.
21. Теория и методология в практиках российских социологов: постсоветские трансформации / под ред. Л.А. Козлова. М.: Научный мир, 2010. 480 с.
22. Жуков Л. Логика строения бренда. URL: http://yellowdog.rU/blog/i/logoka_stroeniya_brenda

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кириллова Светлана Александровна – кандидат экономических наук, доцент, ученый секретарь. Институт социально-экономических исследований – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук. Россия, 450054, г. Уфа, пр-т Октября, д. 71. E-mail: isei@anrb.ru. Тел.: +7(347) 278-84-76.

Герасимова Людмила Алфисовна – младший научный сотрудник. Институт социально-экономических исследований – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук. Россия, 450054, г. Уфа, пр-т Октября, д. 71. E-mail: isei@anrb.ru. Тел.: +7(347) 235-55-11.

Kirillova S.A., Gerasimova L.A.

**FORMING THE TOURIST BRAND OF A TERRITORY
(EXAMPLE OF MELEUZOVSKY DISTRICT)**

Increased competition between different levels of territorial entities for the declining volumes of different types of resources, especially for human and investment capital, makes it expedient to transfer to the meso-level the approaches that are effectively applied at the micro level and contribute to strengthening the competitiveness of the territory, its ability to attract and retain the population and labor migrants, tourists and investors. In this regard, it seems appropriate to apply the principles of strategic marketing, including branding tools that ensure the creation and promotion of the territory brand. The tourist brand of the territory is the key to its recognition, uniqueness, significant competitive advantages. In the article, within the framework of testing marketing approaches to the formation of a territory brand from the standpoint of considering it as a special type of product with a multi-use value on the example of Meleuzovsky District, the authors developed the concept of the tourist brand of the district with a focus on its unique natural resources, friendliness and openness, clean water and fresh air, family vacation in harmony with nature, the brand name “Aqua Terra – Aqua Nugush” and its color visualization, proposals for the promotion of the tourist brand. When developing the brand concept, both objective characteristics of the municipal district, its territorial individuality, and subjective opinion of respondents who participated in the sociological survey on the characteristics and competitive advantages of the district are taken into account. The research novelty lies in the development of theoretical foundations of territorial marketing in terms of clarifying the category of “territory brand” with its subsequent use as a basis for formation of the tourist brand of a territory. The practical significance of the research is that the results can be used by local authorities of Meleuzovsky district in the framework of the Strategy for socio-economic development of a municipal district Meleuzovsky District of the Republic of Bashkortostan up to 2030.

Territory brand, tourism, tourist and recreational cluster, model of territorial identity, brand concept, brand image, directions of brand promotion.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kirillova Svetlana Aleksandrovna – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Academic Secretary. Institute of Socio-Economic Research – Detached Unit of Federal State Budgetary Scientific Institution of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. 71, Oktyabrya Avenue, Ufa, 450054, Russian Federation. E-mail: isei@anrb.ru. Phone: +7(347) 278-84-76.

Gerasimova Lyudmila Alfisovna – Junior Research Associate. Institute of Socio-Economic Research – Detached Unit of Federal State Budgetary Scientific Institution of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. 71, Oktyabrya Avenue, Ufa, 450054, Russian Federation. E-mail: isei@anrb.ru. Phone: +7(347) 235-55-11.

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

DOI: 10.15838/ptd.2019.4.102.7

УДК 3.31 | ББК 314.04

© Доброхлеб В.Г., Сигарева Е.П.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

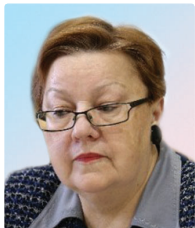
ДОБРОХЛЕБ ВАЛЕНТИНА ГРИГОРЬЕВНА

ИСЭПН РАН, Россия, 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32

ИСПИ РАН, Россия, 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6

E-mail: vdobrokhleb@mail.ru

ORCID: [0000-0002-4864-8231](https://orcid.org/0000-0002-4864-8231); ResearcherID: [B-1337-2017](https://orcid.org/B-1337-2017)

СИГАРЕВА ЕВГЕНИЯ ПЕТРОВНА

Институт социально-политических исследований Российской академии наук

Россия, 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6

E-mail: sigarevae@mail.ru

ORCID: [0000-0003-3760-795X](https://orcid.org/0000-0003-3760-795X)

Статья посвящена исследованию демографического потенциала Вологодской области. Актуальность данной темы обусловлена двумя обстоятельствами: во-первых, вступлением России в целом и подавляющего большинства ее субъектов в новый этап депопуляции, во-вторых, формированием региональных программ демографического развития, основанных на приоритетных национальных проектах. Замысел работы заключался в том, что каждый субъект Российской Федерации является уникальным образованием, характеризующимся специфическими демографическими структурными и динамическими параметрами. Это обусловлено их историческими, географическими, культурными и иными особенностями, которые определяют не только современное состояние демографической сферы, но и будущие тренды развития демографического потенциала. Вологодская область как отдельный субъект России также обладает спецификой демографического статуса, который содержит как преимущества, так и недостатки для преодоления демографического кризиса. Цель исследования заключалась в оценке существующих преимуществ и недостатков демографической ситуации в Вологодской области и выявлении наиболее острых проблем, а также

Для цитирования Доброхлеб В.Г., Сигарева Е.П. Демографический потенциал Вологодской области // Проблемы развития территории. 2019. № 4 (102). С. 118–131. DOI: 10.15838/ptd.2019.4.102.7

For citation: Dobrokhleb V.G., Sigareva E.P. The Demographic Capacity of the Vologda Oblast. *Problems of Territory's Development*, 2019, no. 4 (102), pp. 118–131. DOI: 10.15838/ptd.2019.4.102.7

перспектив по выходу из депопуляции. Такой подход позволяет наиболее детально с новых позиций представить особенности формирования демографического потенциала Вологодской области, что отличает данное исследование от работ других авторов, объектом изысканий которых была демографическая ситуация этого региона. Дополнительный аспект, формирующий новизну работы, создает метод сравнительного анализа в контексте общероссийских и окружных трендов. Использование в работе прогнозных данных на среднесрочный период позволило оценить состояние и перспективы демографического потенциала Вологодской области во временном континууме. Основные результаты исследования констатируют, что демографический потенциал Вологодской области имеет определенные преимущества относительно общероссийских и окружных демографических трендов, которые заключаются в сравнительно высоком показателе суммарной рождаемости. Однако риски утраты этого преимущества высоки, что требует таргетирования региональной демографической политики в направлении профилактики аборт, сокращения младенческой смертности и общего уровня смертности.

Численность населения, рождаемость, смертность, естественный прирост, суммарный коэффициент рождаемости, аборт, потенциал, приоритетные национальные проекты, Вологодская область.

Введение

Демографические процессы взаимосвязаны между собой. Они требуют не только пристального внимания (мониторинга), но и учета текущих и предстоящих изменений при разработке краткосрочных и стратегических программ и планов. Программы перспективного развития должны приниматься с учетом независимой демографической экспертизы. Исследователи подтверждают, что основной причиной депопуляции в России является высокий уровень смертности населения. Это ведет к сокращению численности населения, опустению Центральной России и Северо-Запада страны, особенно заметному в сельской местности, старению населения [1]. В начале XXI века демографическую ситуацию в большинстве регионов России можно описать похожими терминами: низкая рождаемость, не обеспечивающая простого воспроизводства, и высокий уровень смертности, определяющий низкую ожидаемую продолжительность жизни.

После вступления России в первый этап депопуляции, который тотально сформировался в 1992 году и характеризовался резким падением рождаемости и ростом смертности на фоне социально-экономического кризиса, в новом тысячелетии произошли позитивные изменения благодаря значительному вниманию общества и государства к демографиче-

ским проблемам страны. С 2000 года изменяется на позитивный тренд рождаемости, а с 2005 года наблюдается снижение смертности. Новый этап депопуляции, наступивший после 2016 года, развивается в иных условиях и отличается от прежнего рядом обстоятельств. Одно из важнейших, по мнению экспертов, заключается в трансформации половозрастной структуры, которая лишает Россию необходимой когорты женщин фертильных возрастов. Этот феномен носит объективный характер и является результатом демографических волн. Второе отличие нового этапа депопуляции можно отнести к субъективным факторам, и связано оно с тем, что в настоящее время депопуляция наблюдается при серьезном влиянии демографической политики, меры которой постоянно обновляются и масштабируются. Примером может являться национальный проект «Демография».

1. Предварительные результаты Национального проекта «Демография»

В связи с этим особое внимание привлекает реализация Приоритетных национальных проектов 2018–2024 гг. На выполнение четырех национальных проектов (демография, здравоохранение, образование и наука) за шесть лет будет направлено 6,6 трлн руб. При реализации национального проекта «Демография» предложена основанная

на международных подходах система активного долголетия и сбережения здоровья пожилых граждан, а также обеспечения им долговременного ухода и долгосрочной помощи. Предполагается создать социальные организации нового типа для достижения взаимосвязи систем здравоохранения и социального обслуживания с потребностями пожилых людей. Планируется обеспечить массовый охват пожилых граждан диспансеризацией, выявление у них заболеваний, последующее лечение, в том числе на базе специально создаваемых в рамках проекта во всех регионах геронтологических центров и отделений. По итогам 2018 года отмечен рост на 676 тысяч человек числа пожилых граждан, прошедших диспансеризацию. Общее число обращений лиц старшего поколения к врачам увеличилось на 5 миллионов.

В 2019 году выдано более 201 тысячи сертификатов на материнский капитал. Более 288 тысяч семей распорядились ранее выданным материнским капиталом, 74% использовали средства материнского капитала на улучшение жилищных условий. За I квартал 2019 года оформлено 3753 кредита для семей с детьми с льготной ипотекой по ставке 6%. Однако при этом в I квартале 2019 года рост рождаемости отмечен лишь в трех регионах страны: это Магаданская область, город Москва и Карачаево-Черкесская Республика.

В целом по РФ в I квартале 2019 года отмечается снижение смертности на 3%, или на 16 тысяч человек. За этот период смертность снизилась в 60 регионах страны, в том числе свыше 5% – в 26 регионах страны. Наибольшее ее снижение наблюдается в Ленинградской, Псковской, Пензенской областях. Младенческая смертность за I квартал снизилась на 15,7%, достигнув исторического минимума – 4,3 на тысячу родившихся¹.

Однако не все субъекты федерации имеют позитивную динамику демографических процессов, в их числе Вологодская область. За январь – февраль 2019 года естественная

убыль населения составила 5,3‰, при 4,7‰ в этот период 2018 года. В значительной мере это связано с высоким уровнем бедности населения региона, а также с возрастной структурой его населения. Среднедушевые доходы составили в 2018 году 26552 рублей при прожиточном минимуме в среднем на душу населения за месяц 10795 рублей².

2. Демографический потенциал Вологодской области

Вологодская область относится к группе регионов, которые характеризуются наиболее проблематичной демографической ситуацией. В ней, как и в ряде других регионов Российской Федерации, в настоящее время продолжается сокращение населения за счет и естественного и миграционного движения.

Естественная убыль и миграционный отток в Вологодской области обуславливают необходимость поиска оснований демографического характера, которые позволят ей преодолеть депопуляционный вектор развития. Являясь одной из самых «русских» областей России, будучи ранее торгово-промышленным и туристическим брендом Северо-Запада, Вологодская область должна найти пути к восстановлению своего демографического потенциала.

Если обратиться к сути понятия «демографический потенциал», который трактуется в различных работах отечественных и зарубежных исследователей достаточно вольно, следует заметить, что сама категория «потенциал» авторами понимается как совокупность условий, необходимых для сохранения или развития какой-либо ситуации или процесса. Исходя из этого «демографический потенциал» в нашем исследовании можно интерпретировать как совокупность объективных условий, которые определяются состоянием демографической сферы и позволяют трансформировать демографические параметры в наиболее благоприятном направлении.

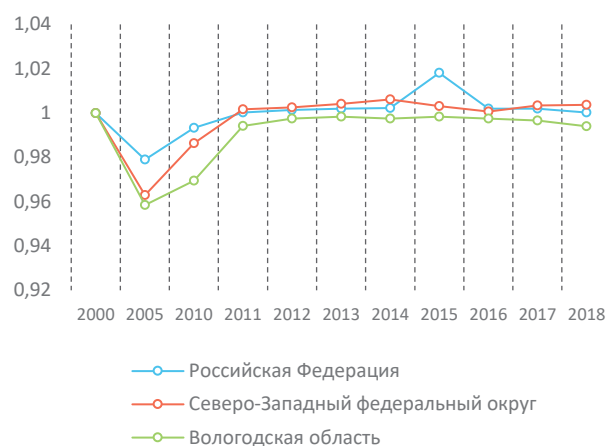
¹ Владимир Путин провёл заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам 9 мая 2019 года. URL: <http://путин.ru-an.info/новости/владимир-путин-провёл-заседание-совета-по-стратегическому-развитию-и-национальным-проектам> (дата обращения 12.05.2019).

² Статистика / Официальный портал Правительства Вологодской области. URL: https://vologda-oblast.ru/o_regione/statistika (дата обращения 13.05.2019).

Различные аспекты демографических проблем и сопутствующих им тем исследовались в работах многих отечественных специалистов. Статистическая информация, характеризующая развитие демографических трендов в Вологодской области, периодически появляется в пресс-выпусках территориального органа государственной статистики³, позволяя осуществлять их мониторинг. В СМИ Вологодской области также активно предлагаются материалы, направленные на актуализацию тем демографического состояния и поисков решения демографических проблем⁴. Опыт Вологодской области в подходах в социальной политике, направленной на решение демографических проблем, широко обсуждается с высоких трибун⁵. Периодически появляются исследовательские работы, анализирующие общие тенденции развития демографических процессов в Вологодской области [2; 3], а также труды, изучающие социально-демографические особенности здоровья в данном регионе [4; 5]. В ряде работ демографические тенденции в Вологодской области исследуются на муниципальном уровне, например, в статьях В.Ю. Ивановской [6; 7]. Вообще, Северо-Запад России в силу давнишнего формирования явного демографического кризиса являлся предметом изучения многих исследователей [8; 9], как наряду с другими федеральными округами [10; 11], так и в контексте отдельных субъектов округа [12–15]. Многие проблемы современной демографической ситуации в Вологодской области свойственны и другим регионам России, и некоторым странам мира. Поэтому в нашем исследовании важной составляющей стали и статьи зарубежных ученых [16–22].

Анализируя демографические показатели Вологодской области в новом тысячелетии, можно свидетельствовать, что выход из депопуляционной стадии пока не наступил,

хотя в ряде демографических трендов наблюдаются незначительные улучшения. Ежегодные темпы динамики численности населения Вологодской области за период 2000–2018 гг., которая представлена на *рис. 1*, указывают на утрату ее населения, особенно ярко выраженную в первом десятилетии анализируемого периода.

Рис. 1. Темпы динамики численности населения Российской Федерации, Северо-Западного федерального округа и Вологодской области за 2000–2018 гг., %

Рассчитано по: данные Росстата. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography (дата обращения 10.01.2019).

Вместе с тем отметим, что негативные тренды динамики численности населения кроме Вологодской области были свойственны и России в целом, и Северо-Западному федеральному округу (СЗФО).

Однако если показатели численности населения России к 2011 году, так же как и показатели численности населения СЗФО, стали характеризоваться положительной динамикой, то показатели численности населения Вологодской области продолжают оставаться в негативном тренде. В отличие от общероссийского и окружного процес-

³ Демография: итоги 2017 года: пресс-выпуск. URL: http://vologdastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/vologdastat/resources/049d658044caf84a9e1abede4cdebd4f4/Демография-2017.htm (дата обращения 05.01.2019).

⁴ В Правительстве Вологодской области утвердили новые механизмы улучшения демографической ситуации. URL: http://okuvshinnikov.ru/press/news/v_pravitelstve_vologodskoj_oblasti_utverdili_novye_mehanizmy_uluchsheniya_demograficheskoy_situacii/ (дата обращения 16.02.2019).

⁵ Президент Владимир Путин положительно оценил опыт Вологодской области по реализации проекта социальных контрактов. URL: http://okuvshinnikov.ru/press/news/prezident_vladimir_putin_polozhitelno_ocenil_opyt_vologodskoj_oblasti_po_realizacii_proekta_socialnyh_kontraktov (дата обращения 21.02.2019).

са восстановления численности населения в Вологодской области наблюдается незначительная убыль.

Сравнение параметров демографической ситуации в Вологодской области со среднероссийскими и окружными показателями позволяет подчеркнуть глубину процесса утраты демографического потенциала, происшедшего в последние десятилетия. Так, если в период с 2000 по 2018 год численность населения России осталась почти стабильной, а численность населения СЗФО с 2000 по 2018 год сократилась примерно на 2,6%, то Вологодская область утратила почти десятую часть своего населения (рис. 2).

Негативная демографическая тенденция в Вологодской области продолжает развиваться и в настоящее время. В 2018 году численность ее населения характеризуется минимальным показателем за последние десятилетия – 1,177 млн человек. Она продолжает терять население, тогда как численность населения СЗФО после 2010 года имеет тенденцию к росту.

Вместе с тем детальное рассмотрение процессов естественного воспроизводства в Вологодской области в контексте сравнения с данными по Российской Федерации в целом и среднеокружными показателями свидетельствует, что в регионе присутствуют как преимущества, так и недостатки для восстановления демографического потенциала. Например, в качестве преимущества Вологодской области может выступать показатель общего коэффициента рождаемости, который рассчитывается на каждую тысячу человек населения (табл. 1). Данные табли-

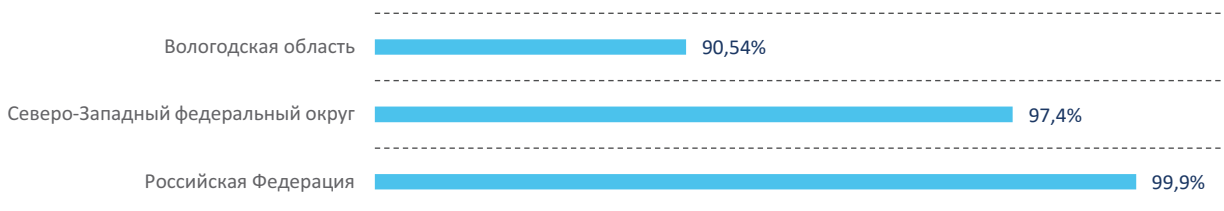
цы 1 свидетельствуют о том, что Вологодская область до 2017 года обладала уровнем рождаемости, превышающим как среднероссийский, так и среднеокружной показатели. Эта динамика свидетельствовала о лучших перспективах региона по сравнению с другими субъектами Северо-Запада, а также с общероссийской динамикой.

Однако в новый период депопуляции, наступивший в 2016 году, Вологодская область стремительно утратила это преимущество, и общий уровень рождаемости в ней стал ниже, чем в среднем по стране, и почти таким же, как в СЗФО.

К тому же показатели уровня смертности в Вологодской области сравнительно высоки (табл. 2). Они на 14–15 процентных пункта выше, чем в целом по России и СЗФО. Это определяет и наиболее проблемную ситуацию в Вологодской области по выходу из демографического кризиса, которая заключается в относительно высоком уровне смертности населения. Хотя показатели смертности здесь и имеют тенденцию к сокращению, но темпы ее снижения ниже, чем в среднем по России и округу.

В результате в настоящий период показатели естественного движения населения как в России в целом, так и в СЗФО и в Вологодской области характеризуются отрицательными величинами (табл. 3).

Причем естественная убыль населения особенно быстро развивается в Вологодской области, и этот тренд обусловлен, как было отмечено, более медленным сокращением общих показателей смертности населения и резким падением уровня рождаемости. Все

Рис. 2. Темп сокращения численности населения Российской Федерации, Северо-Западного федерального округа и Вологодской области за 2000–2018 гг., %

Рассчитано по: данные Росстата. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography (дата обращения 10.01.2019).

Таблица 1. Коэффициенты рождаемости в Российской Федерации, Северо-Западном федеральном округе и Вологодской области, ‰

	Год				
	2014	2015	2016	2017	2018
Российская Федерация	13,3	13,3	12,9	11,5	10,9
Северо-Западный федеральный округ	12,3	12,5	12,5	11,1	10,4
Вологодская область	13,6	13,7	13,3	11,4	10,5

Рассчитано по: данные Росстата. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography (дата обращения 10.01.2019).

Таблица 2. Коэффициенты смертности в Российской Федерации, Северо-Западном федеральном округе и Вологодской области, ‰

	Год				
	2014	2015	2016	2017	2018
Российская Федерация	13,1	13	12,9	12,4	12,4
Северо-Западный федеральный округ	13,3	13,4	13,2	12,8	12,5
Вологодская область	14,8	14,8	15,0	14,4	14,2

Рассчитано по: данные Росстата. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography (дата обращения 10.01.2019).

Таблица 3. Коэффициенты естественного прироста в Российской Федерации, Северо-Западном федеральном округе и Вологодской области, ‰

	Год				
	2014	2015	2016	2017	2018
Российская Федерация	0,2	0,3	0,0	-0,9	-1,5
Северо-Западный федеральный округ	-1	-0,9	-0,7	-1,7	-2,1
Вологодская область	-1,2	-1,1	-1,7	-3,0	-3,7

Рассчитано по: данные Росстата. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography (дата обращения 10.01.2019).

это демонстрирует ухудшение динамики естественного движения, показатель которого в 2018 году достиг минус 3,7‰.

Вместе с тем направленность демографической ситуации наиболее реально отражает показатель суммарного коэффициента рождаемости (СКР), который в общем плане иллюстрирует характер смены поколений. Достижение его критического значения, которое составляет 2,12 детей на 1 женщину репродуктивного возраста, позволит более оптимистично говорить о преодолении депопуляции. Информация по данному индикатору в России, СЗФО и Вологодской области в настоящий период представлена в *табл. 4*.

Вологодская область характеризуется сравнительно лучшими показателями суммарно-

го коэффициента рождаемости в отношении России в целом и СЗФО в частности. Его уровень в 2017 году в Вологодском регионе был на 12 процентных пунктов лучше, чем в среднем по Северо-Западному федеральному округу, и на 5 процентных пунктов выше, чем в среднем по России. Такое достижение могло являться важным преимуществом для областного демографического развития. Но, к сожалению, в последние годы этот показатель также снижается.

Превышение СКР в Вологодской области над среднероссийскими и среднеокружными показателями было характерно и для городского, и для сельского населения. При этом в 2015–2016 гг. сельское население Вологодской области характеризовалось пока-

Таблица 4. Суммарный коэффициент рождаемости в Российской Федерации, Северо-Западном федеральном округе и Вологодской области

	Год				
	2013	2014	2015	2016	2017
Российская Федерация	1,71	1,75	1,78	1,76	1,62
Северо-Западный федеральный округ	1,57	1,61	1,66	1,67	1,52
Вологодская область	1,85	1,86	1,92	1,90	1,70

Рассчитано по: данные Росстата. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography (дата обращения 10.01.2019).

зателем СКР, который уже преодолел критическую отметку для этого индикатора и составлял 2,24 и 2,22 ребенка на одну женщину репродуктивного возраста.

Суммарный коэффициент рождаемости в Вологодской области для городского населения превышал в 2016 году среднероссийский показатель на 8 процентных пунктов, а среднеокружной – на 10 процентных пунктов. Но более всего преимущество Вологодского региона в отношении СКР выражено в сельском населении, у которого превышение этого показателя относительно среднего по России составляет почти 8 процентных пунктов, а относительно среднего по СЗФО – почти 18 процентных пунктов.

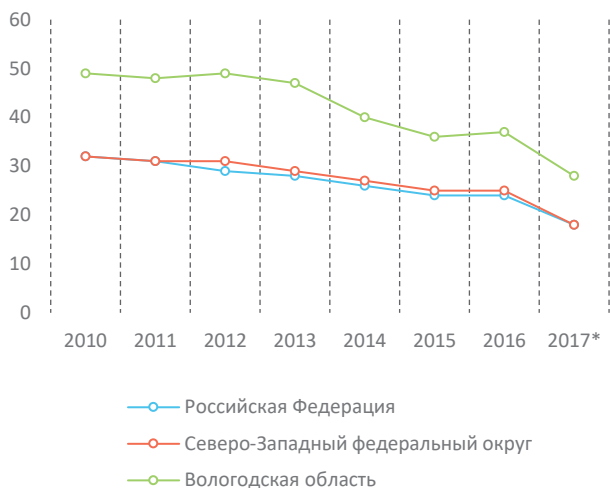
Однако динамика СКР в настоящее время ухудшается, что может привести к нивелированию имеющегося преимущества в Вологодской области.

Таким образом, происходит снижение позитивной динамики роста СКР, которая в условиях ухудшения демографической ситуации в дальнейшем снизит свое благоприятное влияние. К этому можно добавить еще и то, что, по оперативным данным, в Вологодской области в отличие от других регионов Северо-Запада по сравнению с 2015 годом в 2016 году произошло увеличение показателя младенческой смертности, которая и так характеризуется показателем, превышающем и средний по России, и средний по СЗФО: 6,6‰, против 6,0‰ и 4,8‰. В связи с тем что больше, чем наполовину, показатель младенческой смертности зависит от состояний, возникающих в перинатальном периоде, усиливается необходимость совершенствования деятельности женских консультаций в Вологодской области.

Миграционный отток из Вологодской области – это еще один компонент демографической динамики, который имеет двойное влияние на демографический потенциал. Во-первых, с нарастающим эффектом происходит сокращение численности населения. Так, в 2017 году миграционная убыль населения составила 3660 человек и была максимальной по отношению к периоду с 2012 года. Во-вторых, за счет миграции дополнительно сокращается численность женщин в фертильных возрастах, так как 40% всех выбывших из Вологодской области в 2017 году – это женщины, находящиеся в репродуктивном возрасте. Таким образом, миграционные тренды последних лет существенно ухудшают условия для сохранения демографического потенциала Вологодской области.

Существенным фактором современного развития демографического потенциала Вологодской области является проблема абортов. Ее анализ свидетельствует, что показатели, характеризующие данную проблему, в Вологодском регионе негативны в соотношении с общероссийским и общеокружным уровнем (рис. 3).

Если параметры и динамика постепенного снижения показателя числа абортов на 1000 женщин репродуктивного возраста по России в целом и СЗФО почти совпадали, то в Вологодской области этот показатель был значительно выше. Превышение числа абортов на 1000 женщин репродуктивного возраста в Вологодской области относительно среднероссийских и среднеокружных данных составляло в разные годы от 1,5 до 1,7 раза. Если в среднем по России из 100 женщин репродуктивного возраста аборт в этот период выбирали 2–3 женщины, то в Воло-

Рис. 3. Число абортсв на 1000 женщин в возрасте 15–49 лет в Российской Федерации, Северо-Западном федеральном округе и Вологодской области, ‰

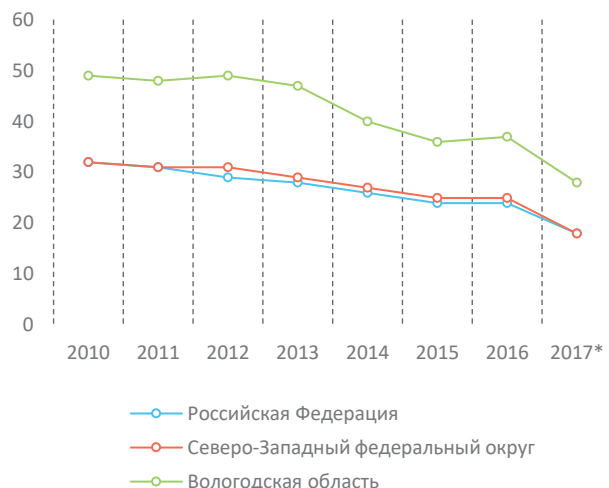
* 2017 год включен в расчеты на основе статистических данных Минздрава РФ «Основные показатели здоровья матери и ребенка, деятельность службы охраны детства и родовспоможения в Российской Федерации». URL: https://static-2.rosminzdrav.ru/system/attachments/attachments/000/038/884/original/13_Основные_показатели_здоровья_матери_и_ребенка_деятельность_службы_охраны_детства_и_родовспоможения_2017.doc?1530792142 (дата обращения 04.07.2019).

Рассчитано по: данные Росстата. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography (дата обращения 10.01.2019).

годской области их число увеличивалось до 4–5 женщин из 100. Этот факт требует более детального изучения и научного объяснения такой особенности негативного выбора женщин Вологодской области при наступлении беременности.

С одной стороны, в области сложились относительно высокие показатели суммарного коэффициента рождаемости, что создает возможность позитивного вектора демографического развития, с другой – Вологодская область характеризуется негативным соотношением числа абортов и родов (рис. 4).

Так, показатель числа абортов на 100 родов в Вологодской области в период с 2010 года на 30–40 процентных пунктов был выше, чем в среднем по Северо-Западному федеральному округу, и на 40–50 процентных пунктов выше, чем в среднем по Российской Федерации. Даже резкое сокращение в 2017

Рис. 4. Число абортсв на 100 родов в Российской Федерации, Северо-Западном федеральном округе и Вологодской области

* 2017 год включен в расчеты на основе статистических данных Минздрава РФ «Основные показатели здоровья матери и ребенка, деятельность службы охраны детства и родовспоможения в Российской Федерации». URL: https://static-2.rosminzdrav.ru/system/attachments/attaches/000/038/884/original/13_Основные_показатели_здоровья_матери_и_ребенка_деятельность_службы_охраны_детства_и_родовспоможения_2017.doc?1530792142 (дата обращения 04.07.2019).

Рассчитано по: данные Росстата. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography (дата обращения 10.01.2019).

году числа абортов на 1000 женщин репродуктивного возраста (см. рис. 3) и числа абортов на 100 родов (см. рис. 4), произошедшее в Вологодской области, негативно выделяет ее на фоне среднеокружных и среднероссийских показателей. Это составляет существенный резерв для демографического потенциала Вологодской области. Значительное снижение абсолютного и относительного числа абортов позволит сократить негативное влияние этого фактора на демографическое развитие Вологодской области.

Таким образом, демографический потенциал Вологодской области в современный период характеризуется как возможностями для преодоления депопуляционного вектора развития, так и недостатками, для ликвидации которых требуется соответствующая здравоохранительная и демографическая региональная политика.

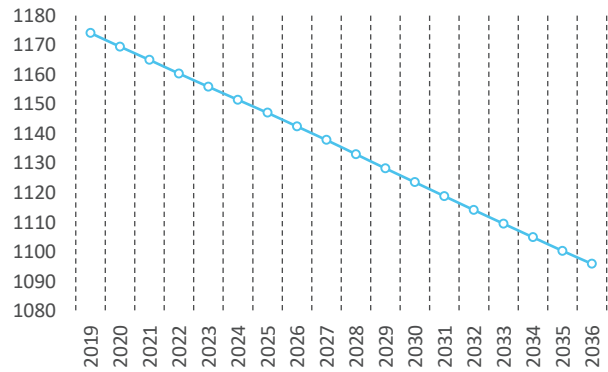
Если же будут распространены современные тенденции воспроизводства населения Вологодской области в перспективе, то есть опасность еще больше сократить демографический потенциал этого региона. О риске развития такого сценария свидетельствуют прогнозные данные, рассчитанные Росстатом на 2019–2036 гг. Так, по среднему варианту прогноза, численность населения Вологодской области снизится до уровня 1,096 млн человек (рис. 5).

За ближайшие двадцатилетие Вологодская область станет еще менее населенной. Численность ее населения сократится на 7%. Это сокращение будет обусловлено главным образом падением общих показателей рождаемости, которые в отличие от общероссийского и общеокружного тренда не изменят свою траекторию к концу прогнозного периода (рис. 6).

Если в России в целом минимальные значения уровня рождаемости будут наблюдаться в 2027–2031 гг., а в пределах СЗФО в 2031–2032 гг., то в Вологодской области тренд на минимизацию этого показателя будет продолжаться и за пределами прогнозного периода. Показатели уровня рождаемости будут составлять к 2036 году в России 9,9‰, в СЗФО – 9,0‰, в Вологодской области – 8,2‰.

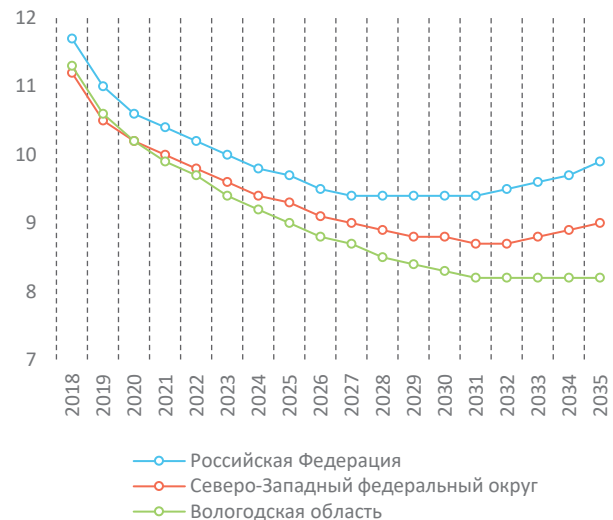
Относительно уровня смертности в обозримой перспективе также отмечается более замедленное ее снижение в Вологодской области по сравнению с общероссийским и окружным трендами (рис. 7). Причем разрыв между общероссийскими, окружными показателями смертности и уровнем смертности в Вологодской области будет увеличен к 2035 году. К концу прогнозного периода эти показатели достигнут в России 11,7‰, в СЗФО – 11,9‰, в Вологодской области – 12,7‰.

В результате сочетания процессов рождаемости и смертности динамика естественного прироста населения в Вологодской области будет характеризоваться наиболее негативными тенденциями (рис. 8). Все ближайшее двадцатилетие в Вологодской области, возможно, будет развиваться депопуляция, которая не предполагает изменения

Рис. 5. Прогнозная численность населения Вологодской области в 2019–2036 гг., тыс. чел.

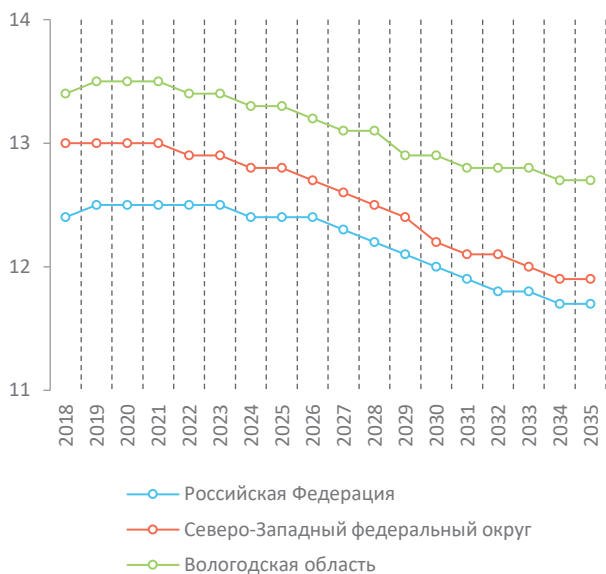
Рассчитано по: Статистический бюллетень «Предположительная численность населения Российской Федерации до 2035 года» / Росстат. М., 2018. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095525812 (дата обращения 16.09.2018).

Рис. 6. Прогнозная динамика коэффициентов рождаемости в Российской Федерации, Северо-Западном федеральном округе и Вологодской области, ‰

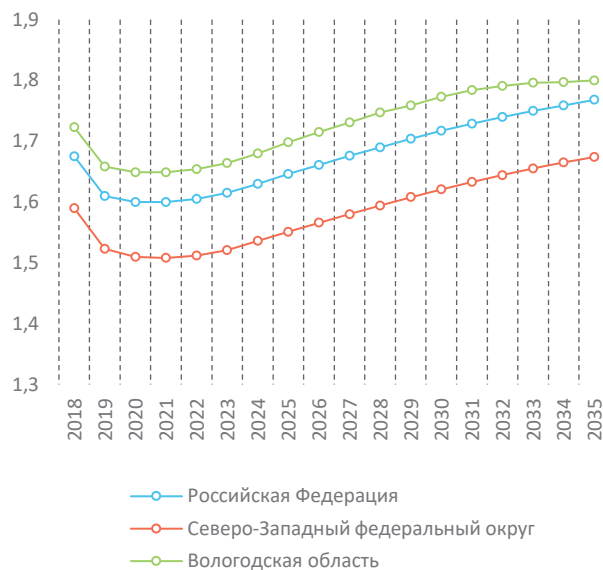
Рассчитано по: Статистический бюллетень «Предположительная численность населения Российской Федерации до 2035 года» / Росстат. М., 2018. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095525812 (дата обращения 16.09.2018).

тренда на протяжении всего периода в отличие от динамики естественного прироста в пределах России в целом и в пределах СЗФО. Если общероссийский тренд естественной убыли населения достигнет наиболее негативных показателей в 2026–2027 гг., а в пределах СЗФО – в 2026–2029 гг., то в Вологод-

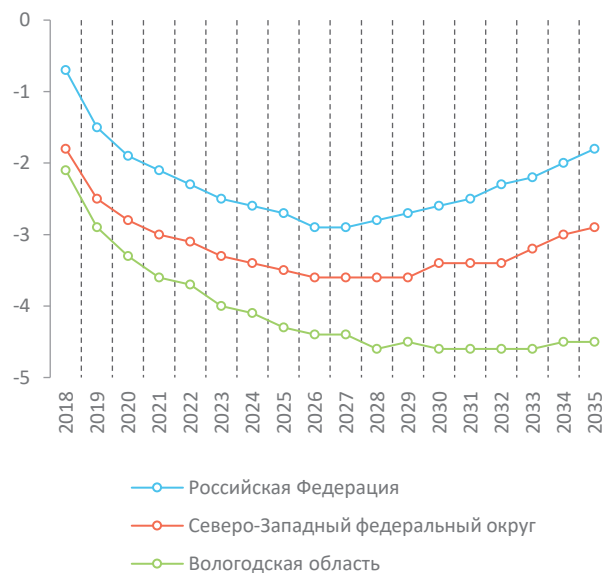
Рис. 7. Прогнозная динамика коэффициентов смертности в Российской Федерации, Северо-Западном федеральном округе и Вологодской области, ‰

Рассчитано по: Статистический бюллетень «Предположительная численность населения Российской Федерации до 2035 года» / Росстат. М., 2018. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095525812 (дата обращения 16.09.2018).

Рис. 9. Прогнозная динамика суммарного коэффициента рождаемости в Российской Федерации, Северо-Западном федеральном округе и Вологодской области, ‰

Рассчитано по: Статистический бюллетень «Предположительная численность населения Российской Федерации до 2035 года» / Росстат. М., 2018. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095525812 (дата обращения 16.09.2018).

Рис. 8. Прогнозная динамика коэффициентов естественного прироста (убыли) в Российской Федерации, Северо-Западном федеральном округе и Вологодской области, ‰

Рассчитано по: Статистический бюллетень «Предположительная численность населения Российской Федерации до 2035 года» / Росстат. М., 2018. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095525812 (дата обращения 16.09.2018).

ской области значительная убыль населения, возможно, «затормозится» лишь в конце прогнозируемого периода. Показатели естественной убыли населения в 2035 году будут находиться в пределах минус 1,8‰ для России в целом, минус 2,9‰ – для СЗФО и минус 4,5‰ – для Вологодской области.

Единственным демографическим преимуществом в предстоящее двадцатилетие Вологодской области будет являться показатель суммарного коэффициента рождаемости, который на протяжении прогнозного периода будет выше, чем общероссийский и окружной (рис. 9).

По среднему варианту прогнозного тренда суммарный показатель рождаемости будет падать до 2021 года и в пределах России и СЗФО, а также в Вологодской области. В последующем предполагается его рост, причем синхронно с общероссийским и окружным трендом. В результате к концу прогнозного периода его параметры, возможно, превысят ненешний уровень. В 2035 году суммарный коэффициент рождаемости для России в целом достигнет

1,768 детей на одну женщину репродуктивного возраста, для СЗФО – 1,674 и для Вологодской области – 1,800 соответственно.

Заключение

Анализ современного состояния процессов воспроизводства населения Вологодской области в контексте общероссийских и окружных трендов, а также изучение перспектив развития негативных процессов депопуляции в среднесрочном периоде свидетельствуют, что в регионе пока еще есть относительные преимущества для выравнивания и стабилизации демографического развития, заключающиеся в сравнительно высоком уровне суммарного коэффициента рождаемости. Иные позитивные особенности демографических характеристик Вологодского региона в настоящее время утрачены.

В связи с этим следует при формировании концептуальных целей демографического развития Вологодской области на перспективу обратить пристальное внимание на профилактику аборт, сокращение младенческой смертности, сокращение общего уровня смертности. Также следовало бы усилить эффекты от имеющегося преимущества, связанного с суммарным коэффициентом рождаемости, и разработать дополнительные меры социальной поддержки многодетных семей. Особую актуальность тщательный анализ состояния и перспектив демографического развития Вологодской области в частности и Северо-Западного федерального округа в целом будет иметь в контексте формирования комплекса национальных проектов, особенно проекта «Демография». При этом в рамках выполнения региональных программ и проектов, вероятно, актуальным является учет недостатков, присущих в целом приоритетным национальным проектам, на которые ранее указывали эксперты, а также представители Счетной палаты РФ. В их числе следующие:

- серьезные риски в процессе достижения поставленных национальных целей даже с учетом реализации всех запланированных мероприятий нацпроектов в рамках утвержденных паспортов;

- прямое влияние на достижение национальных целей оказывает не более четверти мероприятий, предусмотренных в паспортах, остальные носят организационный, обеспечивающий характер;

- значительная часть мероприятий дублирует ранее предусмотренные в государственных программах и представленные в предыдущих национальных проектах;

- очень серьезная проблема связана с мониторингом выполнения приоритетных национальных проектов, в том числе и на региональном уровне (из предусмотренных показателей 75%, указанных во всех нацпроектах, или статистически не наблюдаются, или требуют специальных методик измерения);

- недостаточные объемы ресурсов: в ближайшие три года направляются на социальные отрасли 3,4–3,6% ВВП (уровень 2015 года.). В связи с этим, проанализировав общие финансовые ресурсы, которые выделяются на эти сферы, отметим, что в предстоящие шесть лет из 25,7 трлн рублей всех расходов на здравоохранение только 6,7% (это 1,7 трлн) направляются на реализацию задач национальных проектов. А в сфере образования этот процент еще меньше – 2,9.

Следует согласиться с исследователями [23] в том, что в нашей стране наличие двух ресурсов – научного потенциала и позитивного опыта государственного управления ВПК – позволяет надеяться на успех, при условии, что эти ресурсы будут использованы при реализации приоритетных национальных проектов, в том числе «Демографии». Но вопрос в том, будут ли приняты конкретные политические действия в этом направлении?

ЛИТЕРАТУРА

1. Шабунова А.А. Общественное развитие и демографические вызовы современности // Проблемы развития территории. 2014. № 2 (70). С. 7–17.
2. Калачикова О.Н., Шабунова А.А., Ласточкина М.А. Тенденции и перспективы демографического развития России и Вологодской области. URL: <https://psibook.com/religion/tendentsii-i-perspektivy-demograficheskogo-razvitiya-rossii-i-vologodskoy-oblasti.html> (дата обращения 10.11.2018).
3. Шабунова А.А., Богатырев А.О. Вологодская область: перспективы демографического развития территории. URL: <https://www.docme.ru/download/1528634> (дата обращения 16.02.2019).
4. Доброхлеб В.Г., Копейкина Н.А. Демографический переход и формирование институтов здорового образа жизни детского населения. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/demograficheskiy-perehod-i-formirovanie-sotsialnyh-institutov-zdorovogo-obraza-zhizni-detskogo-naseleniya-1> (дата обращения 12.09.2018).
5. Шабунова А.А., Рыбакова Н.А., Тихомирова Г.В. Факторы, ограничивающие здоровье населения региона (на примере Вологодской области). URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0419/analit03.php> (дата обращения 06.03.2018).
6. Ивановская В.Ю., Ивановская А.Л. Анализ демографической ситуации в районах Вологодской области в 2013–2015 годах // Инновационные технологии в науке и образовании: мат-лы VIII Международ. науч.-практ. конф., 23 сент. 2016 г. / редкол.: О.Н. Широков [и др.]. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2016. С. 269–272.
7. Ивановская В.Ю. Анализ демографической ситуации в Вологодской области. URL: https://www.alley-science.ru/domains_data/files/1Oct18/ANALIZ%20DEMOGRAFICHESKOY%20SITUACII%20%20V%20VOLOGODSKOY%20OBLASTI.pdf (дата обращения 22.02.2019).
8. Мкртчян Н.В., Карачурина Л.Б. Центры и периферия в странах Балтии и регионах Северо-Запада России: динамика населения в 2000-е годы // Балтийский регион. 2014. № 2. С. 62–80.
9. Манаков А.Г. Исторические срезы в географии населения Северо-Запада России (с конца XIX в. по начало XXI в.) // Пск. регионол. журн. 2015. № 23. С. 72–91.
10. Елизаров В.В. Демографическое развитие России и ее регионов: общее и особенное // Уровень жизни населения регионов России. 2014. № 1. С. 57–72.
11. Садовникова Ю.Ю., Тимейчук Л.Н. Региональная дифференциация процессов управления демографическим развитием // Экономические науки. 2011. № 3. С. 216–220.
12. Кривуля И.В., Манаков А.Г. Депопуляционные процессы в Псковской области и ключевые направления демографической политики // Пск. регионол. журн. 2006. № 1. С. 57–69.
13. Преминина Я.К. Современный демографический кризис в Архангельской области // Arctic Environmental Research. 2010. № 4. С. 20–26.
14. Яковлева А.В., Грибанова Н.В. Демографическое развитие Ленинградской области // Экономика и предпринимательство. 2018. № 2. С. 1086–1094.
15. Михель Е.А. Демографическая ситуация в Республике Карелия на рубеже XX–XXI веков // Народонаселение. 2012. № 4 (58). С. 45–52.
16. Nowossadeck E., Pruetz F. Regional differences in the development of hospitalizations: An effect of different demographic trends? *Bundesgesundheitsblatt, Gesundheitsforschung, Gesundheitsschutz*, 2018, vol. 61, no. 3, pp. 358–366.
17. Pastuszka S. Regional differentiation of the demographic potential in Italy and Poland. *Comparative Economic Research*, 2017, vol. 20, no. 3, pp. 137–159.
18. Gerber T.P., Berman D. Entry to marriage and cohabitation in Russia, 1985–2000: Trends, correlates, and implications for the second demographic transition. *European Journal of Population Review*, 2010, vol. 26, pp. 3–31.
19. Kennedy B.P., Kawachi I., Brainerd E. The role of social capital in the Russian mortality crisis. *World development*, 1998, vol. 26, no. 11, pp. 2029–2043.
20. Mladenov C., Ilieva M. The depopulation of the Bulgarian villages. *Bulletin of Geography. Socio-economic series*, 2012, vol. 17, no. 17, pp. 99–107.
21. Collantes F., Pinilla V. Extreme depopulation in the Spanish rural mountain areas: a case study of Aragon in the nineteenth and twentieth centuries. *Rural History*, 2004, vol. 15, no. 2, pp. 149–166.

22. Feser E., Sweeney S. Out-migration, depopulation, and the geography of US economic distress. *International Regional Science Review*, 2003, vol. 26, no. 1, pp. 38–67.
23. Ильин В.А., Морев М.В. «Интеллектуальное бессилие» правящих элит и «глубинный народ» «долгого государства» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 2. С. 9–35. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.1

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Доброхлеб Валентина Григорьевна – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук. Россия, 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32. Тел.: +7(499) 129-08-01. Главный научный сотрудник. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-политических исследований Российской академии наук. Россия, 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6. Тел.: +7(499) 530-28-84. E-mail: vdobrokhleb@mail.ru.

Сigareва Евгения Петровна – кандидат экономических наук, заведующий отделом воспроизводства населения и демографической политики, ведущий научный сотрудник. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-политических исследований Российской академии наук. Россия, 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6. E-mail: sigarevae@mail.ru. Тел.: +7(499) 530-28-84.

Dobrokhleb V.G., Sigareva E.P.

THE DEMOGRAPHIC CAPACITY OF THE VOLOGDA OBLAST

The article is devoted to the study of the demographic capacity of the Vologda Oblast. The relevance of the topic is due to two circumstances: first, the entry of Russia as a whole and the vast majority of its entities into a new stage of depopulation, and second, the formation of regional demographic development programs based on priority national projects. The idea of the research is that each Russia's entity is unique, characterized by specific demographic structural and dynamic parameters. This is due to their historical, geographical, cultural and other features that determine the current demographic state, as well as future trends in the development of the demographic capacity. The Vologda Oblast as a separate entity of Russia also has a specific demographic status, which contains both advantages and disadvantages to overcome the demographic crisis. The purpose of the research is to assess the existing advantages and disadvantages of the demographic situation in the Vologda Oblast and identify the most acute problems, as well as prospects for overcoming depopulation. This approach helps present the features of formation of the demographic capacity in the Vologda Oblast in more detail from a new perspective, which distinguishes this study from the works of other authors. The research object is the demographic situation in the region. An additional aspect that forms the research novelty is the method of comparative analysis in the context of national and regional trends. The use of forecast data for the medium-term period helps assess the state and prospects of the demographic potential in the Vologda Oblast through time. The main results of the study state that the demographic capacity of the Vologda Oblast has certain advantages in relation to the all-Russian and district demographic trends, which consist in a relatively high rate of total fertility. However, the risks of losing this advantage are high, which requires target regional population policies towards abortion prevention, reduction of infant mortality and overall mortality.

Population, fertility, mortality, natural growth, total fertility rate, abortion, capacity, priority national projects, Vologda Oblast.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Dobrokhleb Valentina Grigor'evna – Doctor of Economics, Professor, Chief Research Associate. Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences. 32, Nakhimovskii Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation. Chief Research Associate. Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences. 6, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation. Phone: +7(499) 530-28-84.

Sigareva Evgeniya Petrovna – Ph.D. in Economics, Head of Department for Population Reproduction and Demographic Policy, Chief Research Associate. Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences. 6, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation. E-mail: sigarevae@mail.ru. Phone: +7(499) 530-28-84.

DOI: 10.15838/ptd.2019.4.102.8

УДК 323.21 | ББК 66.3 (2 Рос) 12

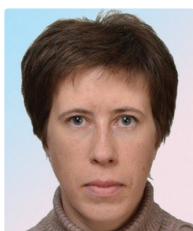
© Уханова Ю.В., Параничева И.В.

ПРЕДПОСЫЛКИ И ВОВЛЕЧЕННОСТЬ СЕЛЬСКОГО СОЦИУМА В ПРАКТИКИ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ¹

УХАНОВА ЮЛИЯ ВИКТОРОВНА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: ukhanova4@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-7307-9520; ResearcherID: Q-7225-2017

ПАРАНИЧЕВА ИРИНА ВИКТОРОВНА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: irina_4arozero@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1302-2842; ResearcherID: B-8329-2019

В условиях упадка хозяйственной и социальной жизни в России обеспечение устойчивого развития сельской территорий является актуальной проблемой. Исследователи на мировом и российском уровне приходят к выводу, что одним из важных ресурсов развития сельского пространства выступают гражданские инициативы местного населения (А. Etzioni, Р. Vanin, J. Masschelein, R. Quaghebeur, Williams, A. Gilchrist, Ю.А. Большакова, Т.В. Суханова и др.). Целью статьи является попытка выявить особенности установок и реальных практик гражданского участия сельского населения на материалах Вологодской области. При проведении исследования использовались методы формально-логического анализа, социологического исследования (метод

Для цитирования Уханова Ю.В., Параничева И.В. Предпосылки и вовлеченность сельского социума в практики гражданского участия // Проблемы развития территории. 2019. № 4 (102). С. 132–147. DOI: 10.15838/ptd.2019.4.102.8

For citation: Ukhanova Yu.V., Paranicheva I.V. Prerequisites and involvement of the rural population in the practice of civic participation. *Problems of Territory's Development*, 2019, no. 4 (102), pp. 132–147. DOI: 10.15838/ptd.2019.4.102.8

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-01077 «Разработка методологического подхода к оценке социального здоровья трансформирующегося общества».

анкетного опроса), табличные и графические приемы визуализации данных. Научная новизна работы заключается в изучении гражданского участия и влияющих на него установок в зависимости от пространственной дифференциации (село/город). На основе результатов социологического измерения выявлено, что сельские жители демонстрируют значительный потенциал для самоорганизации в решении социальных проблем, о чем свидетельствует анализ ценностных установок к гражданскому участию. Сельские жители наравне с горожанами вовлечены в многообразные практики гражданского участия, причем уровень участия сельчан значительно не отличается от аналогичных показателей по городскому населению. Как показал анализ, участие в деятельности общественных организаций и готовность к подобной работе в качестве члена или волонтера у населения сельских территорий ниже, чем у горожан. В таких условиях на селе меньше количество активных и эффективно функционирующих некоммерческих организаций и инициативных групп. Очевидна перспективность научного и практического поиска дальнейшего формирования инфраструктуры, создающей более доступную среду для вовлеченности населения сельских территорий в практики гражданского участия. Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы в деятельности региональных и муниципальных органов власти при разработке и реализации мероприятий, направленных на повышение уровня конструктивного гражданского участия сельского социума.

Гражданское участие, установки к гражданскому участию, гражданские инициативы, некоммерческие организации, сельские территории, сельский социум.

Введение

Сельские территории традиционно играют важную роль в социально-экономическом развитии России. По данным на апрель 2018 года сельское население страны составляет 37,6 млн человек (26% от общей численности населения)². Как отметил Ж.Т. Тощенко, современное российское село (за исключением исчезающих поселений) представляет собой конгломерат различных организаций, связанных не только с сельским хозяйством, но и с промышленной, торговой, туристической и другими несельскохозяйственными сферами, что ранее не наблюдалось [1, с. 90].

Вместе с тем длительное время для российского пространства сельских территорий характерен упадок хозяйственной и социальной жизни. В большинстве регионов России, в том числе и в Вологодской области, наблюдается тенденция нарастания дисперсности сельского расселения. Растет число незаселенных деревень, снижается плотность населения, происходит его старение (увеличение доли жителей в возрасте 60 лет

и старше), нарастание гендерной диспропорции, что требует усилий по сохранению каркаса сельского расселения [2].

В целом следует заключить, что в стране и регионе, несмотря на государственные затраты по поддержанию жизнеспособности села, продолжается процесс пространственного сжатия, депопуляции населения и, как следствие, падения сельскохозяйственного производства, разрушения материально-технической базы сельского хозяйства и производственной инфраструктуры [3]. В частности, в России, по данным официальной статистики, заметна тенденция сокращения посевной площади сельскохозяйственных культур (с 117,705 млн га в 1990 году до 78,5 млн га в 2014 году), поголовья крупного рогатого скота (с 57 до 19,3 млн голов), количества тракторов (с 1345 до 247 тыс.)³. Негативные изменения наблюдаются и в Вологодской области: происходит ежегодное сокращение общей посевной площади сельскохозяйственных культур (в среднем с 2010 года по 2017 год на 15 тыс. га, или на 3,6%), поголовья скота (крупного рогатого скота –

² Оперативная информация Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography (дата обращения 10.01.2018).

³ Материально-техническая база сельскохозяйственных организаций // Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство в России. 2015: стат. сб. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2015. 201 с.

на 30,6 тыс. голов, или на 15,6%), парка сельскохозяйственной техники (с 2010 года – более чем на треть)⁴.

Состояние сельских территорий, безусловно, оказывает отрицательное влияние на экономику страны в целом и региона в частности, уровень жизни населения. По мнению экономистов, обезлюдение сельской России приводит к запустению огромных пространств, к выбытию из хозяйственного оборота сельскохозяйственных угодий, что не только угрожает продовольственной безопасности страны, но и представляет геополитическую опасность [4].

В связи с этим обеспечение устойчивого развития сельской территорий в стране и ее регионах является актуальной проблемой. В последние годы основными инструментами государственной поддержки сельской местности выступают федеральные и региональные программы развития сельского хозяйства, которые предусматривают пути решения проблем и устойчивого экономического и социального развития села.

Нормативным документом, регламентирующим перспективное развитие сельских территорий России, является «Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы» (далее – Программа), в которой отдельным направлением (подпрограммой) выделено «Устойчивое развитие сельских территорий»⁵. Для реализации данного направления законодатель предусматривает осуществление мероприятий по грантовой поддержке местных инициатив граждан, проживающих в сельской местности, в рамках государственных программ субъектов Российской Федерации. Следовательно, на федеральном уровне признается, что для достижения поставленных целей в развитии села необходим диалог с местным населением.

Из вышесказанного можно утверждать, что одним из важных ресурсов развития

сельских территорий в России выступают инициативы местного населения [5]. Тезис о том, что устойчивое развитие сельского пространства невозможно без стимулирования социальной самоорганизации населения, подтверждает и мировая практика [6–10].

В настоящем исследовании используется подход, в рамках которого деятельность граждан, направленная на улучшение среды обитания, социальную помощь, благоустройство территорий, решение социально значимых задач, трактуется как гражданское участие [11]. Участие может осуществляться путем непосредственного или опосредованного объединения индивидов в группы и сообщества различной степени устойчивости и формализации [12].

В качестве научной проблемы участие граждан в общественно-политической жизни привлекает пристальное внимание исследователей с середины XX столетия. Тема участия активно рассматривается через концепции демократии [13–16], гражданства [17; 18], гражданского общества [19–22].

Изучение проблематики гражданского участия на локальном уровне особый интерес приобретает в западной научной литературе с 1960-х гг. Предметом внимания зарубежных исследователей становятся вопросы влияния гражданского общества в целом и практик гражданского участия в частности на развитие местных сообществ и социокультурную среду его обитания [6]. Актуальность исследования участия в обозначенном контексте сформировалась благодаря вниманию к проектам развития сообществ, необходимости поиска методов оценки их эффективности [23; 24]. В последние годы в российских научных кругах тема гражданского участия как инструмента развития на локальном уровне также становится особо актуальной. Исследователи рассматривают различные виды и формы участия, механизмы его воздействия на социально-экономические и политические процессы местных сообществ [25].

⁴ Вологодская область в цифрах. 2017. Вологда: Вологдастат, 2018. 167 с.

⁵ Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг.: Пост. Правительства РФ от 14 июля 2012 г. № 717 // Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://government.ru/programs/208/events> (дата обращения 15.12.2018).

Целью статьи является попытка выявить особенности предпосылок и реальных практик гражданского участия сельского населения. При изучении предпосылок (стимулов и оснований к действию) акцент сделан на рассмотрении ценностных ориентаций и установок к гражданскому участию. Рабочей гипотезой выступает тезис о том, что гражданское участие и его предпосылки имеют специфические черты в зависимости от пространственной дифференциации (село/город).

Методология исследования

Эмпирическое исследование предпосылок и вовлеченности сельского социума в практики гражданского участия осуществлено на основе данных социологического опроса «Разработка методологического подхода к оценке социального здоровья трансформирующегося общества», проведенного Федеральным государственным бюджетным учреждением науки «Вологодский научный центр РАН» (далее – ВолНЦ РАН) в 2018 году на территории Вологодской области. При опросе использовалась модель многоступенчатой районированной выборки с квотным отбором единиц наблюдения на последней ступени. Первая ступень выборки – это выделение типичных субъектов Вологодской области, которое включает города Вологду, Череповец и районы: Бабаевский, Великоустюгский, Вожегодский, Грязовецкий, Кирилловский, Никольский, Тарногский, Шекснинский. Вторая ступень представляет собой территориальное районирование внутри выбранных субъектов. На третьей ступени ведется отбор респондентов по заданным квотам по полу и возрасту. Объем выборки составляет 1500 человек. Анализ проводится с учетом распределения ответов респондентов на вопрос «Где Вы живете?». Из всего массива опрошенных 1077 человек (72%) выбрали ответ «в городе», 423 человека (28%) – «в сельской местности». Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

Результаты исследования

Ценностные ориентации

и установки к гражданскому участию

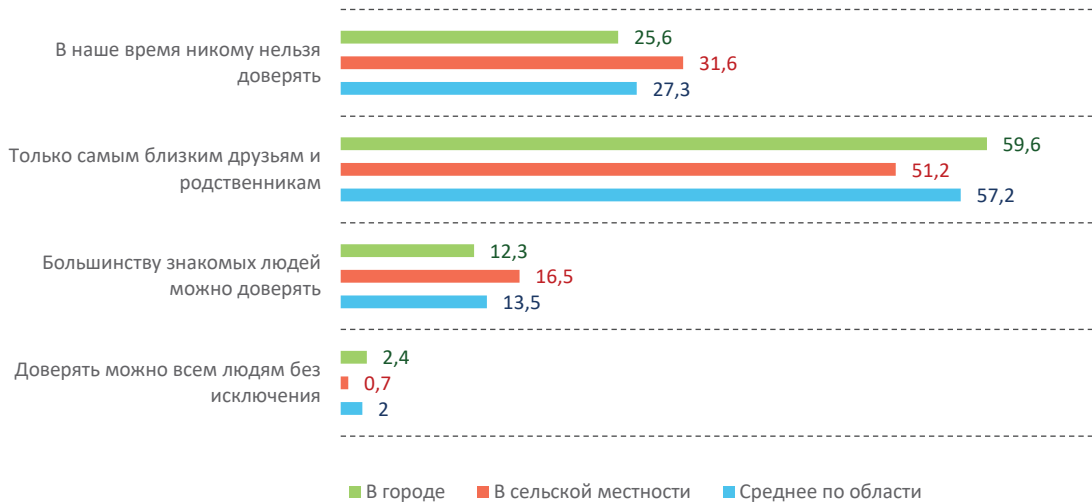
Участие как ключевой компонент гражданского общества реализует альтруистические устремления и потребность в совместной деятельности [26]. Отсюда следует, что важнейшими характеристиками гражданского участия выступают не только многообразные практики самоорганизаций, но и установки на вовлеченность в подобные практики. Как поясняет И.В. Мерсиянова, такая позиция подразумевает у людей наличие определенной системы ценностей, навыков выстраивания взаимоотношений с другими людьми, организациями и органами власти [27, с. 35–36].

На наш взгляд, наиболее значимое влияние на вовлеченность в практики гражданского участия оказывают такие ценностные ориентации и установки, как доверие к другим людям, готовность к объединению для совместных действий, гражданская ответственность, осознание возможности влияния на состояние дел.

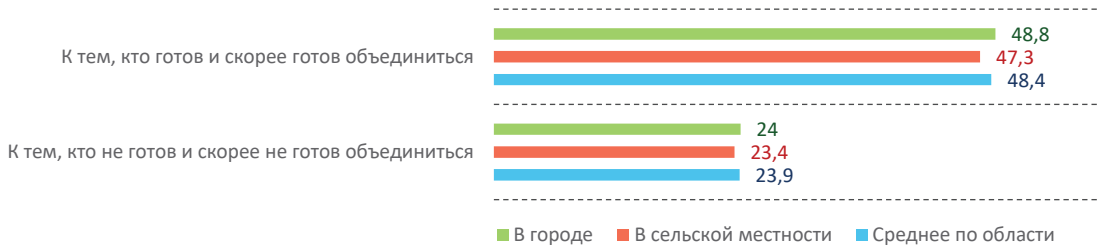
По мнению исследователей, доверие способствует снижению чувства опасности и неуверенности, позволяет активно и конструктивно воспринимать будущее [28; 29]. В связи с этим можно утверждать, что доверие выступает основой самоорганизации, совместной деятельности, способствует поддержанию моральных основ и социальных норм [30; 31].

По данным исследования, среди населения сельских территорий выше, чем среди жителей городов, доля лиц, полагающих, что в наше время никому нельзя доверять (32 против 27%; *рис. 1*). Сельские жители в меньшей степени, чем население городов, склонны доверять только людям из своего ближайшего окружения (самым близким родственникам и друзьям: 51 против 60% соответственно) и, напротив, в большей – знакомым людям (17 против 12%). В целом уровень социального доверия невелик независимо от территориального критерия: на селе только 17% респондентов считают, что большинству знакомых можно доверять,

Рис. 1. Межличностное доверие среди жителей Вологодской области, % от числа опрошенных
 Источник: данные социологического опроса ВолНЦ РАН, 2018 год.

Рис. 2. Готовность объединяться с другими людьми для совместных действий, % от числа опрошенных
 Источник: данные социологического опроса ВолНЦ РАН, 2018 год.

в городе – 12% (по стране – 25%)⁶. Кроме того, из полученных данных следует, что по мере сокращения социальной дистанции уровень доверия возрастает и среди сельских жителей, и среди горожан.

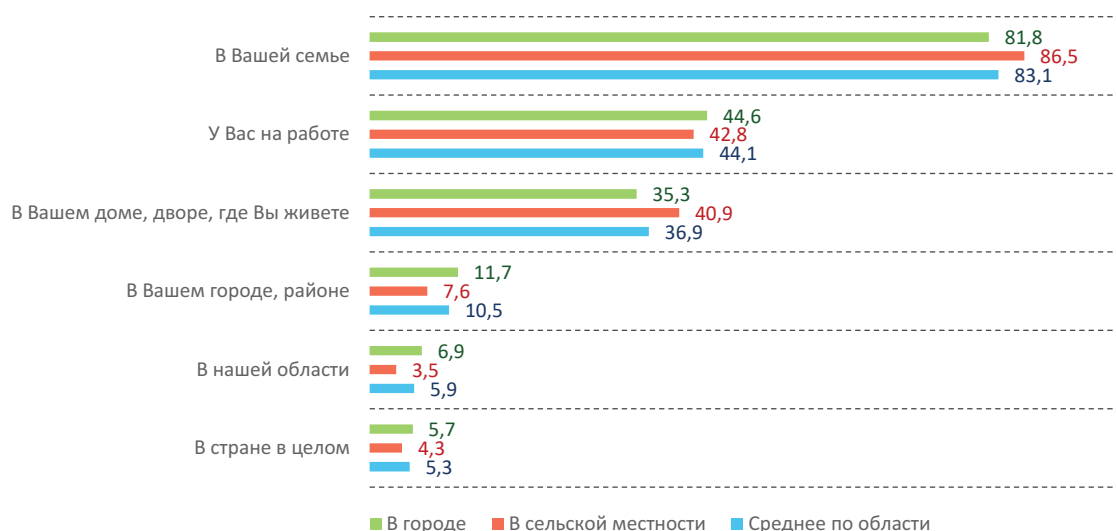
Одним из основных индикаторов, характеризующих установки населения к гражданскому участию, является готовность к объединению с другими людьми для совместных действий. Как показывают полученные данные, межпоселенческая дифференциация по этому критерию не выявляется: большая часть респондентов и сельской, и городской местности (47–49%) готова к объединению, меньше трети (24%) – придерживаются противоположной точки зрения (рис. 2). В то же

время готовность жителей региона к объединению для совместных действий ниже, чем в целом по стране. Например, по данным мониторинга Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ, в 2015 году доля россиян, готовых к объединению, составила 58%⁷.

Важнейшей установкой к гражданскому участию выступает осознание населением своей возможности влиять на состояние дел. По данным социологического опроса ВолНЦ РАН 2018 года, сельские жители в большей степени, чем горожане, полагают, что могут оказывать влияние на состояние дел в ближайшем окружении: в семье – 87 против 82%; в доме, во дворе – 41 против 35% (рис. 3).

⁶ Информационно-аналитический бюллетень о развитии гражданского общества и некоммерческого сектора в РФ. 2016. № 1 (9). С. 6.

⁷ Там же.

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, можете ли Вы лично сегодня повлиять на состояние дел ...?» (вариант ответа «да»), % от числа опрошенных

Источник: данные социологического опроса ВолНЦ РАН, 2018 год.

В то же время население сельских территорий реже, чем жители городов, осознает возможность влияния на уровне города и района (8 против 12%), области (4 против 7%). Таким образом, отличия в оценках возможности влияния на состояние дел у сельчан и городских жителей определяются в первую очередь социальной дистанцией, что соответствует и общероссийским тенденциям.

Анализ показал, что жители региона в меньшей степени, чем население в целом по стране, оценивают свою возможность повлиять на происходящее. Так, по общероссийским данным в 2015 году 81% россиян ответили, что могут влиять на ситуацию на уровне двора, 55% – на уровне города/села, 39% – на уровне страны⁸.

Значимым индикатором, влияющим на готовность населения к гражданскому участию, является осознание ответственности за состояние дел как в ближайшем, так и в дальнем окружении. Характерно, если большая часть и сельских, и городских жителей отмечает свою ответственность за ситуацию в семье (87–88%), то об ответственности на уровне дома и двора заявляют лишь 44–46% респондентов (рис. 4). При этом в сельской мест-

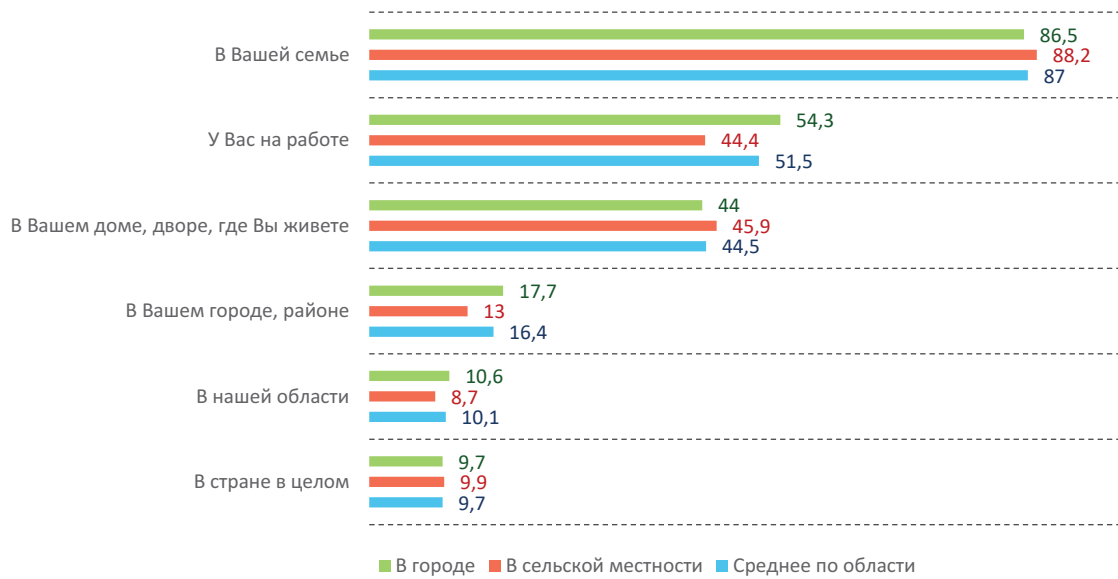
ности жители реже, чем в городе (на 5 п. п.: 13 против 17%), заявляют об ответственности за состояние дел в городе или районе.

Следует отметить, что в целом по стране россияне декларируют более высокий уровень гражданской ответственности, чем в регионе: по данным на 2015 год, при ответе на вопрос «В какой мере Вы чувствуете ответственность за то, что происходит у Вас в доме, во дворе / в городе (селе, поселке) / в стране?» доля респондентов, указавших, что чувствует ответственность на уровне дома/двора, составила 89%, на уровне города или села – 74%, на уровне страны – 62%⁹. В целом из полученных данных следует, что по мере увеличения социальной дистанции чувство ответственности в социуме снижается, независимо от территориальной дифференциации.

Таким образом, жители сельских территорий по сравнению с горожанами в меньшей степени склонны к межличностному доверию, хотя для сельчан больше, чем для городского населения, характерно доверие не только ближайшему окружению (родным), но и соседскому (знакомым). Сельские жители чаще горожан заявляют о возможности своего влияния на уровне дома/двора

⁸ Информационно-аналитический бюллетень о развитии гражданского общества и некоммерческого сектора в РФ. 2016. № 1 (9). С. 8.

⁹ Информационно-аналитический бюллетень о развитии гражданского общества и некоммерческого сектора в РФ. 2016. № 1 (9). С. 8.

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Чувствуете ли Вы себя ответственным за состояние дел ...?» (вариант ответа «да»), % от числа опрошенных

Источник: данные социологического опроса ВолНЦ РАН, 2018 год.

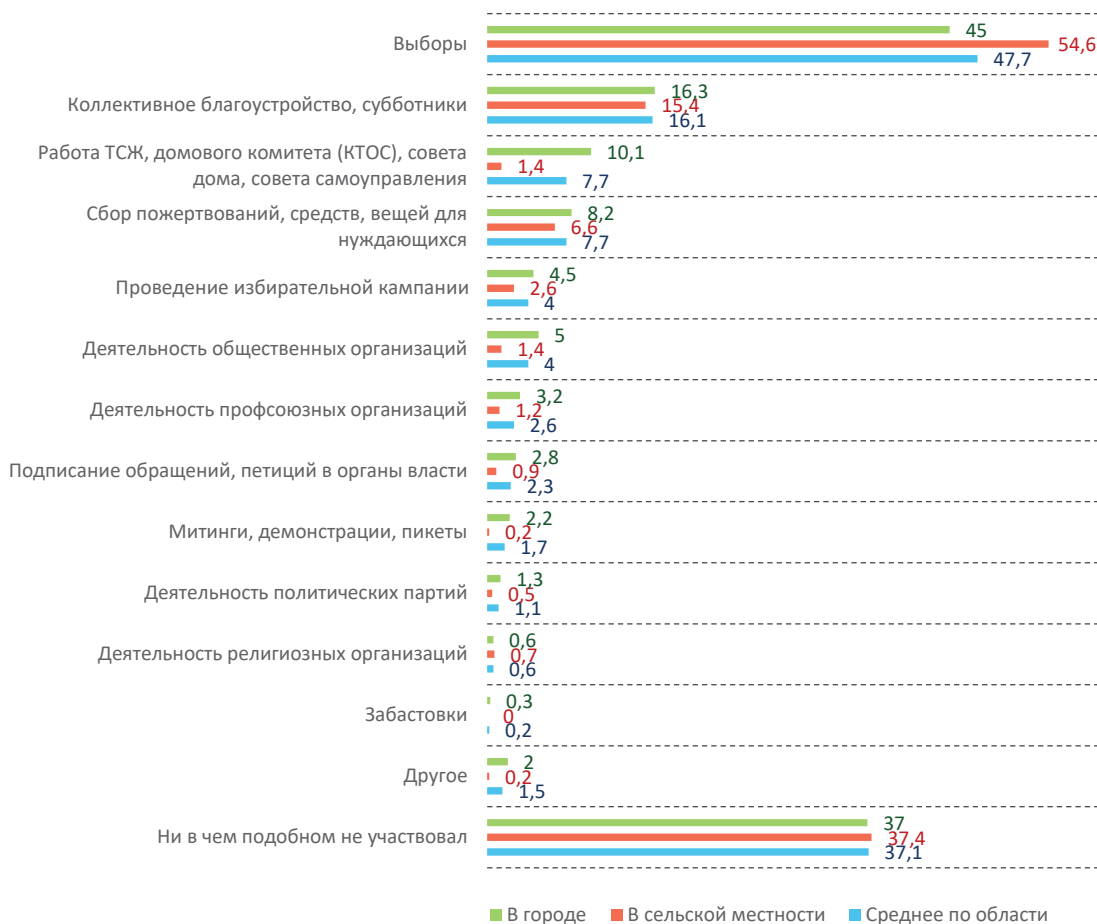
и, напротив, реже – на уровне города/района, хотя на городском или районном уровне больше, чем жители города чувствуют свою ответственность. Готовность к объединению существенно не отличается по территориальному критерию.

Несмотря на то что сельское пространство по сравнению с городским отличается менее широкой коммуникативной средой [32] и, соответственно, для села характерны менее благоприятные условия для формирования установок к гражданскому участию, сельские жители демонстрируют значительный потенциал для самоорганизации в решении социальных проблем (зачастую не ниже, а в некоторых случаях, как показал анализ, даже выше, чем горожане).

В то же время выявлено, что уровень ценностных ориентаций и установок к гражданскому участию и среди сельского, и среди городского населения региона значительно ниже по сравнению с аналогичными общероссийскими показателями. Кроме того, получен вывод о том, что независимо от территориальной дифференциации по мере увеличения социальной дистанции установки к участию в социуме снижаются.

Включенность сельского социума в практики гражданского участия

По результатам социологического измерения ВолНЦ РАН 2018 года, в регионе в иерархии практик гражданского участия не прослеживается значительной дифференциации по территориальному критерию. Чаще всего жители Вологодской области заявляют о том, что участвуют в выборах (48%; рис. 5). Как справедливо заметил В.В. Петухов: «нет ничего удивительного, что когда заходит речь о конкретных формах участия, первую позицию занимают выборы, т. е. самый простой и необременительный вид выражения политической позиции» [33]. На втором месте по популярности (хотя с большим отрывом от выборов) – участие в коллективном благоустройстве территорий (16%). Обращает на себя внимание низкая доля тех, кто участвует в деятельности различного вида общественных объединений и организаций (менее 10%). Несмотря на то что, безусловно, институциональное гражданское участие играет ведущую роль в развитии гражданского общества, одновременно с этим возрастает значение неформальных форм самоорганизации, например, в решении во-

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «В каких мероприятиях общественной и политической жизни Вам приходилось участвовать в 2017 году?», % от числа опрошенных
 Источник: данные социологического опроса ВолНЦ РАН, 2018 год.

просов благоустройства и благотворительности (эти виды участия находятся на 2 и 3 месте в иерархии практик исследуемого регионального сообщества).

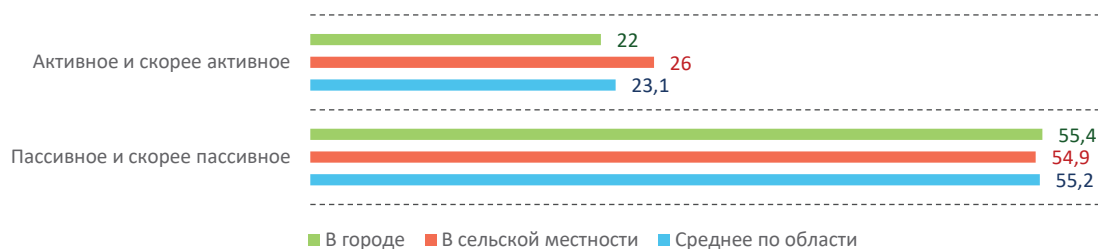
При сравнении вовлеченности сельских и городских жителей в различные виды общественной деятельности следует отметить, что на селе респонденты чаще заявляют об участии в такой форме гражданского участия, как выборы (55 против 45%)¹⁰. Однако среди сельчан ниже уровень участия в работе домовых организаций (ТСЖ, КТОС, совете дома и т. д. – 1 против 10%), что объясняется спецификой жилищного фонда в сельской местности, который представлен в основном малоэтажными постройками и частным сектором. Кроме того, сельское население

реже по сравнению с городским принимает участие в деятельности общественных организаций (1 против 5%).

Отметим, что уровень вовлеченности жителей сельских территорий в разнообразные практики гражданского участия в целом не отличается от аналогичных показателей участия городского населения: 62% жителей и города, и села принимали участие в тех или иных мероприятиях общественно-политической жизни, 37–38%, напротив, нигде не участвовали.

В результате проведенного анализа оценки регионального сообщества степени своего участия в общественно-политической жизни следует отметить, что большая часть и сельского, и городского населения заявля-

¹⁰ сентября 2017 года в Единый день голосования в Вологодской области состоялись выборы в 17 городских и 103 сельских поселениях // Вологда.РФ. URL: <https://volgda.rf> (дата обращения 27.12.2018).

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы оценили степень Вашего участия в общественной и политической жизни?», % от числа опрошенных

Источник: данные социологического опроса ВолНЦ РАН, 2018 год.

ет о своем пассивном гражданском участии (55–56%; *рис. 6*). В то же время сельские жители несколько выше, чем горожане, оценивают уровень своего участия в общественно-политической жизни (26 против 22%).

Таким образом, жители области независимо от места проживания проявляют низкий уровень гражданского участия – больше трети респондентов и в сельской, и в городской местности демонстрирует отсутствие участия в общественно-политической жизни, более половины населения региона оценивает свое гражданское участие как пассивное и скорее пассивное.

Вовлеченность населения сельских территорий в деятельность негосударственных некоммерческих организаций

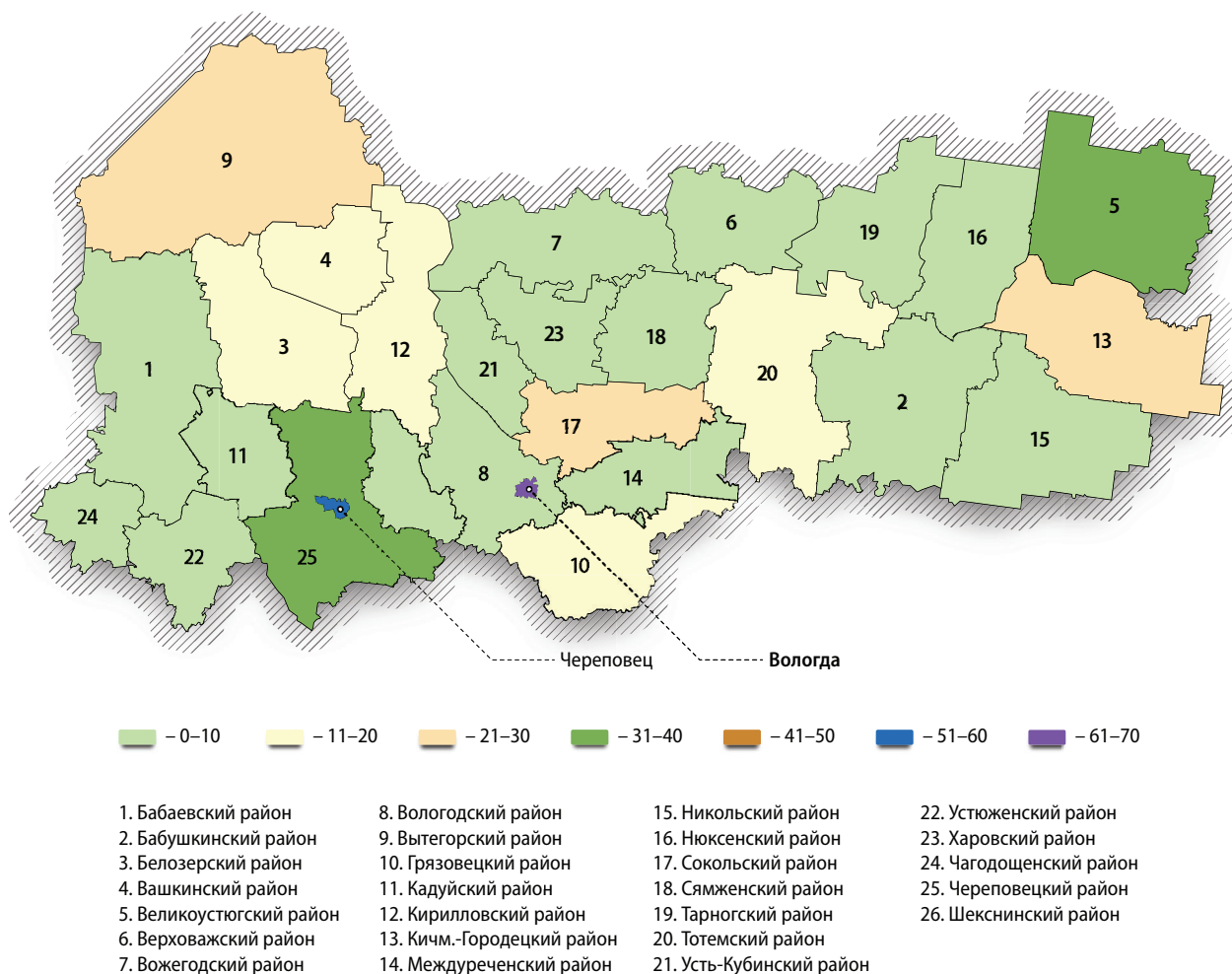
При изучении практик гражданского участия отдельное внимание необходимо уделить вовлеченности населения в деятельность негосударственных некоммерческих организаций. Как свидетельствуют официальные материалы Министерства юстиции РФ, в 2018 году на территории Вологодской области зарегистрировано 1679 НКО¹¹. В то же время из общего списка официально зарегистрированных некоммерческих организаций затруднительно выявить те негосударственные НКО, которые реально функционируют. В 2015 году на территории Вологодской области в рамках программы «Центр поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций и гражданских инициатив «Дом НКО» был осуществлен проект

по сбору и систематизации информации об эффективных некоммерческих организациях, объединениях, гражданских группах и т. д. по территориальному критерию. Безусловно, результаты проекта не дают полной картины о количественном соотношении активно действующих организаций некоммерческого сектора в регионе, но позволяют сделать некоторые наблюдения о работе НКО и инициативных групп по муниципальным образованиям (авторы под жителями этих типов территорий подразумевают население сельской местности).

Анализ и обобщение полученных данных показали, что в большинстве муниципальных районов Вологодской области наблюдается незначительное количество активно функционирующих общественных организаций и инициативных групп. Так, из 27 муниципальных образований в 16 отмечено до 10 таких организаций, в 5 (Белозерском, Вашкинском, Грязовецком, Кирилловском, Тотемском районах) – до 20 организаций (*рис. 7*). Более высокий количественный уровень активных общественных организаций наблюдается в двух районах – Великоустюгском и Череповецком (до 40 организаций). Однако в целом активность НКО и инициативных групп в районах значительно ниже, чем в крупных городах области: в Череповце количество активно функционирующих организаций достигает 60 единиц, в Вологде – 70.

При изучении некоммерческого сектора значительный интерес представляет рассмотрение не только количественного, но и качественного разнообразия обще-

¹¹ О деятельности некоммерческих организаций // Информационный портал Министерства юстиций РФ. URL: <http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx> (дата обращения 20.12.2018).

Рис. 7. Распределение наиболее эффективных общественных организаций и инициативных групп по муниципальным образованиям Вологодской области в 2015 году

Источник: Карта НКО. Справочник эффективных некоммерческих организаций и общественных объединений Вологодской области. Вологда: НКО «Фонд поддержки гражданских инициатив», 2015. 404 с.

ственных организаций. Анализ показал, что в муниципальных районах Вологодской области в большей степени представлены общественные организации, работающие с такими целевыми группами, как дети и молодежь (86 активно функционирующих организаций по данному направлению, или 34%), ветераны и пожилые люди (28 организаций, или 11%), тяжелобольные и инвалиды (21 организация, или 8%), в меньшей – многодетные семьи (7, или 2,7%; табл. 1). Для сравнения: в городе Вологде основные целевые группы, на которые направлена деятельность некоммерческого сектора, – семья, дети и многодетные (13%). Обращает на себя внимание значительная доля в общей структуре волонтерских отрядов

(46 организаций, или 18%), а также организаций и инициативных групп патриотической направленности (23, или 9%). В меньшей степени в муниципальных районах представлены организации по защите животных и экологии, профсоюзные организации, а также поисковые и спасательные организации. В целом из полученных данных видно, что в сельской местности представлены менее разнообразные по сравнению с городом практики гражданского участия, которые могут оказывать влияние на преобразование местного пространства. В частности, в районах не развиты направления деятельности общественных организаций и групп по национальным и профессиональным интересам.

Таблица 1. Распределение наиболее эффективных общественных организаций и инициативных групп муниципальных районов Вологодской области в 2015 году по сферам деятельности

Показатель направление деятельности	Районы		Город Вологда	
	количество общественных организаций и инициативных групп, ед.	доля общественных организаций и инициативных групп, %	количество общественных организаций и инициативных групп, ед.	доля общественных организаций и инициативных групп, %
Работа с ветеранами и пожилыми людьми	28	11	2	2,8
Волонтерские отряды	46	18	–	–
Детские, молодежные организации	86	33,6	4	5,7
Женские организации	9	3,5	1	1,4
Защита животных, экология	6	2,3	1	1,4
Здравоохранение, работа с тяжелобольными/инвалидами	21	8,2	12	17
Культура, искусство, образование	13	5,1	6	8,6
Национальные организации	–	–	4	5,7
Патриотизм, гражданское общество	23	9	8	11,4
Поисковые организации, спасатели	3	1,2	4	5,7
Профсоюзные организации	6	2,3	9	13
Профессиональные сообщества	–	–	7	10
Семья и дети, многодетные	7	2,7	9	13
Спорт	8	3,1	3	4,3
Итого	256	100	70	100

Рассчитано по: Карта НКО. Справочник эффективных некоммерческих организаций и общественных объединений Вологодской области. Вологда: НКО «Фонд поддержки гражданских инициатив», 2015. 404 с.

Как показывают данные Фонда поддержки гражданских инициатив, в районах Вологодской области детские и молодежные организации осуществляют свою деятельность в форме различных клубов по интересам (например, в Сокольском районе организованы компьютерный и краеведческие клубы, клубы шахматистов и журналистов; в Великоустюгском районе – исторический клуб), творческих студий и кружков, научных организаций (в частности, в Тотемском районе, пос. Царева активно работает детская общественная организация «Общественная малая академия наук «Интеллект будущего», которая ежегодно организывает научно-практические конференции, интеллектуально-творческие конкурсы для школьников). В 9 районах области функционируют молодежные парламенты, в 4 – местные отделения

Всероссийской общественной организации «Молодая Гвардия Единой России»¹².

Развитие направления по работе с ветеранами и пожилыми людьми в муниципалитетах в основном представлено деятельностью районных отделений Всероссийской общественной организации ветеранов войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов. Ключевыми задачами подобных организаций являются защита прав старшего поколения, улучшение их материального благосостояния и социальная защита¹³. Работу с инвалидами в районах области реализуют местные отделения Общероссийской организации «Всероссийское общество инвалидов», которые осуществляют контроль над доступной средой, защиту прав инвалидов, способствуют их социализации; благотворительные фонды (например, в Череповецком

¹² Карта НКО. Справочник эффективных некоммерческих организаций и общественных объединений Вологодской области. Вологда: НКО «Фонд поддержки гражданских инициатив», 2015. 404 с.

¹³ Там же.

районе «Утешение», в Вашкинском – «Импурс»), осуществляющие в том числе оказание материальной, медицинской помощи¹⁴.

В целом следует отметить многообразие направлений деятельности общественных организаций и инициативных групп в решении социальных проблем сельских территорий. Как справедливо подчеркивают И.В. Мерсиянова и Л.И. Якобсон, конкретные практики показывают, что «даже в нынешних условиях, далеких от идеальных, негосударственные некоммерческие структуры нередко демонстрируют высокую эффективность в тех областях, где работа государственных и муниципальных учреждений вызывает справедливые нарекания» [34, с. 12].

При изучении вовлеченности сельских жителей в деятельность НКО важное место занимает анализ их оценок степени участия и готовности к участию в подобной работе. Согласно полученным данным жители региона демонстрируют низкий уровень участия в деятельности общественных организаций: 85–87% респондентов ответили, что не принимают участия в их деятельности в качестве члена организации или волонтера (табл. 2). Большая часть ответивших исключает для себя работу на постоянной и безвозмездной основе в какой-либо общественной организации (41–44%). Обращает на себя внимание наличие немалой доли тех, кто затруднился

с ответом (34–37%). При сравнении оценок согласно территориальному критерию отметим, что в сельской местности в отличие от городской респонденты реже заявляют об участии в работе какой-либо общественной организации (12 против 15%). Кроме того, жители сельских территорий в меньшей степени, чем горожане, готовы к работе на постоянной и безвозмездной основе в какой-либо общественной организации (19 против 26%).

Заключение

Таким образом, в условиях упадка хозяйственной и социальной жизни сельских территорий гражданское участие, направленное на улучшение среды обитания, социальную помощь, благоустройство, решение задач, имеющих значение для жителей конкретной территории, выступает важнейшим ресурсом развития российского села.

Вопреки часто встречающимся утверждениям о том, что наблюдается социально-экономический и культурный «разлом» между городом и селом, реальная ситуация намного сложнее¹⁵. Анализ показал, что, несмотря на то что сельское пространство по сравнению с городским отличается менее широкой коммуникативной средой, жители села демонстрируют значительный потенциал самоорганизации в решении социальных проблем, зачастую не ниже горожан. Сель-

Таблица 2. Участие и готовность к участию в работе общественных организаций среди жителей Вологодской области, % от числа опрошенных

2018 год	Где Вы живете?	
	город	сельская местность
Принимаете ли Вы участие в их деятельности или являетесь членом какой-либо из них? (в % от числа ответивших на вопрос)		
Являюсь членом организации; принимаю участие как доброволец, волонтер	15,3	12,3
Не участвую и не состою	84,7	87,7
Лично Вы допускаете или исключаете для себя работу на постоянной и безвозмездной основе в какой-либо общественной организации?		
Допускаю	25,5	19,3
Исключаю	41,0	44,1
Затрудняюсь ответить	33,5	36,6
Источник: данные социологического опроса ВолНЦ РАН, 2018 года.		

¹⁴ Карта НКО. Справочник эффективных некоммерческих организаций и общественных объединений Вологодской области. Вологда: НКО «Фонд поддержки гражданских инициатив», 2015. С. 71, 129.

¹⁵ Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя. Информационно-аналитическое резюме научного издания. М.: ФНИСЦ РАН Институт социологии, 2018. 41 с.

ские жители наравне с городскими вовлечены в многообразные практики гражданского участия, причем уровень участия сельчан в целом не отличается от аналогичных показателей среди городского населения.

Однако определено, что жители области независимо от места проживания демонстрируют низкий уровень гражданского участия: больше трети респондентов и в сельской, и в городской местности отмечают свое неучастие в общественно-политической жизни, более половины – характеризуют свое участие как пассивное. Обращает на себя внимание низкий уровень участия в деятельности общественных организаций, при этом жители села по сравнению с городским населением реже заявляют об участии в работе какой-либо общественной организации, а также своей готовности к подобной деятельности. В таких условиях, соответственно, активность НКО и инициативных групп в районах значительно ниже, чем в городах области. Таким образом, можно заключить, что в результате проведенной работы гипотеза частично нашла свое подтверждение.

Как демонстрируют общероссийские исследования, невысокий уровень гражданского участия характерен и в целом для российского общества, что связано с многовековым господством патриархальной общественно-политической системы, с распространением политики государственного патернализма. В то же время важно подчеркнуть, что переход от патерналистских настроений к самоорганизации активных и ответственных граждан в решении социальных проблем является важнейшим ресурсом развития сельских территорий, о чем свидетельствуют в том числе многочисленные успешные практики общественных организаций и инициативных групп, функционирующих на муниципальном уровне Вологодской области.

На наш взгляд, основным препятствием на пути конструктивного развития гражданского участия сельского социума, как и городского, в решении общественно значимых проблем является несформированная мотивация. Одним из приоритетных направлений, мотивирующих граждан к участию в решении местных проблем, может стать формирование и развитие системы гражданского образования на селе через сотрудничество институтов гражданского общества с органами управления системой образования, учреждениями среднего и высшего образования. В частности, может представлять практический интерес проведение в сельских школах факультативных занятий в интерактивной форме по общественнонаучным дисциплинам, направленных на повышение уровня гражданско-правовой культуры.

Из вышесказанного очевидна необходимость поиска дальнейшего формирования инфраструктуры, создающей более доступную среду для вовлеченности населения сельских территорий в практики гражданского участия. Для этого, на наш взгляд, перспективным является более глубокое изучение особенностей предпосылок самоорганизации сельчан с учетом их исторической предрасположенности к объединению ввиду особенностей жизненного уклада, труда, быта. Интересным представляется обращение к проблеме доверия сельского населения органам власти, общественным организациям как фактора, влияющего на мотивацию к гражданскому участию.

Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы в деятельности региональных и муниципальных органов власти при разработке и реализации мероприятий, направленных на повышение уровня конструктивного гражданского участия сельского социума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тощенко Ж.Т. Что представляет собой современное российское село? // Социологические исследования. 2017. № 12. С. 89–98.
2. Шабунова А.А. Гражданская активность на селе: возможности развития // Проблемы развития территории. 2016. № 3 (83). С. 7–17.
3. Шестаков С.А. Проблемы устойчивого развития сельских территорий Вологодской области // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. № 5 (17). С. 154–160.
4. Бондаренко Л.В. Демографическая ситуация на селе и перспективы развития сельских территорий // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2013. № 3. С. 53–57.
5. Большакова Ю.А., Суханова Т.В. Опыт регионов России по устойчивому развитию социальной инфраструктуры сельских территорий // Вестн. НГИЭИ. 2015. Вып. 7 (50). С. 5–11.
6. Etzioni A. The Responsive community: a communitarian perspective. 1995 Presidential address. *American Sociological Review*, 1996, vol. 61, no. 1, pp. 1–11.
7. Quaghebeur R. Participation making a difference? Critical analysis of the participatory claims of change, reversal and empowerment. *Interchange*, 2006, vol. 37, no. 4, pp. 309–331.
8. Gilchrist A. *The well connected community: a networking approach to community development*. Bristol: Policy Press, 2004. 248 p.
9. Vanin P. Social capital accumulation and the evolution of social participation. *Journal of Socio-Economics*, 2007, vol. 36, pp. 128–143.
10. Williams G. Evaluating participatory development: tyranny, power and (re)politicization. *Third World Quarterly*, 2004, vol. 25, no. 3, pp. 557–578.
11. Уханова Ю.В. Гражданское участие как элемент демократии в российском обществе // Социальное пространство. 2018. № 2 (14). URL: <http://socialarea-journal.ru/article/2648>. DOI: 10.15838/sa.2018.2.14.5
12. Никовская Л.И., Скалабан И.А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 43–60.
13. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. Политические исследования. 1992. № 4. С. 122–134.
14. Barnes S.H., Kaase M. *Political action: mass participation in five western democracies*. Beverly Hills: Sage, 1979. 116 p.
15. Pateman C. *Participation and democratic theory*. London: Oxford University Press, 1970. 122 p.
16. Рэнси К. Демократия в действии. Социальное участие и «третий сектор» в Италии // Государственная служба за рубежом. 2003. № 1. С. 88–99.
17. Александер Дж. Власть, политика и гражданская сфера // Социологические исследования. 2009. № 10. С. 3–17.
18. Dalton R. *The good citizen: how the young are transforming American politics*. Washington, DC: CQ Press, 2007. 240 p.
19. Anheier H.K. *Civil Society: measurement, evaluation, policy*. London: Earthscan, 2004. 226 p.
20. Lester M., Salamon S., Sokolowski W. *Explaining Civil Society Development. A Social Origins Approach*. Baltimor: Johns Hopkins University Press, 2017. 344 p.
21. *Russian Civil Society, in: Russia: Strategy, Policy and Administration*. London: Palgrave Macmillan, 2018. 386 p.
22. Якобсон Л.И. Гражданское общество в модернизирующейся России: аналит. докл. центра исследований гражд. общества и некоммерч. сектора нац. исслед. ун-та «Высшая школа экономики»

- по итогам реализации проекта «индекс гражд. общества – CIVICUS» // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. «Политология». 2013. № 4. С. 5–25.
23. Alesina A., La Ferrara E. Participation in Heterogeneous Communities. *The Quarterly Journal of Economics*, 2000, vol. 115, no. 3, pp. 847–904.
  24. Davis J. «Participatory» research for development projects: a comparison of the community meeting and household survey techniques. *Economic Development and Cultural Change*, 1998, vol. 47, iss. 1, pp. 73–94.
  25. Скалабан И.А. Общественное участие как социальный проект: дис. ... д-ра соц. наук. Новосибирск, 2017. 382 с.
  26. Якобсон Л.И. Будущее гражданского общества: исследование и проектирование // Гражданское общество в России и за рубежом. 2011. № 1. С. 2–7.
  27. Мерсиянова И.В. Социальная база российского гражданского общества // Общественные науки и современность. 2009. № 4. С. 35–45.
  28. Sztompka P. *Zaufanie. Podstawa społeczeństwa*. Kraków: Wydawnictwo Znak, 2007. 424 p.
  29. Misztal B. *Trust in Modern Societies*. Cambridge: Polity Press, 1998. 215 p.
  30. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / отв. ред. А.Б. Купрейченко, И.В. Мерсиянова. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013. 564 с.
  31. Шабунова А.А., Гужавина Т.А., Кожина Т.П. Доверие и общественное развитие России // Проблемы развития территории. 2015. № 2 (76). С. 7–19.
  32. Берджесс Э. Рост города: Введение в исследовательский проект // Чикагская школа социологии: сб. переводов; сост. и пер. В.Г. Николаев. М.: Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам, 2015. С. 20–34.
  33. Петухов В.В., Петухов Р.В. Демократия участия: институциональный кризис и новые перспективы // Полис. Политические исследования. 2015. № 5. С. 25–48.
  34. Мерсиянова И.В., Якобсон Л.И. Сотрудничество государства и структур гражданского общества в решении социальных проблем // Вопросы государственного и муниципального управления. 2011. № 2. С. 5–20.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Уханова Юлия Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: ukhanova4@rambler.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-10.

Параничева Ирина Викторовна – инженер отдела исследования уровня и образа жизни. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: irina_4arozero@mail.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-10.

Ukhanova Yu.V., Paranicheva I.V.

PREREQUISITES AND INVOLVEMENT OF THE RURAL POPULATION IN THE PRACTICE OF CIVIC PARTICIPATION

In the context of the declining economic and social life in Russia, ensuring sustainable development of rural areas is an urgent problem. Russian and foreign researchers come to a conclusion that one of the important resources of development of the rural space is civil initiatives of the local population (A. Etzioni, P. Vanin, J. Masschelein, R. Quaghebeur, Williams, A. Gilchrist, Yu.A. Bolshakova, T.V. Sukhanova, etc.). The purpose of the article is to attempt to identify the features of attitudes and real practices of civil participation of the rural population based on the materials of the Vologda Oblast. The research uses methods of formal logical analysis, sociological research (questionnaire), tabular and graphical methods of data visualization. The research novelty consists in the study of civic participation and the attitudes affecting it depending on spatial differentiation (village/city). The results of sociological measurements reveal that rural residents demonstrate significant potential for self-organization in solving social problems, as evidenced by the analysis of value attitudes to civic participation. Villagers and city residents are equally involved in diverse practices of civic participation, and the level of participation of villagers is not significantly different from similar parameters for the urban population. According to the analysis, participation in activities of public organizations and readiness for such work as a member or volunteer of the population of rural areas is lower than that of citizens. In such conditions, the number of active and effectively functioning non-profit organizations and initiative groups in rural areas is lower. The prospects of scientific and practical search for further formation of infrastructure creating a more accessible environment for the involvement of the rural population in the practice of civil participation are obvious. The research results can be used in activities of regional and municipal authorities for developing and implementing measures aimed at increasing the level of constructive civic participation of the rural population.

Civic participation, attitudes to civic participation, civic initiatives, non-profit organizations, rural areas, rural society.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ukhanova Yuliya Viktorovna – Ph.D. in History, Senior Research Associate at the Department for Living Standards and Lifestyle Studies. Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: ukhanova4@rambler.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

Paranicheva Irina Viktorovna – Research Engineer at the Department for Living Standards and Lifestyle Studies. Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: irina_4arozero@mail.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

DOI: 10.15838/ptd.2019.4.102.9

УДК 338.364.4:334.021.1:332.142.2 | ББК 65.305:65.049

© Байнев В.Ф., Рунков Ю.Ю.

ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ В XXI ВЕКЕ

БАЙНЕВ ВАЛЕРИЙ ФЕДОРОВИЧ

Белорусский государственный университет
Республика Беларусь, 220050, г. Минск, пр-т Независимости, д. 4
E-mail: baynev@bsu.by
ORCID: 0000-0001-9009-6752

РУНКОВ ЮРИЙ ЮРЬЕВИЧ

Белорусский государственный университет
Республика Беларусь, 220050, г. Минск, пр-т Независимости, д. 4
E-mail: yura.runkov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1966-673X

В статье исследуется специфика современного этапа эволюции техники и технологий, в том числе и прежде всего в контексте их воздействия на развитие регионов. Показано, что достижения четвертой индустриальной революции (пятого и шестого технологических укладов) вызывают в социуме не только соответствующие технико-технологические сдвиги, но и фундаментальные политико-экономические трансформации. Среди таких наиболее значимых трансформаций: быстрый рост производительности труда за счет завершения процессов механизации, электрификации, автоматизации производства и начала интеллектуализации техносферы; вертикальная и горизонтальная интеграция производственных активов в рамках сетевых корпораций, построенных на основе оборудования с числовым программным управлением и «промышленного интернета». Показано, что такие корпорации обеспечивают принципиальную возможность включения и скоординированного функционирования в рамках единых цепочек создания стоимости множества производств, оснащенных оборудованием с числовым

Для цитирования Байнев В.Ф., Рунков Ю.Ю. Технико-технологический прогресс как ключевой фактор развития регионов в XXI веке // Проблемы развития территории. 2019. № 4 (102). С. 148–162. DOI: 10.15838/ptd.2019.4.102.9

For citation: Bainev V.F., Runkov Yu.Yu. Technical and technological progress as a key factor in regional development in the 21st century. *Problems of Territory's Development*, 2019, no. 4 (102), pp. 148–162. DOI: 10.15838/ptd.2019.4.102.9

программным управлением, в том числе расположенных в разных регионах, других странах и даже на иных континентах. Построенные по такому принципу корпорации открывают принципиально новые возможности для достижения глобальной конкурентоспособности и преодоления многих глобальных (сырьевой, энергетической, экологической и т. д.) проблем цивилизации, включая проблему неравномерного развития территорий. То есть четвертая индустриальная революция открывает новую страницу в теории и методологии формирования и реализации региональной политики. Разумеется, реализация этих предоставляемых нынешним этапом развития техники и технологий преимуществ в России, Беларуси и других постсоветских странах возможна лишь при своевременном осознании истинного содержания и политико-экономической сущности трансформаций, вызванных четвертой индустриальной революцией. Иными словами, по примеру наиболее развитых держав мира ускоренное развитие индустриально-промышленного комплекса Союзного государства России и Беларуси и стран ЕАЭС в рамках политики новой (цифровой) индустриализации должно быть обозначено в качестве главного стратегического приоритета их развития на ближайшую и отдаленную перспективу.

Диспропорции регионального развития, технико-технологический прогресс, четвертая индустриальная революция, сетевая корпорация, местные конкурентные преимущества, интеграция региональных предприятий, новая (цифровая) индустриализация.

В наши дни задачи формирования и реализации эффективной региональной политики и гармоничного, сбалансированного развития территорий выдвигаются в разряд наиболее актуальных проблем для многих стран мира. Дело в том, что те или иные существенные диспропорции в социально-экономическом развитии территорий чреватые не просто неполным и неэффективным использованием их ресурсного потенциала, но и нередко таят в себе угрозу социальной нестабильности вплоть до локальных вооруженных конфликтов и даже нарушения территориальной целостности государств. При этом сказанное справедливо по отношению как к развивающимся, так и к технологически развитым странам. Сегодня можно привести множество иллюстрирующих данное утверждение примеров, начиная с де-факто утративших часть своих территорий Грузии и Украины и заканчивая вполне благополучными Испанией, Канадой и Великобританией, имеющими в своем составе известные «мятежные» регионы. Нельзя сбрасывать со счетов и проблемы состояния регионов России, в которой дифференциация их социально-экономического развития по показателю ВРП достигает двадцатикратного значения, что в свое время уже стало одной из причин острых межрегиональных конфликтов в этой стране. В связи с этим развитие и эффектив-

ное использование потенциала территорий на сегодня является одной из наиболее актуальных задач региональной политики России и других постсоветских стран, включая Беларусь [1–5].

Хорошо известно, что на региональное развитие влияют так называемые факторы первой и второй природы. При этом если обусловленные природно-ресурсным потенциалом «факторы первой природы» принято воспринимать в качестве некоей объективной данности, с которой остается лишь считаться, то «факторы второй природы» – региональная инфраструктура, институциональная среда, производственные мощности, человеческий капитал и т. п. – вполне подвластны воле человека. Более того, сегодня в условиях формирования экономики знаний именно «факторы второй природы» начинают играть не просто возрастающую, но и определяющую роль в социально-экономическом прогрессе стран и их территорий. В связи с этим считаем необходимым среди таких «рукотворных» аспектов регионального развития выделить и детально исследовать технико-технологический прогресс, нынешние особенности которого могут оказать существенное воздействие на формирование и реализацию региональной политики в XXI веке. Таким образом, целью осуществленного и представленного в данной публикации

исследования являются выявление и анализ технико-технологических и политико-экономических особенностей современного этапа технико-технологического прогресса с точки зрения их возможного использования для решения проблемы неравномерного социально-экономического развития территорий при формировании и реализации региональной политики.

Согласно осуществленным нами исследованиям, неравномерность технико-технологического развития территорий вызывает ничем не компенсируемое перетекание ресурсов из менее развитых по уровню техники и технологий регионов в более развитые, усугубляя проблему их социально-экономической дифференциации [5, с. 6–11]. Сегодня данный эффект объясняют на основе закона выравнивания средней нормы прибыли на вложенный (авансированный) капитал, согласно которому в условиях беспрепятственного межрегионального и трансграничного перемещения финансового капитала норма прибыли на каждую его единицу объективно выравнивается в масштабах всего интегрированного пространства. Исходя из этого вовлеченные в совместное производство конечного продукта предприятия А и Б, использующие соответственно капиталоемкие и трудоемкие технологии и расположенные в регионах А и Б, закономерно получают разную отдачу от вложенных в его продуциро-

вание ресурсов (рис. 1). Так, капиталоемкие ($K \gg L$) производства присваивают «львиную долю» (до 90%) совместно заработанной прибыли, в то время когда трудоемкие ($L \gg K$) довольствуются ее остатками, несмотря даже на то что вложенные обеими компаниями в совместно изготовленный продукт ресурсы могут быть практически одинаковыми.

При этом важно понимать, что, во-первых, в регионе Б уровни доходов и, соответственно, жизни населения оказываются существенно ниже, нежели в регионе А. Это непосредственно следует из того, что на долю предприятия Б с многочисленным трудовым коллективом ($L \gg K$) приходится меньшая по сравнению с предприятием А доля совместно заработанной прибыли; во-вторых, использование классических информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), применяемых для увеличения скорости межрегионального и трансграничного перемещения финансового капитала (например, с помощью систем e-банкинга), не только не способствует сглаживанию межрегиональных различий, но и ведет к дальнейшему усилению региональных различий. К сожалению, получается так, что именно технико-технологический прогресс выступает одной из ключевых предпосылок усиления диспропорций социально-экономического развития как отдельных регионов, так и целых стран мира. Неслучайно нарастающая техно-

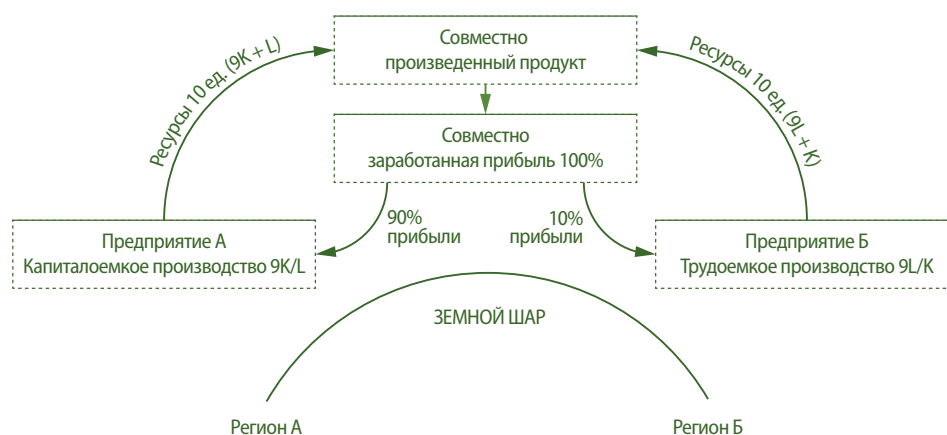

Рис. 1. Иллюстрация к вопросу о нарастании диспропорций территориального развития в условиях неравномерности технико-технологического прогресса регионов

Примечание: К – капитал; L – труд.

логическая отсталость и обусловленная ею примитивизация структуры отечественной экономики вкупе с высоким уровнем территориальной дифференциации неизменно включаются специалистами в перечень ключевых угроз экономической безопасности России и других стран ЕАЭС [6].

Вместе с тем имеются основания полагать, что свершающаяся в настоящее время в технологически развитых странах четвертая индустриальная революция [7] может кардинально изменить ситуацию и превратить ИКТ, наоборот, в эффективный инструмент сглаживания неравномерности социально-экономического развития. Для понимания того, как это можно будет осуществить, следует детально разобраться в технико-технологических и политико-экономических особенностях современного этапа эволюции техники и технологий.

На рис. 2 выделены ключевые этапы прогресса техники и технологий, а также дана общая характеристика каждому из таких периодов. Обращаем внимание на то, что предложенная нами система типизации (периодизации, классификации) стадий данного прогресса кардинально отличается от уже используемых, построенных на учете преимущественно технико-технологических

факторов (новых машин, материалов, источников энергии и т. д.) [8–15]. Например, с учетом именно этих факторов построена система классификации фаз эволюции техники и технологий Й. Шумпетера – Н.Д. Кондратьева – Д.С. Львова – С.Ю. Глазьева (первый-шестой технологические уклады) [16], К. Шваба (первая-четвертая индустриальные революции) [7], а также китайская система периодизации технико-технологического развития (первая-вторая индустриализация, переход к экономике знаний) [17].

Так, представленная на рис. 2 система периодизации технико-технологического прогресса принимает во внимание обусловленные им фундаментальные политико-экономические сдвиги в жизнедеятельности земной цивилизации.

В числе таких фундаментальных трансформаций:

- неуклонно увеличивающийся рост производительности труда на основе механизации, электрификации, автоматизации производства и быта и начавшейся интеллектуализации техносферы. Иными словами, в основу предложенной нами типизации этапов технико-технологического прогресса положен учет основного политико-экономического предназначения машин – их спо-

Характеристика этапа	Этап эволюции техники и технологий				
	Доиндустриальная эпоха	Первая индустриальная революция	Вторая индустриальная революция	Третья индустриальная революция	Четвертая индустриальная революция
	Первый технологический уклад	Второй технологический уклад	Третий технологический уклад	Четвертый – пятый технологический уклад	Шестой технологический уклад
Примерные исторические рамки	До середины XVIII века	Вторая половина XVIII века – конец XIX века	Конец XIX века – первая четверть XX века	1930–2000 гг.	Начало XXI века
Базовое техническое устройство	Ручной инструмент, парус, ветряное и водяное колесо	Паровой двигатель	Электрический двигатель	ЭВМ, компьютер, микропроцессор	
		Тепловой двигатель		Микроконтроллер	
Политико-экономическое содержание этапа	Использование ручного (мышечного) труда	Механизация производства		Автоматизация производства	
			Электрификация производства		Интеллектуализация техники
Основное звено экономики	Кустарное производство	Предприниматель, небольшая фирма	Среднее и крупное предприятие	Транснациональная корпорация	Глобальная сетевая корпорация

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ

Рис. 2. Эволюция техники и технологий и специфика ее ключевых этапов

способности экономить, замещать, вытеснять из производственных процессов живой труд человека и тем самым повышать его производительность;

– нарастающая интеграция производственных и иных активов в рамках все более и более крупных субъектов хозяйствования, начиная с мелкого кустарно-ремесленного производства и завершая формированием крупных и сверхкрупных горизонтально и вертикально интегрированных корпораций (в том числе сетевых, интегрирующих локализованные в разных регионах и странах производства).

Анализируя эволюцию техники и технологий (см. рис. 2), следует обратить внимание также на то, что между выделяемыми в странах ЕАЭС технологическими укладами и индустриальными (промышленными) революциями, используемыми в ЕС, США и других западных державах для обозначения этапов технико-технологического прогресса, прослеживается четкое соответствие. Так, первый технологический уклад, связанный с использованием в производстве необразованных источников энергии (ветра, движущейся воды, открытого огня, мускулов человека и животных), соответствует доиндустриальной эпохе. Вспомним, что под индустрией обычно понимается сфера промышленной деятельности, связанная с продуцированием машин, основное предназначение которых – повышение производительности труда человека на основе замещения его трудовой энергии преобразованными в нужную форму природными силами того или иного вида. Поскольку на стадии первого технологического уклада машин еще не было, то данный период прогресса земной цивилизации вполне обоснованно именуется доиндустриальным.

Вхождение в жизнь людей первых машин ознаменовало собой начало индустриальной эпохи (которая завершится лишь тогда, когда люди перестанут использовать машины). Так, этапы первой-четвертой индустриальных революций (второго-шестого технологических укладов) связаны с появлением и непрерывным совершенствованием

технических устройств, которые методично брали на себя выполнение все большего и большего числа функций, которые до этого традиционно осуществлялись лишь людьми. При этом революционность указанных этапов связана с прорывным освоением машинами качественно новых функций живого работника, все более тонких и сложных.

Поясним последнее утверждение. Как известно, человек может участвовать в производстве экономических благ (на работе и в быту) в трех фундаментальных ипостасях (сущностях), а именно в качестве:

1) *источника физической энергии*, когда основную роль играют мускульно-двигательные способности работника (типичные примеры – землекоп, грузчик, носильщик и т. п.);

2) *оператора, управляющего машиной*, когда мускульная сила работника хотя и используется, однако отступает на задний план при возрастающей роли его интеллектуальных способностей (сопряженные примеры – экскаваторщик, оператор автопогрузчика, водитель автомобиля и т. п.);

3) *исполнителя интеллектуальных и творческих функций*, при выполнении которых роль мускульной силы человека исчезающее мала, а основную роль начинают играть его умственные способности (сопряженные примеры – конструктор экскаватора, разработчик технологии изготовления автопогрузчика, дизайнер кузова автомобиля и т. п.).

Первая индустриальная революция ознаменовала собой появление и начало массового изготовления машин – механизмов, приводимых в действие природной энергией, которая при их посредничестве замещает собой мускульно-двигательную энергию человека на производстве. Базовым техническим устройством, позволившем свершиться первой индустриальной революции, стал паровой двигатель. Такие двигатели мощностью от единиц до сотен лошадиных сил (л. с.) позволяли масштабно замещать собой физическую энергию десятков, сотен, тысяч работников, с учетом того что в среднем каждый из нас на протяжении рабочего дня способен поддерживать мощность лишь около 0,12 л. с.

Именно в этот период возникли технические предпосылки для возникновения и развития безработицы на рынках неквалифицированной рабочей силы. Однако в противовес этому возникла и стала расти потребность в работниках в их второй и третьей ипостасях (см. выше). Таким образом, политико-экономической сущностью эпохи первой индустриальной революции стала механизация производства как процесс замещения машинами физического труда человека, а также начало индустриальной эпохи, связанной с массовым изготовлением машин и нарастанием удельного веса ответственного труда в его общем объеме.

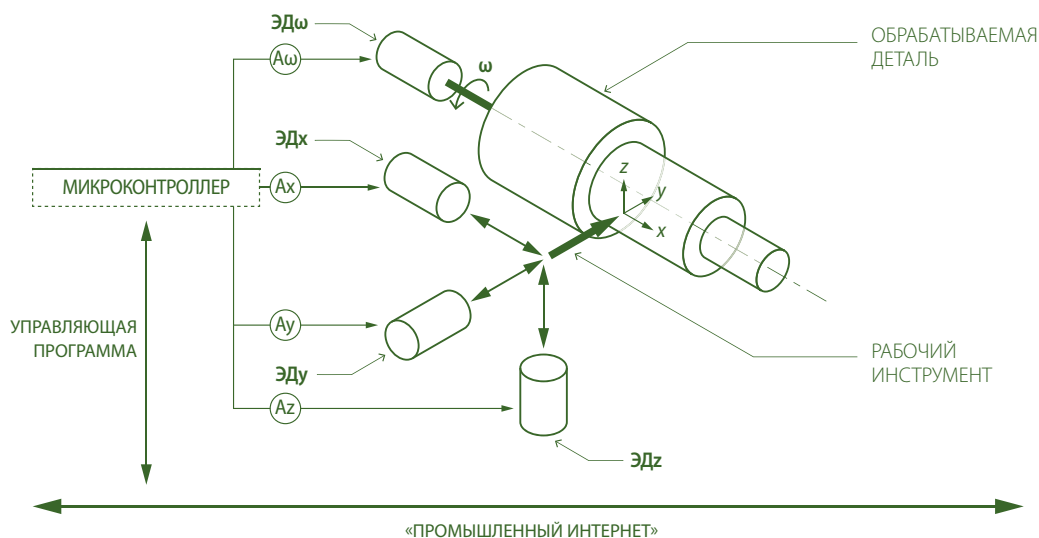
Вторая индустриальная революция была связана с электрификацией производства и быта, поскольку в этот период появилось множество таких технических новшеств, как электроосвещение, электросварка, электрохимия, электросвязь и др., что породило множество новых профессий и специальностей. Однако, исходя из анализа политико-экономической сущности рассматриваемого этапа эволюции цивилизации, базовым техническим устройством второй индустриальной революции следует считать электродвигатель. Дело в том, что именно электродвигатель значительно расширил и углубил начатый на предыдущем этапе процесс механизации. Такие двигатели в силу своей компактности, простоты подключения, возможности использования в одном месте сразу нескольких электродвигателей разной мощности могли применяться повсеместно и в различных комбинациях. Это существенно расширяло возможности, а значит, сферу применения машин. Вытеснение из производственных процессов тяжелого, неквалифицированного труда приобрело тотальный характер. За человеком оставались в основном функции оператора, управляющего машинами, а также творческий, интеллектуальный труд.

Третья индустриальная революция повела «атаку» на работника, представленного его второй фундаментальной сущностью-ипостасью (см. выше). Появление ЭВМ, а затем привычного для нас компьютера, построенного на основе микропроцессора,

с их способностью без непосредственного участия человека управлять исполнительными электромеханическими устройствами, в частности, электродвигателями по заданному алгоритму (программе), стало предпосылкой для автоматизации – замещения техническими устройствами человека-оператора, управляющего машинами. Позже были сконструированы и запущены в производство микроконтроллеры – специализированные микропроцессоры, предназначенные для управления прецизионными исполнительными электромеханическими устройствами (например, электродвигателями) (рис. 3).

Как это показано на рис. 3, микроконтроллер в зависимости от загруженной в него числовой программы способен выработать аналоговые сигналы A_x , A_y , A_z и A_ω для управления электродвигателями ЭД $_x$, ЭД $_y$, ЭД $_z$ и ЭД $_\omega$, осуществляющими необходимые перемещения обрабатываемой детали и рабочего инструмента относительно друг друга. Та или иная комбинация указанных управляющих сигналов позволит без непосредственного участия человека реализовать изготовление детали требуемой формы и нужных размеров в соответствии с заложенным в управляющую программу алгоритмом. Загрузив в оперативную память микроконтроллера новую управляющую программу, можно без какой-либо дополнительной переналадки легко переключить данное производственное оборудование на изготовление новой детали иной формы и с другими размерами.

В целом изображенная на рис. 3 схема иллюстрирует хорошо известный принцип действия технологического оборудования с числовым программным управлением (ЧПУ). Его достоинствами являются технологическая гибкость, простота перенастройки, исключение негативного влияния человеческого фактора и т. п. Иными словами, станки с ЧПУ – это качественно новый этап инновационного развития производственной сферы, позволяющий просто и быстро переходить в изготовлении от традиционных видов продукции к инновационным изделиям.

ЭД ω – исполнительный электродвигатель, вращающий обрабатываемую деталь с угловой скоростью ω ;
ЭД x – исполнительный электродвигатель, реализующий подачу рабочего инструмента вдоль оси X ;
ЭД y – исполнительный электродвигатель, осуществляющий подачу рабочего инструмента вдоль оси Y ;
ЭД z – исполнительный электродвигатель, выполняющий подачу рабочего инструмента вдоль оси Z .

Рис. 3. Общий принцип действия технологического оборудования с числовым программным управлением (ЧПУ), подключенного к глобальной системе «промышленного интернета»

Таким образом, базовыми техническими устройствами эпохи третьей индустриальной революции следует считать ЭВМ, микропроцессор и микроконтроллер, а политико-экономическим содержанием указанного периода стала автоматизация производства как замещение работой машин функций человека-оператора. В результате третьей индустриальной революции люди остались принципиально незаменимыми только в области умственного, интеллектуального, творческого труда, в том числе связанного с конструированием и программированием машин.

Свершающаяся сегодня четвертая индустриальная революция (*Industry 4.0*) подразумевает использование «промышленного интернета» для дистанционного программного воздействия на микроконтроллеры, управляющие прецизионными исполнительными устройствами, в частности, электродвигателями (см. рис. 3). Таким образом, базовыми техническими устройствами современной фазы технико-технологического прогресса следует считать «промышленный интернет» и микроконтроллер, а ее политико-

экономическим содержанием – расширение и углубление процесса автоматизации, а также начинающуюся интеллектуализацию техносферы на базе технологий искусственного интеллекта, замещающих интеллектуальные функции человека.

Прорывная особенность технологий четвертой индустриальной революции – возможность дистанционного программирования микроконтроллеров технологического оборудования с ЧПУ на основе использования глобальной компьютерной сети. Благодаря «промышленному интернету» появляется принципиальная возможность скоординированной работы множества функционирующих по единой программе станков с ЧПУ, в том числе расположенных в разных регионах, странах и даже на других континентах и реализующих отдельные стадии единого производственного процесса в рамках сетевой (электронной, цифровой) корпорации.

На рис. 4 изображена концептуальная схема такой сетевой корпорации, осуществляющей изготовление некоего классического продукта – в данном конкретном случае гру-

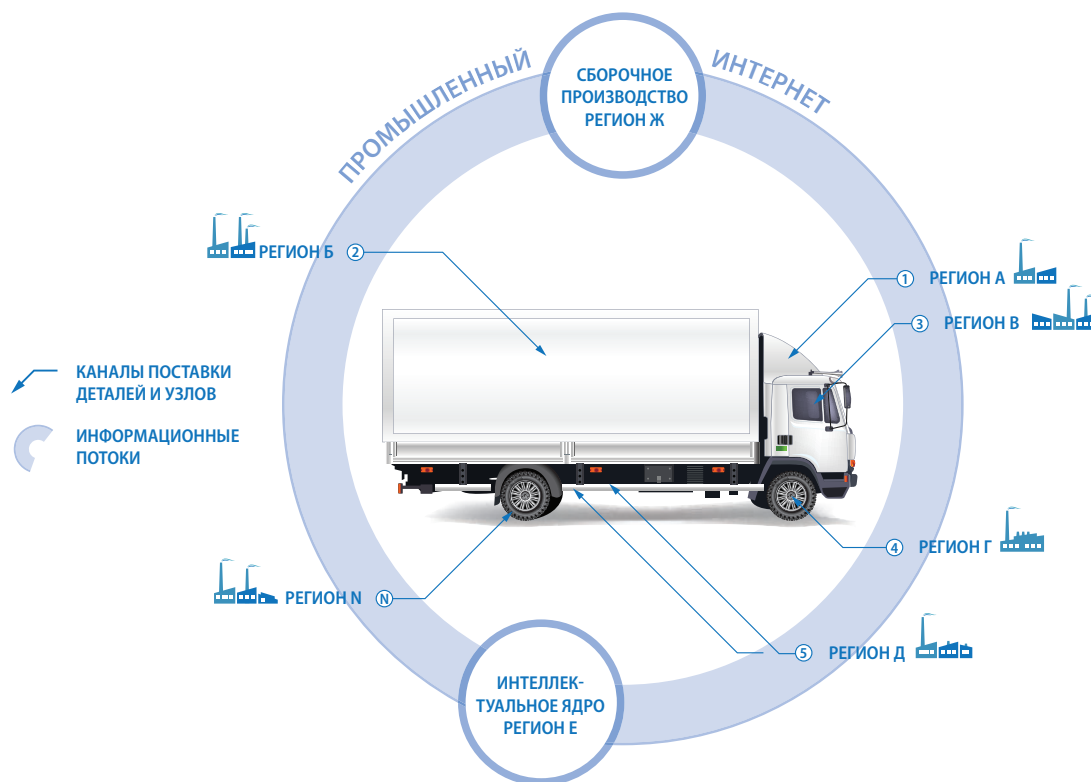

Рис. 4. Концептуальная схема сетевой (цифровой, электронной) корпорации как ключевой экономической инновации XXI века

зового автомобиля. Согласно приведенной схеме, сборочный конвейер и промежуточные производства, связанные с продуцированием конструктивных элементов автомобиля, могут быть расположены в разных регионах – там, где такое производство в силу специфики местных условий может быть осуществлено максимально эффективно.

Сетевые корпорации, интегрируя в себе локализованные в различных регионах производства, оснащенные взаимодействующим через «промышленный интернет» технологическим оборудованием с ЧПУ (см. рис. 3 и 4), обладают рядом фундаментальных преимуществ, позволяющих считать данную модель организации производственного бизнеса ключевой экономической инновацией XXI века. В числе упомянутых преимуществ:

- максимальная эффективность производства конечного продукта, достигаемая за счет размещения промежуточных производств в тех регионах, где такое производство наиболее целесообразно;

- беспрецедентная гибкость и инновационность производственного процесса, достигаемая благодаря возможности несложной программной перенастройки технологического оборудования с ЧПУ на всех промежуточных и завершающей стадиях продуцирования конечного продукта. Важная деталь – управление сетевой корпорацией осуществляет ее интеллектуальное ядро, где собственно и происходит генерация программ, управляющих всеми входящими в ее состав производственными мощностями. Достигаемая при этом гибкость технологического процесса впервые позволяет реализовать концепцию массового производства эксклюзивной продукции, когда, например, на одном сборочном конвейере вслед друг за другом собираются изделия, отвечающие индивидуальным требованиям конкретных потребителей. Более того, интеллектуальные ядра сетевых корпораций могут отслеживать и даже управлять «жизнью» произведенной ими продукции не только на стадии ее эксплуатации потреби-

телями, но и в «дородовый период» – на этапе маркетингового изучения существующих и формирования будущих потребностей потенциальных покупателей. Именно эта виртуально-реальная «жизнь» продуцируемой цифровыми корпорациями продукции сегодня обозначается пока еще малопонятным для многих из нас термином «интернет вещей». Массовое производство эксклюзивных товаров по индивидуальным заказам – это ключ к решению актуальной для капиталистического способа производства задачи исключения перепроизводства и, соответственно, достижения рационального расходования ограниченных ресурсов;

– сохранение живительной конкуренции в условиях ее «угасания» из-за неуклонной монополизации региональных, национальных и глобального рынков крупными и сверхкрупными национальными и транснациональными корпорациями (ТНК). В отличие от классических корпораций, надежно интегрирующих в себе производственные мощности в результате слияний и поглощений соответствующих производств, электронные корпорации допускают возможность несложной замены одних промежуточных производств другими. Так, если по тем или иным причинам какое-либо из таких производств начнет функционировать менее эффективно, чем его конкурент, то оно может быть легко исключено из единой цепочки производственного процесса, а более эффективное предприятие столь же просто может стать ее новым звеном. На наш взгляд, данное свойство сетевых цифровых корпораций имеет исключительно большое значение для нынешней экономики, подверженной серьезным кризисным явлениям, в том числе из-за упомянутого выше «угасания» конкуренции;

– дополнительные принципиально новые возможности формирования и осуществления региональной политики с учетом предоставляемых сетевыми корпорациями перспектив несложного включения в единые цепочки создания добавленной стоимости региональных предприятий, эффективно реализующих местные конкурентные

преимущества. На наш взгляд, данная фундаментальная особенность сетевых корпораций заметно расширяет возможности достижения гармоничного развития регионов, давая им дополнительные шансы для социально-экономического прогресса.

Разумеется, реализация указанных преимуществ возможна лишь при условии, что Россия, Беларусь и другие участники ЕАЭС и СНГ адекватно оценят и в должной мере сумеют использовать новые возможности технологий четвертой индустриальной революции. К сожалению, приходится признать, что наши чиновники и экономисты в силу отсутствия у большинства из них соответствующего технического образования воспринимают повсеместно набирающую силу цифровизацию весьма поверхностно и упрощенно. Для большинства из них лежащая в основе указанной трансформации сфера информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) – это самостоятельный и даже самодостаточный сектор экономики, связанный с продуцированием неких компьютерных программ и/или передачей информации на расстоянии, что сегодня может приносить солидный доход, в том числе в иностранной валюте. Кое-кто сводит цифровую экономику преимущественно к операциям с криптовалютами и технологиям блокчейна. На быденном уровне цифровизация экономики понимается еще проще. Ее зачастую воспринимают как перевод телевидения и радиовещания с аналогового сигнала на цифровой, а также в качестве банальной организации с помощью компьютерной сети неких облегчающих жизнь человека услуг, например, связанных с записью на прием к врачу, покупкой товаров, осуществлением платежей, обращением в органы власти, дистанционным обучением, электронным голосованием и т. п.

В реальности же характер происходящих изменений гораздо глубже и сложнее, поскольку они фундаментально трансформируют самую главную хозяйственную сферу – производство необходимых человеку экономических, прежде всего, материальных, благ. В том, что материальное производство

по-прежнему играет ключевую роль в нашей жизни, можно легко убедиться, просто осмотревшись вокруг. Требуемые современному человеку в быту и на работе продукты питания, одежда, обувь, мебель, бытовая техника, офисное оборудование, транспортные средства и т. д. – все это объекты материального мира. И даже оказание тех же самых услуг, роль которых до небес превозносит концепция постиндустриального общества, принципиально невозможно без компьютеров, средств связи, торгового оборудования, офисной техники, косметических принадлежностей и т. п.

Иными словами, материальное и прежде всего промышленное производство было, есть и еще долгое время будет тем экономическим базисом, состояние которого во многом определяет имидж, статус, место любой страны в иерархии технологически развитых держав, являясь фундаментом ее экономического и политического суверенитета. Неслучайно поначалу зародившаяся в Германии инициатива Industry 4.0 вскоре стала общесоюзным (имеется в виду ЕС) проектом, а после присоединения к нему США, Японии и других технологически развитых стран превратилась в общемировой тренд. Тем самым, сегодня весь цивилизованный мир после всеобщего увлечения внешне привлекательной, но разрушительной «постиндустриальной догмой» вновь возвращается на путь ускоренного индустриального развития, связанного с продуцированием всевозможных облегчающих жизнь человека технических устройств. При этом создание предпосылок для сбалансированного, гармоничного развития регионов – это одно из тех многочисленных преимуществ, которые дают человечеству технологии нынешней четвертой индустриальной революции.

Подытоживая изложенные выше результаты, достигнутые в процессе выполнения кафедрой инновационного менеджмента Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь) научно-исследовательского проекта на тему «Развитие промышленного комплекса Беларуси в условиях четвертой индустриальной ре-

волюции», реализуемого в рамках Государственной программы научных исследований «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества», необходимо сделать несколько обобщающих выводов.

Во-первых, в XXI веке существенные диспропорции регионального развития, в том числе обусловленные технико-технологическим прогрессом, постепенно выдвигаются в разряд наиболее значимых и злободневных проблем для многих стран мира. Нарастание неравномерности социально-экономического развития территорий таит в себе прямую угрозу социальной нестабильности, потенциальную возможность возникновения локальных конфликтов и при неблагоприятном развитии событий может привести к разрушению территориальной целостности тех или иных государств. При этом вопреки бытующей точке зрения внедрение традиционных ИКТ не только не способствует сглаживанию региональных и межстрановых различий, но наоборот, усугубляет их.

Во-вторых, кризисные процессы 2008–2011 гг. в мировой экономике, обусловленные масштабным оттоком финансовых ресурсов из сферы производства в спекулятивно-посредническую сферу, заставили вновь обратить приоритетное внимание на нужды производственного, прежде всего, индустриально-промышленного сектора мировой хозяйственной системы. Это обусловлено тем, что в наши дни (впрочем, как и в предыдущие десятилетия) уровень развития индустриально-промышленного комплекса всецело определяет место той или иной страны в иерархии технологически, а значит, экономически развитых держав. Иными словами, четвертая индустриальная революция (стратегия развития Industry 4.0) сегодня стала основным трендом трансформаций в наиболее развитых странах мира.

В-третьих, технико-технологическим базисом нынешнего этапа эволюции земной цивилизации выступают микроконтроллер, управляющий прецизионным электромеханическим устройством, и «промышленный интернет», позволяющий взаимодействовать множеству таких микроконтроллеров,

являющихся ключевыми элементами производственного оборудования с ЧПУ. Благодаря «промышленному интернету» расположенные в разных регионах, странах и даже на иных континентах и оснащенные таким оборудованием производства могут скоординировано функционировать при осуществлении отдельных стадий единого производственного процесса. Это дает возможность организовывать сетевые (электронные, цифровые) корпорации, сочетающие в себе преимущества, обеспечиваемые сохранением конкурентных отношений в условиях нарастающей монополизации рынков крупным и сверхкрупным бизнесом, с его достоинствами.

В-четвертых, формирование глобальных сетевых (электронных, цифровых) корпораций, а также дальнейший рост производительности труда, связанный с взятием разумными машинами на себя выполнения интеллектуальных и даже творческих функций человека, отражает глубинное содержание политико-экономических трансформаций современной мировой экономики. Иными словами, мировая хозяйственная система после исторических этапов масштабной механизации, электрификации и автоматизации производства постепенно вступает в эволюционную стадию тотальной интеллектуализации техносферы. Возможность скоординированной работы по общим программам производственных мощностей, в том числе расположенных в разных регионах, странах и на других континентах, позволит им эффективно переключаться (перепрограммироваться) на выпуск новых (инновационных) видов, разновидностей и модификаций продукции. При этом интеллектуальные ядра таких производственных систем смогут не просто контролировать «жизнь» произведенной продукции у конкретных потребителей вплоть до момента возвратной утилизации, но и осуществлять ее проектирование на «дородовой стадии» в соответствии с выявленными на основе маркетинговых исследований клиентскими запросами [18]. Думается, что благодаря этим особенностям сетевых корпораций впервые

открываются реальные возможности для формирования инновационной ресурсосберегающей экономики, решения глобальных проблем цивилизации – сырьевой, энергетической, экологической и т. п., а значит, перехода к ее по-настоящему устойчивому развитию.

В-пятых, сетевые (электронные, цифровые) корпорации, позволяя интегрировать в единые национальные и глобальные цепочки создания стоимости расположенные в разных регионах эффективно функционирующие производства, открывают новые возможности для развития территорий. Благодаря системе «промышленного интернета» местные предприятия, успешно реализующие локальные конкурентные преимущества (доступ к дешевым природным ресурсам, сохранившаяся после дезинтеграции «лихих девяностых» производственно-технологическая база, низкая стоимость рабочей силы, ее высокая квалификация и т. п.), получают реальные шансы стать частью высокотехнологичных корпораций, как национальных, так и глобальных. Реализация этих потенциальных возможностей создаст благоприятные предпосылки для социально-экономического прогресса территорий и сглаживания диспропорций регионального развития, что открывает принципиально новую страницу в теории и методологии формирования и реализации региональной политики.

В-шестых, страны ЕАЭС, включая Россию и Беларусь, по примеру других технологически развитых держав должны ускоренное развитие индустриально-промышленного комплекса в рамках политики новой (цифровой) индустриализации обозначить в качестве главного стратегического приоритета развития, подчинив этой цели кредитно-денежную, бюджетно-налоговую, научно-образовательную и др. политику [19–21]. Последнее требование вытекает из того, что сегодня в условиях формирования нового технологического и мирохозяйственного уклада наиболее развитые страны весьма жестко конкурируют друг с другом в области создания своим промышленным, прежде всего, вы-

соко-технологичным компаниям предельно благоприятных условий для инновационного воспроизводства их производственного капитала [22]. Ускоренное развитие несырьевых производств – одна из ключевых задач Союзного государства России и Беларуси как главного интеграционного ядра ЕАЭС и всего постсоветского пространства [22; 23]. Если мы не сделаем этого в ближайшее время, то нам грозит технико-технологический застой и усугубление отставания от лидеров мировой экономики. Будучи оттесненными на обочину технико-технологического прогресса, мы сильно рискуем оказаться на задворках цивилизации, а в итоге со всей неизбежностью и на свалке истории, как это однажды случилось с бывшим СССР.

Таким образом, с учетом сделанных выводов можно констатировать, что изложенные в статье результаты в совокупности:

- совершенствуют теоретические основы анализа технико-технологического прогресса путем разработки авторской системы периодизации его этапов, позволяющей учитывать и отражать не только сугубо технические и технологические изменения, но и вызванные ими фундаментальные политико-экономические трансформации в социуме. В числе таких трансформаций: а) кардинальное изменение роли человека в производственных процессах, связанное с ростом производительности его труда из-за нарастающего замещения машинами все более и более сложных функций работника по мере свершения первой – четвертой индустриальных революций, обусловивших соответственно масштабную механизацию, электрификацию, автоматизацию производства и интеллектуализацию техносферы; б) нарастание концентрации экономических активов в рамках все более и более крупных субъектов хозяйствования, начиная со средневекового «атомарного» кустарного производства и заканчивая нынешними крупными и сверхкрупными национальными и транснациональными корпорациями.

Таким образом, предложенная нами система классификации учитывает главное экономическое предназначение (миссию) техники – ее способность экономить, высвобождать, замещать труд человека, а также принимает во внимание магистральную тенденцию развития экономических систем, связанную с вертикальной интеграцией взаимосвязанных производств в рамках единых субъектов хозяйствования [20];

- развивают теорию фирмы (теорию организаций), вводя в рассмотрение и характеризую такую перспективную форму ведения бизнеса, как сетевая (электронная, цифровая) корпорация, возникновение которой предопределено логикой развития техники и технологий в рамках четвертой индустриальной революции. При этом показано, что сетевые корпорации будут более конкурентоспособными по сравнению с классическими ТНК, поскольку, с одной стороны, смогут пользоваться всеми выгодами крупного бизнеса, связанными с нарастанием его монопольной власти на рынках, а с другой стороны, сохранят многие преимущества, обеспечиваемые конкурентными отношениями;

- совершенствуют теоретические основы развития экономики регионов путем обоснования новой роли сетевых корпораций в процессе формирования и реализации региональной политики. Это следует из того, что уже в не столь отдаленной перспективе такие корпорации, позволяя быстро и эффективно интегрировать в глобальные цепочки создания добавленной стоимости местные производства, станут важным фактором прогресса региональной экономики и сглаживания территориальных диспропорций;

- имеют прикладное значение, обозначая новую (цифровую) индустриализацию в качестве главного стратегического приоритета развития России, Беларуси и других стран ЕАЭС в XXI веке, а также определяя направления и меры по ее осуществлению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецова О.В. Региональная политика России: 20 лет реформ и новые возможности. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015. 392 с.
2. Губанова Е.С., Клещ В.С. Методика оценки неравномерности социально-экономического развития региона // Проблемы развития территории. 2018. № 6 (98). С. 30–41.
3. Буфетова А.Н. Межрегиональные различия в уровне жизни в России // Вестн. Новосибир. гос. ун-та. Сер. «Социально-экономические науки». 2014. Т. 14. Вып. 3. С. 113–123.
4. Ускова Т.В. О потенциале развития российских территорий // Проблемы развития территории. 2018. № 5 (97). С. 7–17.
5. Байнев В.Ф., Пелих С.А. Экономика региона: учеб. пособие / под ред. С.А. Пелиха. Минск: Изд-во ИВЦ Минфина, 2007. 272 с.
6. Ускова Т.В. Ключевые угрозы экономической безопасности России // Проблемы развития территории. 2019. № 1 (99). С. 7–16.
7. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. *Foreign Affairs*. December 12, 2015 Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2015-12-12/fourth-industrial-revolution> (accessed 07.04.2019).
8. Уринсон Я.М. Промышленная революция и экономический рост. М.: Либеральная миссия, 2018. 40 с.
9. McNeil Ian. *An Encyclopedia of the History of Technology*. London: Routledge, 1990. 1084 p.
10. Гулин К.А., Усков В.С. Тренды четвертой промышленной революции // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 5. С. 216–221.
11. Carus-Wilson E.M. An Industrial Revolution of the Thirteenth Century. *The Economic History Review*, 1941, vol. 11 (1), pp. 39–60.
12. Hobsbawm E. *Industry and Empire: From 1750 to the Present Day*. New York: Abacus, 1999. 411 p.
13. Hull J. The Second Industrial Revolution: The History of a Concept. *Storia Della Storiografia*, 1999, iss. 36, pp. 81–90.
14. Rifkin J. *The Third Industrial Revolution: How Lateral Power Is Transforming Energy, the Economy, and the World*. New York: St. Martin's Press, 2011. 304 p.
15. Bondar K. What is in reality Industry 4.0? *Innovacima*. November 9, 2017. Available at: <http://innovacima.com/en/2017/11/09/what-is-industry-4-0/> (accessed 24.05.2019).
16. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВлаДар, 1993. 310 с.
17. Чжан Бинь, Байнев В.Ф. «Четвертая промышленная революция» как технико-технологический и политико-экономический феномен // Новая экономика. Минск, 2017. № 1 (69). С. 4–10.
18. Промышленная политика и маркетинговые стратегии как драйверы развития новой экономики в условиях глобализации и диверсификации производства: коллективная монография / под ред. В.Н. Парахиной. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2018. 360 с.
19. Rodrik D. The Return of Industrial Policy. *Project Syndicate*. April 12, 2010. Available: <http://www.project-syndicate.org/commentary/the-return-of-industrial-policy> (accessed 07.04.2019).
20. Губанов С.С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция. М.: Книжный мир, 2012. 224 с.
21. Кондратьев В.Б. Промышленная политика как гарант стабильности экономики // Региональная Россия. 2015. С. 30–39.
22. Глазьев С.А. Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир, 2018. 768 с.
23. Якушев Н.О. Несырьевой экспорт Союзного государства как фактор экономического развития территории России и Беларуси // Проблемы развития территории. 2018. № 5 (97). С. 41–54.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Байнев Валерий Федорович – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой инновационного менеджмента. Белорусский государственный университет. Республика Беларусь, 220050, г. Минск, пр-т Независимости, д. 4. E-mail: baynev@bsu.by. Тел.: +375(17) 328-58-98.

Рунков Юрий Юрьевич – младший научный сотрудник кафедры инновационного менеджмента. Белорусский государственный университет. Республика Беларусь, 220050, г. Минск, пр-т Независимости, д. 4. E-mail: yura.runkov@mail.ru. Тел.: +375(17) 328-58-98.

Bainev V.F., Runkov Yu.Yu.

TECHNICAL AND TECHNOLOGICAL PROGRESS AS A KEY FACTOR IN REGIONAL DEVELOPMENT IN THE 21ST CENTURY

The article investigates the characteristics of the modern stage of technological evolution, including, first of all, in the context of its impact on the development of regions. It is shown that the achievements of the fourth industrial revolution (the fifth and the sixth technological modes) cause technical and technological changes in the society, as well as fundamental political and economic transformations. Among the most significant transformations are: the rapid growth of labor productivity through completing the mechanization, electrification, and production automation processes and the beginning of the intellectualization of the technosphere; vertical and horizontal integration of production assets within network corporations built on the basis of CNC equipment and the “industrial Internet”. It is shown that such corporations provide an opportunity of inclusion and coordinated functioning within the framework of single value chains of many industries with CNC equipment, including those located in different regions, other countries and even on other continents. Built on this principle, corporations open up fundamentally new opportunities to achieve global competitiveness and overcome many global (raw materials, energy, environmental, etc.) problems of civilization, including the problem of uneven development of territories. That is, the fourth industrial revolution opens a new page in the theory and methodology of formation and implementation of the regional policy. Of course, the realization of these advantages provided by the current stage of technological development in Russia, Belarus and other post-Soviet countries is possible only with timely awareness of the true content and political and economic essence of the transformations caused by the fourth industrial revolution. In other words, following the example of the most developed world’s countries, accelerated development of the industrial complex of the Union state of Russia and Belarus and the EAEU countries in the framework of the policy of new (digital) industrialization should be designated as the main strategic priority for their development in the short and long term.

Disproportions of regional development, technical and technological progress, the fourth industrial revolution, network corporation, local competitive advantages, integration of regional enterprises, new (digital) industrialization.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Bainev Valerii Fedorovich – Doctor of Economics, Professor, Head of Department for Innovative Management. Belarusian State University. 4, Nezavisimosti avenue, Minsk, 220030, Republic of Belarus. E-mail: baynev@bsu.by. Phone: +375(17) 328-58-98.

Runkov Yurii Yur'evich – Junior Research Associate, Department for Innovative Management. Belarusian State University. 4, Nezavisimosti avenue, Minsk, 220030, Republic of Belarus. E-mail: yura.runkov@mail.ru. Phone: +375(17) 328-58-98.

АКТУАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ: ЦИФРЫ И ФАКТЫ

DOI: 10.15838/ptd.2019.4.102.10

УДК 316.42(470.12) | ББК 60.527(2Рос-4Вол)

© Морев М.В., Дементьева И.Н., Леонидова Е.Э.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ В ИЮНЕ 2019 ГОДА

МОРЕВ МИХАИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ

Вологодский научный центр Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: 379post@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1396-8195; ResearcherID: I-9815-2016

ДЕМЕНТЬЕВА ИРИНА НИКОЛАЕВНА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: irinika_74@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3072-5614; ResearcherID: H-4767-2017

ЛЕОНИДОВА ЕЛЕНА ЭДУАРДОВНА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: leoele@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6459-8986; ResearcherID: I-9446-2016

Для цитирования: Морев М.В., Дементьева И.Н., Леонидова Е.Э. Основные тенденции социального самочувствия населения Вологодской области в июне 2019 года // Проблемы развития территории. 2019. № 4 (102). С. 163–169. DOI: 10.15838/ptd.2019.4.102.10

For citation: Morev M.V., Dement'eva I.N., Leonidova E.E. Main trends in the social well-being of the Vologda Oblast population in June 2019. *Problems of Territory's Development*, 2019, no. 4 (102), pp. 163–169. DOI: 10.15838/ptd.2019.4.102.10

В мае – июне 2019 года ФГБУН ВолНЦ РАН провел очередной этап мониторинга общественного мнения о социально-экономической и политической ситуации в стране и регионе¹. Результаты исследования представлены в нижеследующем материале.

В июне 2019 года по сравнению с апрелем 2019 года оценки социального настроения жителей области существенно не изменились: доля тех, кто характеризует свое состояние как «нормальное и прекрасное», составила 69–71%, удельный вес людей, испытывающих «напряжение, раздражение, страх, тоску», – 24–26% (табл. 1). В то же время индекс социального настроения возрос на 5 пунктов (со 143 до 148 п.).

В большинстве социально-демографических категорий населения за последние два месяца отмечаются позитивные изменения: при этом наиболее существенный рост индекса социального настроения наблюдается в возрастной группе старше 55 лет (на 14 п., со 126 до 140 п.), среди лиц, имеющих среднее и неполное среднее образование (на 8 п., со 128 до 136 п.), в 60%-й группе среднеобеспеченных (на 7 п., со 145 до 152 п.), в Череповце (на 7 п., со 141 до 148 п.)².

Оценки запаса терпения в среднем по региону сохранились на уровне двухмесячной давности: доля тех, кто считает, что «все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть», составляет 78%, удельный вес жителей области, заявляющих, что «терпеть бедственное положение уже невозможно», – 17%. Наиболее значительное повышение индекса запаса терпения в апреле – июне 2019 года отмечается среди жителей области в возрасте старше 55 лет (на 5 п., со 153 до 158 п.), среди лиц, имеющих среднее специальное образование (на 7 п., со 166 до 173 п.), в 60%-й группе среднеобеспеченных (на 7 п., со 160 до 167 п.) и 20%-й группе наиболее обеспеченных (на 7 п., со 180 до 187 п.).

В среднем за последние 6 опросов (август 2018 года – июнь 2019 года) показатели социального самочувствия примерно соответствуют уровню 2018 года: индекс социального настроения составляет 147 пунктов, индекс запаса терпения – 159 пунктов.

По данным ВЦИОМ, улучшение социальных настроений в мае – июне наблюдалось и в России в целом, что во многом связано с некоторой пассивностью по отношению к общественно-политическим проблемам в летние месяцы, традиционно являющиеся периодом ежегодных отпусков³. Позитивный эмоциональный фон, как отмечают эксперты, создавали и такие события общественной жизни, как Чемпионат мира по хоккею-2019, праздничные торжества, посвященные победе Красной Армии и советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, конкурс «Евровидение-2019», активно освещаемая в СМИ подготовка к предстоящей специальной ежегодной программе «Прямая линия с Владимиром Путиным»⁴.

В динамике самооценок материального положения за период с апреля по июнь 2019 года произошли позитивные изменения.

¹ Мониторинг общественного мнения ФГБУН ВолНЦ РАН (ранее – ИСЭРТ РАН) проводится с 1996 года с периодичностью один раз в два месяца. Опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекнинском районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

² В исследовании анализируется динамика оценок в разрезе 14 социально-демографических категорий, выделенных по:

- полу (мужчины; женщины);
- возрасту (до 30 лет; от 30 до 55 лет; старше 55 лет);
- уровню образования (среднее и неполное среднее; среднее специальное; высшее и незаконченное высшее);
- самооценке уровня доходов (20% наименее обеспеченных, 60% среднеобеспеченных, 20% наиболее обеспеченных);
- территории проживания (г. Вологда, г. Череповец, районы области).

³ Социальное самочувствие россиян: мониторинг. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9746>

⁴ Топ-7 событий месяца по мнению россиян. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9748>; Прямая линия с Владимиром Путиным: до старта. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9764>

Таблица 1. Динамика некоторых показателей социального самочувствия населения Вологодской области, % от числа опрошенных*

Показатель	Вариант ответа	2007	2011	2012	2016	2017	2018	Авг. 2018	Окт. 2018	Дек. 2018	Февр. 2019	Апр. 2019	Июнь 2019	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), среднее за последние 6 опросов к		
															2018	2011	2007
Настроение	Прекрасное настроение; нормальное состояние	63,6	63,1	67,3	68,0	70,4	71,2	72,5	71,3	70,7	68,0	68,8	71,4	70,5	-1	+7	+7
	Испытываю напряжение, раздражение; страх, тоску	27,8	28,9	27,0	26,2	24,2	23,1	22,5	23,1	23,5	25,6	25,5	23,5	24,0	+1	-5	-4
	Индекс социального настроения	135,8	134,2	140,3	143,8	146,2	148,2	150,4	148,2	147,2	142,4	143,3	147,9	146,6	-2	+12	+11
Запас терпения	Все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть	74,1	74,8	76,6	78,0	77,7	77,1	78,0	75,7	77,1	74,3	76,7	78,0	76,6	-1	+2	+3
	Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	13,6	15,3	15,8	15,6	15,8	16,3	15,5	17,1	17,5	19,1	17,5	16,5	17,2	+1	+2	+4
	Индекс запаса терпения	160,5	159,5	160,8	162,4	162,0	160,8	162,5	158,6	159,6	155,2	159,2	161,3	159,4	-1	0	-1

2007 г. – последний год II президентского срока В.В. Путина; 2011 г. – последний год президентства Д.А. Медведева.
 2007, 2011, 2012, 2016, 2017, 2018 гг. – среднегодовые данные.
 * Согласно методике проведения исследования, ошибка выборки не превышает 3%, поэтому здесь и далее изменения с разницей в 2 п. п. не учитываются, в таблицах они выделены синим цветом; изменения с разницей в 3–4 п. п. считаются незначительными.

За последние два месяца незначительно увеличился уровень среднедушевого дохода среди людей, входящих (по субъективным оценкам) в категории 60% среднеобеспеченных (с 13759 до 14109 руб.) и 20% наименее обеспеченных (с 7391 до 7456 руб.; табл. 2).

В среднем за последние 6 опросов по сравнению с 2018 годом соотношение фактического дохода с прожиточным минимумом в среднем по области существенно не изменилось (1,4 раза).

В период с апреля по июнь 2019 года характер суждений об экономическом положении России и области существенно не изменился. Доля положительных оценок ситуации в стране и регионе сохранилась на уровне 15 и 12% соответственно, отрицательных – на уровне 25 и 35% (табл. 3). Заметное понижение индекса оценок экономической ситуации в области наблюдалось в 20%-й группе наименее обеспеченных (на 9 п., с 57 до 48 п.), а повышение – в 20%-й группе наиболее обеспеченных (на 16 п., с 80 до 96 п.).

Оценки материального положения семьи в среднем по области не претерпели существенных изменений: удельный вес тех, кто считает его «хорошим», сохранился на уровне 11%, негативные суждения высказывали 30% жителей региона. В разрезе социально-демографических групп населения некоторое ухудшение ситуации наблюдалось в возрастной группе до 30 лет (индекс снизился на 3 п., с 85 до 82 п.), среди лиц, имеющих высшее и незаконченное высшее образование (на 4 п., с 88 до 84 п.). В остальных категориях оценки улучшились, наиболее существенно – среди лиц, имеющих среднее и неполное среднее образование (на 8 п., с 64 до 72 п.).

За последние 6 опросов по сравнению с показателями 2018 года характер суждений об экономике России и области не изменился: соответствующие индексы установились на отметке 88 и 75 пунктов. Индекс материального благополучия семьи сохранился на уровне 81 п.

Таблица 2. Доход на одного члена семьи и соотношение дохода на одного члена семьи и прожиточного минимума (в распределении по доходным группам)

Доходная группа	2007	2011	2012	2016	2017	2018	Авг. 2018	Окт. 2018	Дек. 2018	Февр. 2019	Апр. 2019	Июнь 2019	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), среднее за последние 6 опросов к		
														2018	2011	2007
Доход на одного члена семьи, руб.																
20% наименее обеспеченных	2086	3905	4330	5679	5584	6598	6563	6370	7678	7442	7391	7456	7150	+552	+3245	+5064
60% среднеобеспеченных	4633	8425	9293	11707	12154	13245	13396	13741	13119	14058	13759	14109	13697	+452	+5272	+9064
20% наиболее обеспеченных	11218	17637	19907	25292	25360	27428	28718	29114	26415	28005	28332	28205	28132	+704	+10495	+16914
Среднее по области	5440	9363	10425	13220	13479	14752	15094	15344	14692	15526	15430	15599	15281	+529	+5918	+9841
Прожиточный минимум, руб.	3765	6514	6563	10102	10511	10658	10995	10995	10980	10980	10698	10698	10891	+233	+4377	+7126
Соотношение дохода на одного члена семьи и прожиточного минимума по доходным группам, раз																
20% наименее обеспеченных	0,6	0,6	0,7	0,6	0,5	0,6	0,6	0,6	0,7	0,7	0,7	0,7	0,7	+0,1	+0,1	+0,1
60% среднеобеспеченных	1,2	1,3	1,4	1,2	1,2	1,2	1,2	1,2	1,2	1,3	1,3	1,3	1,3	+0,1	0	+0,1
20% наиболее обеспеченных	3,0	2,7	3,0	2,5	2,4	2,6	2,6	2,6	2,4	2,6	2,6	2,6	2,6	0	-0,1	-0,4
Среднее по области	1,4	1,4	1,6	1,3	1,3	1,4	1,4	1,4	1,3	1,4	1,4	1,4	1,4	0	0	0

Таблица 3. Динамика оценок экономического и материального положения, % от числа опрошенных

Показатель	2007	2011	2012	2016	2017	2018	Авг. 2018	Окт. 2018	Дек. 2018	Февр. 2019	Апр. 2019	Июнь 2019	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), среднее за последние 6 опросов к		
														2018	2011	2007
Экономическое положение России																
Хорошее	20,9	10,0	10,7	7,5	11,5	14,4	14,3	14,3	14,7	14,1	14,9	14,6	14,5	0	+5	-6
Среднее	49,2	49,7	51,2	41,0	41,6	43,9	44,5	45,3	44,5	44,7	44,7	46,8	45,1	+1	-5	-4
Плохое	15,0	28,5	25,5	37,5	32,2	27,2	27,4	27,0	27,6	26,1	26,4	24,7	26,5	-1	-2	+12
Индекс	105,9	81,5	85,2	70,0	79,4	87,2	86,9	87,3	87,1	88,0	88,5	89,9	88,0	+1	+7	-18
Экономическое положение области																
Хорошее	22,5	10,4	9,9	6,5	9,5	11,8	12,4	11,7	12,3	11,3	10,6	11,6	11,7	0	+1	-11
Среднее	49,5	48,2	49,4	35,5	36,9	39,2	38,5	39,3	40,4	41,3	41,5	42,7	40,6	+1	-8	-9
Плохое	14,2	30,2	29,4	46,0	39,5	36,9	38,1	37,6	38,1	36,7	37,0	35,2	37,1	0	+7	+23
Индекс	108,3	80,2	80,5	60,5	70,0	74,9	74,3	74,1	74,2	74,6	73,6	76,4	74,5	0	-6	-34
Материальное положение семьи																
Хорошее	14,7	9,6	10,1	9,3	10,7	11,8	12,0	12,3	11,1	11,9	9,3	10,5	11,2	-1	+2	-4
Среднее	52,7	50,3	54,2	50,0	49,7	48,7	47,9	49,1	47,7	50,1	50,8	51,5	49,5	+1	-1	-3
Плохое	22,2	29,8	27,4	32,6	31,9	30,2	30,4	30,3	32,1	29,8	31,2	29,5	30,6	0	+1	+8
Индекс	92,5	79,8	82,7	76,7	78,8	81,6	81,6	82,0	79,0	82,1	78,1	81,0	80,6	-1	+1	-12

В целом стабилизация, а в отдельных категориях и улучшение оценок экономического положения в стране и регионе, а также материального благосостояния семей могут быть связаны с наступлением летних месяцев, позволяющих приспособиваться к сложностям экономической ситуации за счет увеличения опоры на личное подсобное хозяйство, а также с замедлением инфляционных процессов. По данным Вологдастата, потребительские цены на протяжении нескольких месяцев (с марта по май 2019 года) остаются стабильными (100,2%), что, на наш взгляд, влияет на отсутствие негативной динамики⁵.

⁵ Социально-экономическое положение Вологодской области в январе – мае 2019 года: докл. / Вологдастат. Вологда, 2019. С. 64.

Таблица 4. Динамика оценок политической обстановки, % от числа опрошенных

Показатель	2007	2011	2012	2016	2017	2018	Авг. 2018	Окт. 2018	Дек. 2018	Февр. 2019	Апр. 2019	Июнь 2019	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), среднее за последние 6 опросов к		
														2018	2011	2007
В России																
Благополучная, спокойная	48,4	44,1	39,8	25,5	33,9	40,4	41,5	40,3	42,3	42,1	42,6	45,9	42,5	+2	-2	-3
Напряженная, критическая, взрывоопасная	34,1	37,8	43,2	56,0	49,3	45,6	46,1	47,3	46,0	44,2	44,3	40,8	44,8	-1	+7	+11
Индекс	114,3	106,3	96,6	69,5	84,6	94,8	95,4	93,0	96,3	97,9	98,3	105,1	97,7	+3	-9	-17
В области																
Благополучная, спокойная	60,1	51,8	51,8	44,2	52,0	54,9	54,7	52,9	55,1	55,6	55,5	59,3	55,5	+1	+4	-5
Напряженная, критическая, взрывоопасная	24,7	26,5	31,8	39,5	33,8	33,3	33,9	35,3	34,9	34,5	33,5	30,6	33,8	+1	+7	+9
Индекс	135,4	125,3	120,0	104,7	118,2	121,6	120,8	117,6	120,2	121,1	122,0	128,7	121,7	0	-4	-14

Однако отсутствие положительных изменений в оценках материального положения объясняется снижением размера реальной начисленной заработной платы (в апреле по сравнению с мартом 2019 года данный показатель составил 95%, т. е. снизился на 5 п. п.)⁶. Более того, Вологодская область занимает восьмое место в рейтинге субъектов РФ с самой высокой долговой нагрузкой населения. Текущая долговая нагрузка на вологжан составила 25,9%, то есть жители Вологодчины направляют на погашение набранных кредитов более четверти своих доходов. Это выше, чем в среднем по России, где показатель долговой нагрузки равен 23%⁷.

За последние два месяца характер суждений относительно ситуации в политической жизни России и области несколько улучшился: доля тех, кто считает обстановку «благополучной, спокойной», в стране возросла с 43 до 46%, в регионе – с 56 до 59%, удельный вес негативных оценок, напротив, снизился: в стране – с 44 до 41%, в области – с 34 до 31% (табл. 4).

Наиболее существенные позитивные тенденции в оценках политической обстановки в стране и области отмечаются в возрастной группе от 30 до 55 лет (индекс оценки политической ситуации в стране увеличился на 9 п., с 95 до 104 п.; в области – на 13 п., со 119 до 132 п.); среди представителей 20%-й группы наиболее обеспеченных (индекс оценки политической ситуации в стране возрос на 13 п., со 102 до 115 п.; в области – на 10 п., со 136 до 146 п.).

В среднем за последние 6 опросов по сравнению с 2018 годом характер суждений о политической ситуации в стране улучшился: соответствующий индекс возрос с 95 до 98 п. Оценки политической обстановки в регионе сохранились без изменений: индекс соответствует отметке 122 пункта.

Позитивные тренды в оценках общественно-политической ситуации в последние месяцы во многом связаны с расширением положительного опыта взаимодействия власти и общества по решению различных проблем. На фоне многочисленных гражданских кампаний (дело журналиста Голунова, протесты против строительства храма в Екатеринбурге, немного ранее – протесты в Ингушетии и др.) общество почувствовало возможность повлиять

⁶ Социально-экономическое положение Вологодской области в январе – мае 2019 года: докл. / Вологдастат. Вологда, 2019. С. 64.

⁷ Вологодская область вошла в число регионов с самой высокой долговой нагрузкой населения // Премьер. URL: <https://premier.region35.ru/news/vologodskaya-oblast-voshla-v-chislo-regionov-s-samoy-vysokoy-dolgovoy-nagruzkoj-naseleniya>

на власть, а власть, в свою очередь, с помощью умелой политики частичных уступок обществу сохраняет общественное спокойствие и предотвращает эскалацию и политизацию проблем⁸. Подобная тактика властей в условиях расширения гражданского активизма положительно воздействует на общественное мнение.

РЕЗЮМЕ

Как показывают результаты очередного этапа мониторинга, в динамике общественного мнения за период с апреля по июнь 2019 года произошли неоднозначные изменения:

- улучшились показатели социального настроения (соответствующий индекс возрос со 143 до 148 п.);
- более благоприятными стали оценки политической ситуации в стране (индекс увеличился с 93 до 105 п.) и области (со 122 до 129 п. соответственно);
- стабильными остаются показатели запаса терпения (соответствующий индекс сохранился на уровне 161 п.);
- существенно не изменился характер суждений об экономическом положении России и области (90 и 76 п.);
- на прежнем уровне сохранились оценки материального положения семьи (81 п.).

Обращает на себя внимание существенное улучшение общественного мнения среди людей, относящихся (по самооценкам) к средне- и высокодоходным группам. Так, в 20%-й группе наиболее обеспеченных жителей области возросли индекс запаса терпения (на 7 п.), индексы экономической ситуации в России (на 8 п.) и области (на 16 п.), индексы политической обстановки в стране (на 13 п.) и регионе (на 10 п.). В 60%-й категории среднеобеспеченных улучшились оценки социального настроения (соответствующий индекс возрос на 7 п.), терпения (на 7 п.), политического положения в России (на 9 п.) и области (на 9 п.).

Стабилизация, а по многим показателям и улучшение оценок населения по ключевым параметрам (оценка экономической и политической ситуации, самооценка благосостояния семьи и социального самочувствия) во многом обусловлены замедлением экономического спада и улучшением ситуации в промышленном производстве, сельском хозяйстве, розничной торговле, на рынке труда, которые наблюдались в последние месяцы. По данным официальной статистики, в мае 2019 года наблюдалось увеличение темпов роста основных макроэкономических индикаторов: по отношению к предыдущему месяцу индекс промышленного производства составил 104,7% (в апреле 2019 года по сравнению с мартом 2019 года – 98,9%), объем производства продукции сельского хозяйства – 102,4% (102,1%), оборот розничной торговли – 102,8% (95,6%). Данные статистики демонстрируют замедление темпов инфляции – 100,2% (100,4%)⁹.

Вместе с тем не теряет своей значимости решение ключевых проблем региона, которые связаны прежде всего с динамикой уровня и качества жизни населения. Эффективность мероприятий властей в этом направлении приобретает все большую актуальность как объективное условие, необходимое для дальнейшего улучшения социального самочувствия и поддержания социальной стабильности.

В каком направлении будут развиваться изменения в общественном мнении жителей области в ближайшем будущем, покажут результаты следующего этапа мониторинга ФГБУН ВолНЦ РАН, который пройдет в августе 2019 года.

⁸ Наступление на месте: как власть научилась управлять протестом. URL: <https://www.levada.ru/2019/06/19/nastuplenie-na-meste-kak-vlast-nauchilas-upravlyat-protestom>

⁹ Социально-экономическое положение Вологодской области в январе – мае 2019 г.: Доклад / Вологдастат. Вологда, 2019. 91 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Морев Михаил Владимирович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией исследования социальных процессов и эффективности государственного управления, заместитель заведующего отделом исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: 379post@mail.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-10.

Дементьева Ирина Николаевна – научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: irinika_74@mail.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-10.

Леонидова Елена Эдуардовна – научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: leoele@mail.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-10.

Morev M.V., Dement'eva I.N., Leonidova E.E.

MAIN TRENDS IN THE SOCIAL WELL-BEING OF THE VOLOGDA OBLAST POPULATION IN JUNE 2019

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Morev Mikhail Vladimirovich – Ph.D. in Economics, Leading Research Associate, Head of the Laboratory for Studies of Social Processes and State Administration Performance, Deputy Head of the Department of Living Standard and Lifestyle Studies. Federal State Budgetary Institution of Science "Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences". 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: 379post@mail.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

Dement'eva Irina Nikolaevna – Research Associate at the Department of Living Standard and Lifestyle Studies. Federal State Budgetary Institution of Science "Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences". 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: irinika_74@mail.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

Leonidova Elena Eduardovna – Research Associate at the Department of Living Standards and Lifestyle Studies. Federal State Budgetary Institution of Science "Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences". 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: leoele@mail.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

КОНФЕРЕНЦИИ, ЗАСЕДАНИЯ, СЕМИНАРЫ

С ЗАСЕДАНИЙ УЧЕНОГО СОВЕТА

Заседание ученого совета ФГБУН ВолНЦ РАН 26.06.2019

26 июня 2019 года состоялось заседание ученого совета ФГБУН ВолНЦ РАН, на котором старший научный сотрудник, заведующий отделом проблем научно-технологического развития и экономики знаний канд. экон. наук Е.А. Мазиллов и научный сотрудник, заведующий лабораторией канд. экон. наук А.Е. Кремин представили сообщение на тему «Малый бизнес в обеспечении экономического роста: факты, проблемы, перспективы».

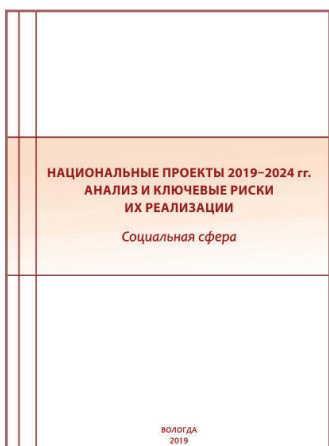
Евгений Александрович проанализировал состояние и место малого предпринимательства в России, представил оценку его вклада в социально-экономическое развитие Вологодского региона, а также результаты анализа эффективности государственной поддержки сектора малого бизнеса в субъектах Российской Федерации, отметил, что после принятия Стратегии развития малого предпринимательства

до 2030 года в России сложилась объективная необходимость в разработке региональных стратегий развития малого бизнеса, позволяющих согласовывать основные направления государственной деятельности для достижения синергетического эффекта. В заключение докладчик определил перспективные направления научно-исследовательской работы.

В обсуждении материалов доклада приняли активное участие д-р экон. наук, профессор В.А. Ильин, д-р экон. наук А.А. Шабунова, канд. экон. наук К.А. Задумкин, д-р экон. наук Т.В. Ускова, канд. экон. наук А.В. Попов, канд. экон. наук Г.В. Леонидова, канд. экон. наук С.А. Кожевников.

*Материал подготовила
Д.В. Соколова
инженер-исследователь
ФГБУН ВолНЦ РАН*

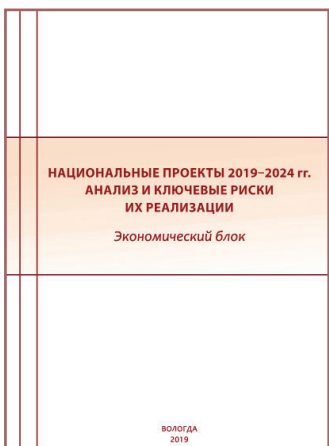
НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ФГБУН ВОЛНЦ РАН

Национальные проекты 2019–2024 гг.: анализ и ключевые риски их реализации. Социальная сфера: науч.-аналит. изд. / кол. авт.; под науч. рук. А.А. Шабуновой. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019. 68 с.

В научно-аналитическом издании представлены результаты анализа основных положений, а также ключевых рисков реализации национальных проектов «Демография», «Здравоохранение», «Образование», «Культура». Полученные выводы подтверждаются анализом мнений ведущих экспертов из научной сферы, государственного управления, общественности относительно «узких» мест и основных рисков реализации данных документов.

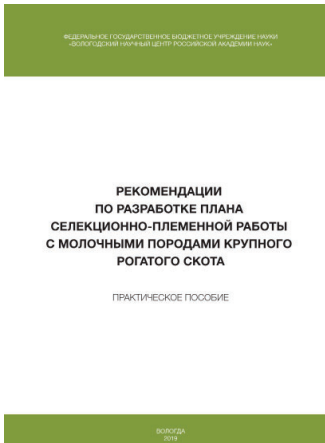
Результаты исследования могут быть использованы в деятельности федеральных и региональных органов государственной власти при реализации ключевых направлений государственной политики в социальной сфере.

Национальные проекты 2019–2024 гг.: анализ и ключевые риски их реализации. Экономический блок: науч.-аналит. изд. / кол. авт.; под науч. рук. В.А. Ильина, Т.В. Усковой. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019. 93 с.

В научно-аналитическом издании представлены результаты анализа основных положений, а также рисков реализации нацпроектов «Жилье и городская среда», «Экология», «Безопасные и качественные автомобильные дороги», «Производительность труда и поддержка занятости», Комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры до 2024 года. Полученные выводы подтверждаются анализом мнений ведущих экспертов из научной сферы, государственного управления, общественности относительно «узких» мест и основных рисков реализации названных документов.

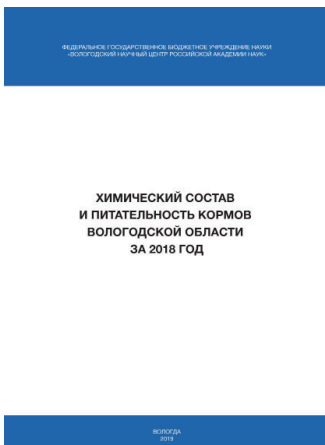
Результаты исследования могут быть использованы в деятельности федеральных и региональных органов государственной власти при реализации ключевых направлений государственной политики в данной сфере.

Рекомендации по разработке плана селекционно-племенной работы с молочными породами крупного рогатого скота: практ. пособие / Н.И. Абрамова [и др.]; под общ. ред. Г.С. Власовой. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019. 96 с.

Работа основана на практическом опыте специалистов отдела разведения сельскохозяйственных животных СЗНИИМЛПХ, работавших в течение последних двадцати лет более 50 планов селекционно-племенной работы. В практическом пособии представлены методические рекомендации по разработке плана селекционно-племенной работы с молочными породами крупного рогатого скота, оформленные на примере конкретного плана. Использование пособия позволит специалистам определить последовательность изложения материала, примеры формирования таблиц, графиков, диаграмм, расчета плановых показателей, схемы линий, а также рекомендации по вопросам кормления, воспроизводства и организационных мероприятий.

Публикуемые рекомендации предназначены для руководителей, зоотехников-селекционеров сельхозпредприятий, преподавателей и студентов, магистрантов, аспирантов сельскохозяйственных учебных заведений, сотрудников научных учреждений.

Гусаров И.В., Фоменко П.А., Богатырева Е.В. Химический состав и питательность кормов Вологодской области за 2018 год. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019. 40 с.

В справочном издании представлены усредненные данные химического состава кормов Вологодской области, заготовленных в 2018 году.

Информация предназначена для специалистов и руководителей сельхозпредприятий, работников департамента сельского хозяйства и продовольственных ресурсов, научных сотрудников, студентов, аспирантов, преподавателей вузов (по данному профилю) и других лиц, заинтересованных в области кормления животных.

ПРАВИЛА
приема статей, направляемых в редакцию
научного журнала «Проблемы развития территории»
(в сокращении)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объем принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала на основе заключения рецензента, также учитывается новизна, научная значимость и актуальность представленных материалов. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются.

ТРЕБОВАНИЯ К КОМПЛЕКТНОСТИ МАТЕРИАЛОВ

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы:

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф.И.О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, при наличии – e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID и оформленные по образцу.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес редакционной коллегии (pdt.isert@mail.ru).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. Поля: Правое – 1 см, остальные – по 2 см.
2. Шрифт: Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.
3. Абзацный отступ – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.
4. Нумерация: номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.
5. Оформление 1 страницы статьи

В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.

6. Требования к аннотации

Объем текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов.

Аннотация должна представлять самодостаточный текст, оформленный одним абзацем и выступающий как краткая модель статьи. В аннотации обязательно должны быть отражены актуальность, основная идея и цель проведенного исследования, лаконично изложены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых, перечислены использованные автором методы исследования, приведены основные результаты, кратко сформулированы ограничения/направления будущих исследований.

Текст аннотации должен быть лаконичным и четким, не должен содержать общих слов и пространственных формулировок. Рекомендуется использовать ключевые слова и выражения, которые максимально емко отражают суть исследования. Следует употреблять простые синтаксические конструкции, свойственные академическому письму, избегать сложных грамматических конструкций, длинных предложений.

Примеры аннотаций для различных типов статей (обзоры, научные статьи, концептуальные статьи, практические статьи) представлены на сайте: <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm?part=2&PHPSESSID=hdac5rtkb73ae013ofk4g8nrv1>

7. Требования к ключевым словам

К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц

В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру.

Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS Word. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм

Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный (приложение 4).

Для создания графиков должна использоваться программа MS Excel, для создания блок-схем – MS Word, MS Visio, для создания формул – MS Equation.

Рисунки и схемы, выполненные в MS Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из интернета графических материалов.

Алгоритм вставки графиков из MS Excel в MS Word:

- 1) в MS Excel выделить график компьютерной мышью, правой клавишей выбрать пункт контекстного меню «копировать»;
- 2) в MS Word правой клавишей мыши выбрать пункт контекстного меню «вставить», выбрать параметр вставки «специальная вставка», «диаграмма Microsoft Excel».

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками

Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок

Постраничные сноски оформляются в строгом соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

12. Оформление и содержание списка литературы

Слово «Литература» печатается строчными буквами полужирным курсивом, выравнивается по центру, дается через полтора интервала после текста статьи. После слова «Литература» делается полуторный интервал и приводится список библиографических источников.

Список литературы составляется в том же порядке, в котором источники упоминались в тексте статьи, а не по алфавиту (используется ванкуверский стиль оформления).

Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard¹.

В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными.

Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников.

Авторам не рекомендуется включать в список литературы следующие источники: 1) статьи из любых ненаучных журналов, газет; 2) нормативные и законодательные акты; 3) статистические сборники и архивы; 4) источники без указания автора (например, сборники под чьей-либо редакцией); 5) словари, энциклопедии, другие справочники; 6) доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы; 7) учебники и т. д. Ссылки на указанные источники рекомендуется давать посредством соответствующих постраничных сносок.

В список литературы рекомендуется включать следующие источники: 1) статьи из печатных научных журналов (или электронных версий печатных научных журналов); 2) книги; 3) монографии; 4) опубликованные материалы конференций; 5) патенты.

Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника из списка литературы и номера страницы, на которую ссылается автор. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой (например: [26, с. 10], [26, с. 10; 37, с. 57], [28], [28; 47] и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

---

¹ Информация об измененном стандарте Harvard представлена в работе О.В. Кирилловой «Редакционная подготовка научных журналов по международным стандартам. Рекомендации эксперта БД Scopus» (М., 2013. Ч. 1. 90 с.).

■ ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

■ Уважаемые читатели!

Вы можете оформить подписку на журнал «Проблемы развития территории» в отделении ФГУП «Почта России» (подписка осуществляется через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41318) либо на сайте <http://www.akc.ru>

Редакционная подготовка
Технический редактор, верстка
Корректор

М.В. Чумаченко
И.В. Артамонов
В.М. Кузнецова

Дата выхода в свет 31.07.2019.
Формат 60 × 84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 20,69. Тираж 500 экз. Заказ № 230
Свободная цена

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС 77-71360 от 17 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ФГБУН ВолНЦ РАН
Телефон: +7(8172) 59-78-03, факс +7(8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru, pdt.isert@mail.ru